ДИАЛОГ

ISSN 0236-0942

ЖУРНАЛ ЦК КПСС

13/1990 сентябрь

Народный депутат РСФСР Артем Тарасов:

РЕГУЛИРУЕМЫЙ РЫНОК НЕ ЗАЩИТИТ НАС ОТ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕН. МНЕ ЖЕ ДУМАЕТСЯ, ЧТО НУЖНО ВВЕСТИ В НАШУ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ИМЕННО ПОНЯТИЕ «РЕКОМЕНДОВАННЫЕ ЦЕНЫ» И... ПОНИЗИТЬ ИХ, СКАЖЕМ, ВДВОЕ. НА ВСЕ И ПОВСЕМЕСТНО!

К рынку! Но за чей счет?

Цена человеческого

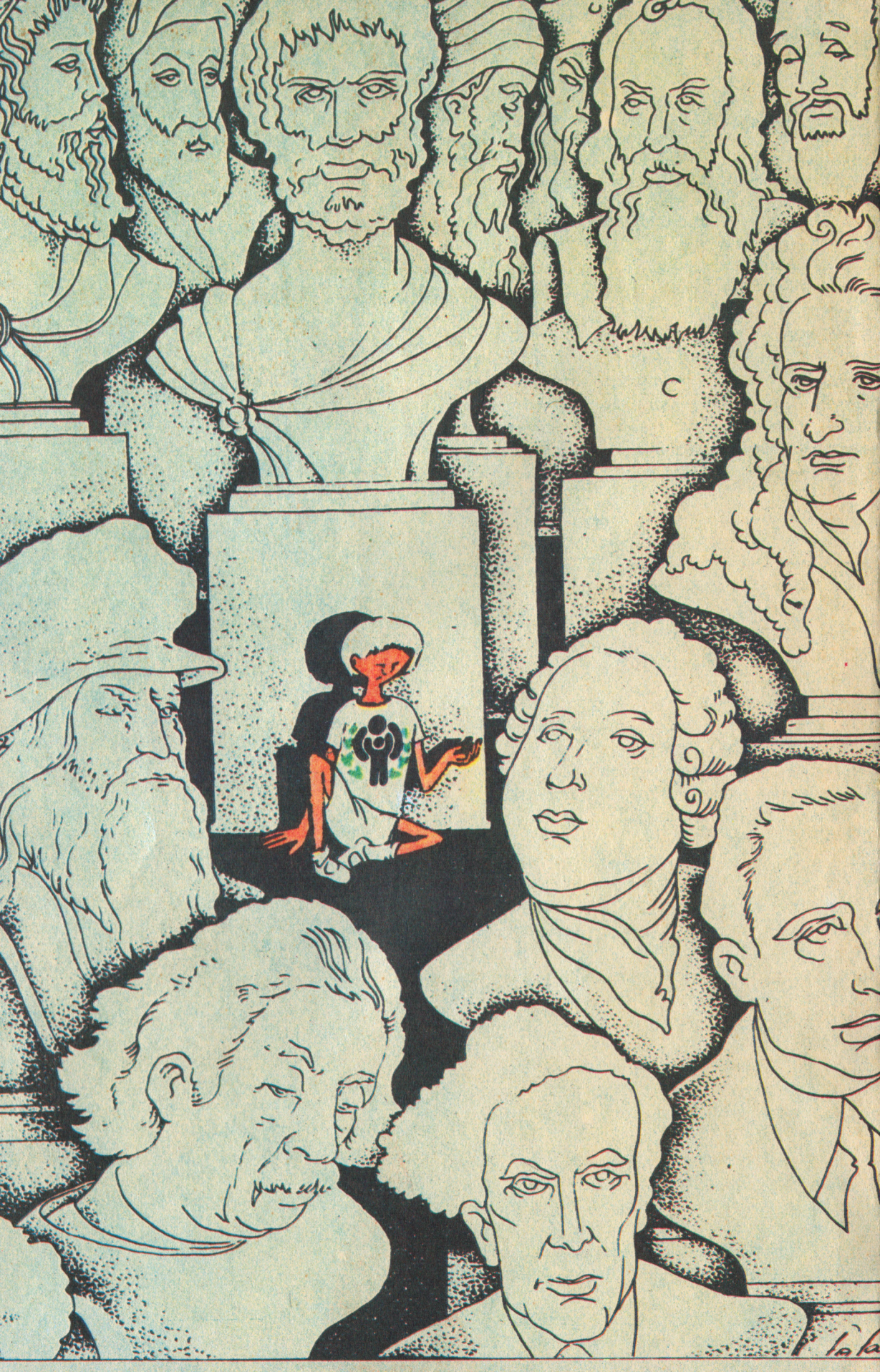
Мышеловки для политической борьбы

Рублевые страсти

Наши в Африке

Сильвестр, ты выбрал свою судьбу

В чем спокойствие души?



ДИАЛОГ

Общественно-политический журнал ЦК КПСС

...Социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс
В. И. Ленин

№ 13 СЕНТЯБРЬ 1990

Издается с января 1990 года

Выходит один раз в 20 дней

В НОМЕРЕ:

Есть жесткая логика и злая правда в том, что и классовый подход, и национализм, практикуемые в качестве сознательных приоритетных принципов, неразрывно связаны с насилием — как теоретически, так и практически. Вспомним исторический спор Ленина с Каутским о том, основана ли диктатура пролетариата на законе или на насилии, спор, в ходе которого хорошо знавший (а в какой-то мере и сам творивший) законы классовой борьбы Ленин однозначно и резко ответил: на насилии.

СТР. 18

НАШИ ПОСТАВКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В АФРИКУ ВСЕГДА БЫЛИ МИЗЕРНЫЕ, ТАК ЧТО НЕ «ОБЪЕДАЮТ» НАС АФРИКАНЦЫ! И В ЭФИОПИЮ, И В МОЗАМБИК, И В АНГОЛУ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ ПОСТАВЛЯЕТ ЗАПАД, А ВСПОМИНАТЬ О НЕСКОЛЬКИХ ТЫСЯЧАХ ТОНН ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, ЧТО МЫ ПОСЛАЛИ ДЛЯ СПАСЕНИЯ УМИРАЮЩИХ,— ПРОСТО НЕДОСТОЙНОЕ ЗАНЯТИЕ.

СТР. 85

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Д. ПОПОВ
(главный редактор)
С. С. АЛЕКСЕЕВ
А. Н. АНТОНОВ
В. И. ВЬЮНИЦКИЙ
В. В. ДОРОФЕЕВ
А. Я. ДЕГТЯРЕВ
Н. Я. КЛЕПАЧ
Ю. А. КРАСИН
Э. Ф. МАКАРЕВИЧ
Н. Ф. ОЛЕЙНИКОВ
В. В. ТРУШКОВ
Р. П. ФЕДОРОВ
И. И. ЦЫБУЛЬСКИЙ
В. Н. ШОСТАКОВСКИЙ

Технический редактор
С. И. Суровцева

Главный художник
С. Г. Михайлов

Адрес редакции:
125267 ГСП, Москва,
Миусская площадь, 6.
Телефон для справок:
250-12-83.

Сдано в набор 10.08.90.
Подписано к печати 29.08.90.
Формат 70×108 1/16.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 9,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Учетно-изд. л. 13,58.
Тираж 1 545 000 экз. (3-й завод: 974 889—1 194 866).
Заказ № 4128. Цена 25 коп.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.
Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент, улица Ленина, 41.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. Отчуждение (3)
СПРАШИВАЕМ. Что вы думаете о перестройке в СССР! (4)
ПРЯМАЯ РЕЧЬ (6)
НОВЫЕ СЛОВА, НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ. В. ВЬЮНИЦКИЙ. **Деполитизация и департизация** (8)
ОСОБОЕ МНЕНИЕ. Альтернатива Артема ТАРАСОВА. Вице-президент Союза объединенных кооперативов СССР отвечает на вопросы «Диалога» (10)
ДАЙДЖЕСТ ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ. Б. МИЛЬНЕР. **Учиться на своих ошибках!** (17)

ТЕОРИЯ

В. СТЕПИН, А. ГУСЕЙНОВ, В. МЕЖУЕВ, В. ТОЛСТЫХ. **Общечеловеческое и классовое** (18)

ПОЛИТИКА

А. ТАУСОВА. **Накануне.** Заметки о ситуации в Грузинской ССР (29)
Д. ВЫДРИН. **Технология популизма** (36)
Марксистская рабочая партия: через диктатуру — к демократии? На вопросы читателей «Диалога» о МРП-ПДП отвечает **Ю. ЛЕОНОВ** (41)
Глава из книги Р. МИХЕЛЬСА **«Социология политической партии в условиях демократии»** (45)

ЭКОНОМИКА

В. БОЙКОВ, Ж. ТОЩЕНКО. **Отчуждение** (51)
Я. КОРНАИ. **Путь к свободной экономике** (58)
Г. САЗОНОВ. **Преждевременные люди** (64)
Время денег. В. ИОХИН. **Лишние деньги** (69)
И. ЛИПСИЦ. **Рано отпевать рубль** (75)

МИР

Г. ЯНАЕВ. **Внешняя политика — без 6-й статьи** (82)
А. ВАСИЛЬЕВ, В. КОКОРЕВ. **Африка: 30 лет спустя** (85)

ЧЕЛОВЕК

Свободу совести. «Круглый стол» журнала «Диалог» по обсуждению нового законопроекта «О свободе совести и религиозных организациях» (95)
НИКОЛАЙ ШМЕЛЕВ. **Домострой.** Отрывок из нового исторического романа «Сильвестр» (104)

MONITORING OF THE PUBLIC OPINION. Alienation (3)
QUESTION. What do you think about perestroyka in USSR? (4)
LETTERS TO THE EDITOR (6)
NEW WORDS, NEW NOTIONS. V. VYUNITSKY. **Depolitisation and departisation** (8)
OPPOSITE OPINION. Artyom Tarasov's alternative. Vice-president United kooperatives' Association of USSR answers to the questions of **William** DOROFEYEV (10)
DIDGEST FOR BUSINESSMEN. B. MILNER. To study on mistakes (17)

THEORY

V. STEPIN, A. GUSEINOV, V. MEZHUYEV, V. TOLSTYKH. **Human source and class one** (18)

POLITICS

A. TAUSOVA. **At the eve.** Notes about the situation in Georgia (29)
D. VYDRIN. **The technology of populism** (36)
Marxist labour party: throughout dictatorship — to the democracy. Yu. LEONOV answers to the questions of our readers (41)
The chapter from R. MICHELS' book **«Sociology of political party in democracy»** (45)

ECONOMICS

V. BOYKOV. ZH. TOSHCHENKO. **Alienation** (51)
J. KORNAI. **The road to a free economy** (58)
G. SAZONOV. **Formerly men** (64)
V. IOKHIN. **The time of money** (68)
I. LIPSITS. **It isn't time to bury rouble** (74)

WORLD

G. YANAYEV: **foreign policy — without 6th paragraphe** (82)
A. VASILYEV, V. KOKOREV. **Africa: 30 years later** (85)

HUMAN

Freedom to conscience. «Round-table»: new bill «About freedom of conscience and religious organisations» (95)
NIKOLAY SHMELEV. **Domostroy.** Excerpt from the new historical novel «Silvester» (104)

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ОТЧУЖДЕНИЕ

Исследования Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС показывают, что положение дел на производстве и в сфере потребления вопреки ожиданиям ухудшилось. По мнению 66% специалистов, опрошенных в мае 1990 г., экономика в стране на грани развала. Только 30% из них считают положение дел сложным, но еще управляемым. Такое соотношение суждений выражало крайнюю озабоченность грозящей экономической катастрофой. Обстановка на предприятиях особенно резко стала ухудшаться в 1990 г. Это показывает сопоставление отрицательных оценок организации, условий и дисциплины труда, выраженных трудящимися (% к числу опрошенных).

Считают, что ухудшаются:	1986 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
— организация труда	5	11	12	22
— условия труда	9	9	12	24
— дисциплина труда	...	4	10	36

Социологические исследования фиксируют назревающие звенья социальной напряженности, воздействие которых в ближайшее время будет во многом определять сознание и поведение людей.

Теневая экономика проникла во все основные отрасли народного хозяйства. Это подтверждается данными опроса экспертов и рядовых работников. Более половины опрошенных (53%) освоили правило жизни «ты — мне, я — тебе». Вся сфера теневой экономики формирует такие отношения. Потери от бесхозяйственности оборачиваются фиктивным валовым общественным продуктом, который приносит реальные выплаты в виде зарплаты — **8—10 млрд.** рублей, не обеспеченные продукцией. Приписки к объемам выполненных работ оцениваются экспертами в **15—30 млрд.** рублей. В этом же ряду находятся и хищения. По данным Госкомстата, в 1989 г. ущерб от хищений составил: при стоимости похищенного свыше 50 рублей — **3,1 млрд.** рублей; мелкие хищения (до 50 рублей) — **1,8 млрд.**; от продажи похищенного бензина — **1,8 млрд.**; от продажи похищенных стройматериалов — **0,5 млрд.** По оценкам, ежегодные доходы преступников от контрабандной деятельности составляют **10—15 млрд.** рублей. Обман покупателей в торговле и общественном питании оценивается в **10,7 млрд.** рублей. Оплата бытовых услуг в самодеятельном порядке составляет **14—16 млрд.** рублей. Обман заказчиков и вымогательство в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании — **2,6 млрд.** рублей в год.

Являясь следствием деформации хозяйственного механизма, теневая экономика выступает вместе с тем одной из причин кризисных явлений в производственной и тесно связанной с ней социальной и политической сферах, разлагает нравственность людей. 40% опрошенных считают, что в борьбе с ней следует усиливать контроль, ужесточать наказание. Однако все чаще (55% экспертов и 40% трудящихся) обращают внимание на необходимость приведения хозяйственного и уголовного права в соответствие с требованиями свободного предпринимательства, рынка; 35% экспертов и 27% респондентов в ходе массового опроса внесли предложение легализовать и поощрять частную инициативу.

Отчуждение от собственности, труда, власти подрывает веру людей в преодоление экономического кризиса. По данным исследования, позитивные перемены в превращении работника в хозяина предприятия наблюдаются лишь среди тех, кто работает в условиях аренды. Однако их доля в составе опрошенных достигает лишь 9%. Отсутствуют механизмы стимулирования труда.

Кризис управления производством — еще одно звено социальной напряженности. По данным опросов, различные эшелоны государственного управления экономикой выглядят беспомощно. Лишь около **трети** специалистов положительно оценили деятельность правительства страны, 24% — деятельность правительств республик и 15% — действия местных Советов. Судя по имеющимся материалам, большинство трудящихся воспринимают экономическую реформу как движение «сверху», а не как возможность проявления самостоятельности и инициативы. Почему же, раскованно рассуждая о положении дел в обществе, критикуя просчеты руководящих органов, многие люди не обрели пока чувства личной ответственности за судьбы хозяйственной реформы, остаются равнодушными к тому, что их окружает на производстве?

Подробнее о состоянии экономического сознания в статье «ОТЧУЖДЕНИЕ» на СТР. 51

спрашиваем

Что вы думаете

Владимир ПРИПУТЕН,

1939 г. р., начальник отдела рекламы и прессы Торгпредства Чешской и Словацкой Федеративной Республики. Ценит в людях надежность. Больше всего не любит противоположных качеств. Любимое занятие: чтение книг, автовождение.

Провозглашение необходимости коренных перемен, начало перестройки было радостно встречено во всех странах социалистического лагеря, потому что в рамках той экономической системы, которая существовала до 1985 года, дальше жить было невозможно. Свою перестройку страны Восточной Европы начали именно под влиянием Советского Союза.

Если в СССР она развивается не так быстро, как хотелось бы, то потому, что есть люди, которые не поняли ее необходимости или просто не хотят ее. Эти люди сидят в центре и на местах и всячески тормозят любое движение вперед. Результат их деятельности — и неразгруженные вагоны, и пустые прилавки в магазинах, хотя заводы и фабрики выпускают продукции не меньше, чем раньше. Они действуют по принципу «чем хуже, тем лучше».

К следствиям перестройки ее противники приписывают и обострение национального вопроса, забывая, что комплекс этих проблем загонялся вглубь и только перестройка позволила говорить о них в полный голос! Вполне естественно: то, что формировалось десятилетиями, не сможет разрешиться в одночасье, за месяц или даже за год. Это тоже одна из причин того, что перестройка продвигается такими маленькими шагами.

СССР начал перестройку, но активнее она стала развиваться в наших странах. Я считаю, что нам в какой-то степени легче, ведь у нас больший опыт демократии. Мы ближе к Западной Европе, у нас всегда был перед глазами пример другой жизни. Наши туристы свободно ездили в разные страны, советские люди такой возможности были лишены.

И все же перемены в СССР налицо, и очень значительные. У людей меняется мышление, взгляды, советский человек сейчас другой, нежели 10 и даже 5 лет назад. Люди говорят то, что думают. Да иначе и невозможно. Весь мир идет по демократическому пути развития, и у перестройки другой дороги нет.

Винсен ЖОВЕР,

1958 г. р., главный редактор специальных выпусков журнала «Нувель обсерватёр», Франция. На вопросы, что больше всего ценит в людях, основная черта характера, любимое занятие,— отвечать отказался, посчитав их нетактичными.

Нынешнее состояние страны вселяет мало уверенности в ее будущем — с западной точки зрения. Настоящей парламентской демократии — борьбы партий — нет, и никто по-настоящему не стремится ее достичь. Я не верю заявлениям тех политических деятелей, которые говорят, что русский народ не готов к демократии, потому что за этими высказываниями скрывается одно устремление — жажда власти.

Горбачев начал перестройку, но ведь он стоит во главе партии, которая 70 лет подавляла свой народ! Хотя он сейчас и пытается слегка изменить ее структуру и характер влияния на общество, но где гарантия, что в определенный момент он не остановится сам и не затормозит либерализацию страны.

Есть другой лидер — Ельцин, вышедший недавно из КПСС. Я знаком с его биографией. Это типичный путь партийного деятеля, и нынешний его поступок — это продолжение борьбы, цель которой — прийти к власти с помощью демократических сил. Это политическая игра на гребне антикоммунизма.

Среди нынешних политических деятелей я не вижу ни одного подлинного демократического в западном понимании руководителя. Пока что не проявили себя в достаточной мере будущие лидеры, хотя наверняка они есть. Видимо, их время еще не пришло, но придет ли?

Сейчас в СССР появилось много других партий, выдвигающих альтернативные КПСС программы. Много надежд возлагается на Травкина, Оболенского. Все ждут от них мгновенного чуда, не понимая, что любым позитивным сдвигам предшествует огромная и длительная работа за влияние в массах. Программные требования у всех демократических партий примерно одинаковые, но методы политической борьбы немного наивные...

Я скептически отношусь к возможности быстрого обновления в СССР, хотя демократия — это единственный язык, на котором можно разговаривать в современном мире.

о перестройке в СССР?

Явор БОБЕВ,

1952 г. р., работник Болгарского культурно-информационного центра в Москве. Главной чертой своего характера считает непримиримость. В людях ценит честность и верность дружбе. Не уважает ненадежных и пустозвонов. Любимое занятие — профессиональная деятельность, творчество.

Самая большая и единственная заслуга Горбачева — он объявил о необходимости перемен. Он начал перестройку, но... я сейчас сомневаюсь, что можно что-то сделать, слишком много консерваторов вокруг.

Когда у вас создастся реальная политическая оппозиция, к предложениям которой начнут прислушиваться и выбирать из них самое рациональное, когда в парламенте будет борьба разных взглядов, столкновение мнений, тогда только станет формироваться реальная демократия.

Никаких перемен не произойдет, пока в СССР все государственные организации — Совет Министров, милиция, армия — не будут надпартийными. Страной должна руководить не КПСС, а самые компетентные, талантливые люди на государственных постах. А среди партий должна быть конкуренция, но и ее в Советском Союзе пока нет. Вновь создаваемые демократические направления слишком слабы и малочисленны. В Болгарии на 9 миллионов — 60 различных партий, а у вас?!

Чтобы что-то изменить, нужно прежде всего менять систему образования. Во-вторых, необходима большая информированность людей. Но о чем тут можно говорить, если у вас в некоторых районах страны до сих пор нет электричества и люди не имеют возможности смотреть телевизор и слушать радио?

Чтобы сформировать новое мышление, чтобы сознание людей стало более свободным, должны смениться 2—3 поколения. Слишком долго нас приучали к безответственности, бесхозяйственности, недобросовестному отношению к работе. Это болезнь социалистической системы, поэтому я не верю в возможность обновления и вашей, и нашей страны в рамках ее. Один из постулатов социализма — от каждого по способностям, каждому по труду. Но тогда в капитализме больше социалистических элементов, чем у нас, потому что там действительно каждый получает так, как он работает. А когда говорят, что мы будем строить гуманный, демократический социализм,— это нонсенс. Получается, что социализм может быть и негуманным. Зачем же он тогда вообще нужен?

Лев ФАБРИКАНТ,

1956 г. р., программист Национального банка «Леуми», Израиль. Основной чертой характера считает самообладание и организованность. Больше всего ценит в людях искренность и надежность. Не любит лжи и разгильдяйства. Увлекается путешествиями.

Если представить себе мир в виде огромных весов, на чашах которых более-менее равномерно распределены все страны, то Советский Союз будет выполнять на них роль гири, которая это равновесие или поддерживает, или нарушает. Поэтому весь мир с таким интересом следит за развитием событий в вашей стране.

За те три года, что я провел в СССР, изменения произошли разительные.

Огромный прорыв совершен в международных делах. Удивляет же то, что до сих пор между нашими странами нет дипломатических отношений, хотя это просто ненормально. Правда, налаживается культурный обмен, деловые контакты.

Многое сделано в области прав человека. Но до сих пор при выезде евреев из СССР существует масса сложностей, например, отсутствие прямых авиарейсов.

Если смотреть на перемены в Советском Союзе из-за границы, оценивая их глобально, то, безусловно, даешь им положительную оценку. Но когда приезжаешь сюда, окунаешься в повседневную жизнь, то некоторые ее аспекты неприятно поражают. Люди стали какие-то раздраженные, злые. Наверное, их можно понять: мало что меняется к лучшему. У вашего руководства что-то вроде психологического барьера. Это когда человек, стоя на скале перед пропастью, говорит себе: «Сейчас я ее перепрыгну»,— и не прыгает. Может, от разговоров, что нужно прыгнуть и как будет здорово, когда это произойдет, пора перейти непосредственно к прыжку?

Подготовила
Н. ЗНАТНОВА

ПРАВО ВНЕ ПОЛИТИКИ?

В последнее время в печати развернута мощная кампания, суть которой заключается якобы в необходимости деполитизации ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ и Советской Армии. Аргументы выдвигаются одни и те же — государственные органы должны стоять вне политики и руководствоваться только законом. Это мнение высказывается не только представителями прессы, но и народными депутатами различных уровней.

На мой взгляд, однобокое рассмотрение этой проблемы не отражает объективной стороны дела и не вносит ясности во все имеющиеся политические аспекты.

Во-первых, полной деполитизации правоохранительных и других государственных органов (в истинном понимании этого термина) быть не может. Каждый человек имеет свою систему взглядов, убеждений, которым он следует в жизни. И лишить этих убеждений даже карательно-запретительными действиями нереально. Можно лишь приостановить членство в партии, но убеждения и взгляды вряд ли от этого изменятся. И из подобной ситуации вытекает лишь один выход — запрет на убеждения и взгляды. Но конституционно ли это?

Во-вторых, всегда и везде осуществление политического курса какой-либо партии или коалиции даже в самой демократической стране происходит через систему назначения кадров на руководящие посты, в т. ч. и в правоохранительных органах. Именно с этого и начинается практическая политика, и современная история это подтверждает в абсолюте. В ироничной форме это можно выразить как «каков поп — таков и приход», какая власть — такая и политика, а каждый государственный работник — винтик ее механизма.

В-третьих, в правовом государстве подразумевается верховенство закона во всем. Все партии действуют в рамках закона. Но законы не вечны, как и конституции; и правовое государство может принимать те или иные формы, увы, даже и уродливые. Достаточно вспомнить фашистскую Германию — приход к власти Гитлера ознаменовал собой пересмотр всех существующих законов.

Аргументацию можно продолжить и дальше, но вывод и так ясен — право и политика неотделимы друг от друга, ибо первое является инструментом второго. Так что дискуссии о деполитизации правоохранительных органов изначально бесплодны, и речь можно и нужно вести только лишь в одном русле — как выработать механизмы, гарантирующие стабильность и объективность закона во имя социальной справедливости.

В наше время некоторые народные депутаты предлагают даже запретить работникам правоохранительных органов быть... народными депутатами. В частности, сошлюсь на одно из выступлений на I сессии Моссовета нового созыва. Уверен, что высказавший эту мысль депутат считает себя стоящим на демократических принципах правового государства. И его принципы... лишают гражданских прав большую группу людей по профессиональному признаку. Тем более прав, гарантированных Конституцией СССР, а именно — статьей 48.

У подобных «демократов» один аргумент — «вот как у них, на Западе, и нам бы так...». И если так рассуждать, то скоро в трагической истории маккартизма произойдет расширение географии на целую одну шестую часть планеты Земля.

И в заключение. Среди ряда работников милиций — членов КПСС также бытует мнение о необходимости полной деполитизации органов милиции. Но что за этим стоит — отказ от убеждений или обременительность пребывания в рядах КПСС? Из этих двух конкретных позиций и надо исходить, рассуждая о деполитизации. Другого, как мне кажется, не дано, и любая из этих позиций базируется на определенном мировоззрении, которое может противоречиво меняться. И не надо шарахаться из стороны в сторону, путая в конъюнктурных дебрях причину со следствием. От таких шараханий до печально известной «охоты на ведьм» один шаг. Не будем терять рассудка... И преклоняться перед Западом — даже в США судьи не лишены права быть членами какой-либо партии...

В. ГАЙДУКОВ,
капитан милиции
г. Москва

ОТ БЕДНОСТИ К ГЛУПОСТИ — И ОБРАТНО?

Я рабочий. И хочу поговорить с такими же, как я. Что с нами происходит? Пора прекращать обсуждение проблем в душевых и принятые решений за бутылкой. Мы горазды выступать против начальника где угодно, только не на собрании. Обсуждаем гласно конфликты, проблемы в газетах, а рабочая честь наша потонула в казенных бумагах как единодушное мнение коллектива.

Нелегко противостоять бюрократическому нажиму, но если не мы, рабочие, то кто? Неужели, чтобы навести порядок на предприятии, надо ждать указки «сверху»? Как же мы можем быть ведущей силой

современности, если у себя на рабочем месте боимся поддержать честного человека, пасуем перед хитрюгой начальником, не можем отстоять свои элементарные права на бытовые условия.

А для того, чтобы заставить любой аппарат работать, то есть служить рабочему классу, нам надо в первую очередь повысить дисциплину на своем рабочем месте и помнить, что коллектив — это сила. Без давления «снизу» любой аппарат способен только на крючкотворство. Иначе как объяснить, что ни один партийный или профсоюзный орган (я уже не говорю о комсомольском) на производстве не поднял и не отстоял что-либо, как это пытаются делать борцы-одиночки. А где же наш авангард?

Конечно, есть партийные и беспартийные товарищи, готовые выступить против бюрократии и невзирая на личности. Но где гарантия, что такой человек не останется в «гордом» одиночестве? На своем горьком опыте убежден в этом. С помощью прессы вернул государству около миллиона рублей, а толку чуть. Если мы не научимся управлять производством, не научимся контролировать весь госаппарат, никакие указы нам жизни не улучшат.

Надоело слышать слово «перестройка» и не видеть никакой перестройки на деле. Посмотрите, как мы живем! Кругом очереди, народ обозленный. Отцы семейств возвращаются с работы и пьют. А что остается делать? Растет преступность. Кругом разбазариваются материальные ценности, в вагонах воздух возим, растут их простои и повреждения. Процветают разгильдяйство, ложь, кумовство.

Я всегда говорил и буду говорить, что силен бюрократ. И совсем не обязательно, что это — руководитель. Среди нашего брата рабочего тоже хватает тех, кто тоскует по былым застойным-запойным временам. Одно несомненно: всем им в последнее время стало страшно потерять теплые местечки, власть, привилегии, и поэтому демократию подменяют демагогией. Затевают разные игры, чтобы выпустить из рабочих лишний пар. Все мы сегодня жалуемся на дефицит товаров, цены, очереди, но никто не пожалуется на дефицит ума, знаний, собственной компетентности и т. п. И поэтому губим своими руками миллиарды рублей своей бесхозяйственностью. Много лет я борюсь с этим. Но мало что удается сделать. А все потому, что я рабочий, попросту говоря, высокопоставленные лица плюют до сих пор на это звание. Если бы у меня и других рабочих, болеющих за страну, был бы соответствующий мандат, я бы за короткий срок вернул государству миллионы и миллионы только в нашем городе, а если приплюсовать сюда область — получится большое подспорье общему бюджету. Как разорвать порочный круг: от бедности к глупости — и обратно.

Конечно, мандат мне никто и никогда не даст, но над этим задуматься стоит. Представьте, что только один человек в короткий срок возвращает несколько миллиардов рублей...

В. КОМАРОВ,
машинист тепловоза

г. Каменск-Уральский

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫХ ЧЛЕНОВ РЕДКОЛЛЕГИИ

ДОРОФЕЕВ Виль Викторович — политический обозреватель журнала «Диалог». Его имя хорошо знакомо читателям «Литературной газеты» и выходившего до 1990 года журнала «Политическое образование». Окончил Ленинградский университет, работал в молодежной газете «Комсомолец Заполярья» в Мурманске. Там же вышли и его первые книги. Потом была работа в редакциях «Литературной России», «Литгазеты», «Политического образования». Перу В. Дорофеева принадлежат девять книг, в том числе такие, как «Время, ученые, свершения», «Сто лет восхождения», «Истории без любви». Читатели «Диалога», судя по письмам, успели уже оценить статьи В. Дорофеева, его беседы с представителями разных политических направлений. Думаем, что с его приходом в редколлегию публицистическая линия в журнале получит новый импульс.

КРАСИН Юрий Андреевич — ректор Института общественных наук при ЦК КПСС. Родился в 1929 году в Пензе. Выпускник Ленинградского университета, доктор философских наук, профессор. Лауреат Государственной премии СССР. Автор многих книг по проблемам социальной революции и общественного прогресса, современных политических учений, нового политического мышления. На XXVIII съезде КПСС избран в состав Комиссии по подготовке новой Программы партии. Юрий Андреевич хорошо известен нашим читателям по аналитическим статьям, посвященным актуальным вопросам международной политики. Мы надеемся, что отныне сотрудничество ректора и ученых Института общественных наук с журналом «Диалог» станет приоритетным, постоянным и плодотворным для обеих сторон.

ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ И ДЕПАРТИЗАЦИЯ

Владимир ВЫЖНИЦКИЙ

В дискуссиях предсъездовской поры и на XXVIII съезде нередко поднималась проблема деполитизации. В чем суть ее? Ряд движений, как в КПСС, так и вне ее, выступают с требованиями о прекращении Коммунистической партией политической деятельности в Вооруженных Силах, в органах МВД и госбезопасности, прокуратуры и суда, в государственных учреждениях и на производстве... А для этого, по их мнению, надо ликвидировать, законодательно запретить создание там партийных организаций и комитетов. В ответ их оппоненты выдвигали, как правило, тезис о том, что армия, органы охраны правопорядка и государственной безопасности, прокуратуры и суда, государственного управления выполняют политические функции и не могут быть деполитизированы. А раз так, то партийные организации и комитеты должны в них остаться. Что же касается производственных коллективов, то у партии должно оставаться право вести политическую работу всюду, где концентрируются люди, в том числе и на производстве.

Краткий пересказ аргументов данной дискуссии показывает: многое в ней основано на смещении понятий, от которого и путаница. Ведь сторонники деполитизации ведут речь не о том, чтобы лишить, к примеру, государственные органы политических функций, а о том, чтобы освободить их в выполнении этих функций от влияния организаций КПСС — уже на сегодняшний день одной из политических партий (правда, наиболее многочисленной, организованной, опытной). Иными словами, было бы правильнее говорить о предложениях по департизации целого ряда государственных структур и полностью — производственных коллективов.

Есть ли за идеей департизации какая-либо логика? Нельзя сказать, что нет. Ведь наличие во всех органах и учреждениях, в том числе и образующих властные структуры, организаций коммунистов — это явное наследие однопартийной системы, при которой КПСС к тому же выполняла прямые властные функции. Сегодня ситуация радикально меняется. Во-первых, происходит перемещение власти от партии к Советам. Для первичных партийных организаций это означает, что им предстоит отказаться от таких властных функций, от подавляющего большинства из того, что составляло предмет их деятельности или деятельности их комитетов и бюро в любом коллективе, в том числе и в органах власти: от контроля за деятельностью администрации, от участия в решениях кадровых вопросов, от визирования характеристик... Стоит ли, говорят сторонники департизации, сохранять сами организации, по сути лишив их основных функций? И не создаст ли само сохранение парторганизации, особенно в государственных институтах с властными функциями, возможность для сохранения части из этих функций в их руках — иными словами, для сохранения партией части власти непосредственной, проводимой ее органами, а не через ее членов. Вопрос далеко не праздный, и убедительный, однозначный ответ на него не дан пока ни сторонниками, ни противниками департизации.

Во-вторых, в условиях формирующейся (а кое-где уже и ставшей реальностью) многопартийности естественно возникает вопрос: «А как быть с остальными образующимися сегодня движениями, политическими и общественными организациями?» Предоставить им те же права на создание своих первичных ячеек везде, где есть их члены, в том числе в органах власти, охраны правопорядка, госбезопасности, в Вооруженных Силах, в коллективах? Противники департизации в принципе допускают такую возможность, сторонники же ее высказывают опасения: не приведет ли наше общество, к примеру, наличие нескольких парткомов и партийных организаций, борьба между ними в Вооруженных Силах, где члены разных партий и движений имеют доступ к оружию, на грань гражданской войны? Не парализует ли политическое соперничество разных партий в трудовых коллективах их производственную работу? Не будут ли государственные служащие по соображениям партийной дисциплины саботировать те решения социальных вопросов, которые противоречат линии их партий? Эти предостережения по крайней мере заслуживают того, чтобы их внимательно проанализировали.

Нельзя не учитывать и мировой опыт

в решении вопроса о деятельности партий в органах власти и на производстве. В частности, во многих государствах они законодательно запрещены. Но, как свидетельствует тот же опыт, это не означает, будто у государственных служащих, военных, полицейских нет тех или иных партийных пристрастий или на них не влияют силы, к которым они питают политические симпатии. Просто влияние это оказывается неявным, непрямым, но, несмотря на свою незаконность, достаточно действенным.

XXVIII съезд, как известно, идею деполитизации или департизации не признал. Многие его делегаты однозначно выступили за сохранение партийных организаций и органов на производстве, в Вооруженных Силах, в органах МВД и госбезопасности... И большинство съезда поддержало их. Таким образом, по-видимому, законодательной инициативы со стороны КПСС по закреплению в Конституции СССР или Закона о партиях новых положений в духе департизации в ближайшее время не будет. Однако нельзя исключать, что такую инициативу выдвинут оппозиционные политические силы или на Съезде народных депутатов СССР, или, что, на мой взгляд, более вероятно, в республиканских парламентах. Такой поворот событий возможен, поскольку окончательное решение этого остро дискутируемого вопроса входит сегодня в компетенцию высших органов власти страны и республик. Иными словами, может повториться ситуация со статьей 6-й Конституции. Но все же вопрос этот настолько сложен, что решать его следует, наверное, не иначе, чем с помощью общенародного референдума.

Вместе с тем нельзя не видеть и того, что не только КПСС, но и некоторые новорожденные политические организации выступают против департизации, выражают готовность признать право всех партий создавать свои ячейки везде, где они смогут. Логика этой политической позиции понятна. Во-первых, она дает возможность не «гоняться» за каждым человеком, а работать там, где люди концентрируются, т. е. не с отдельной личностью, а с массой, что с учетом особенностей психологии легче. А во-вторых, для некоторых движений, которые не могут рассчитывать на быстрый или серьезный успех в избирательной борьбе,— это путь к рычагам власти. Ведь создание ячейки любой партии в той или иной властной структуре — это как минимум возможность получения информации о ее работе (что в политике уже немало). А если члены партии к тому же занимают там солидное должностное положение, то появляется и возможность влиять на принятие решений, через свои кадры проводить свою политику.

Поэтому, учитывая различие мнений и подходов, нельзя исключать, что вопрос о департизации будет решаться не так скоро, как этого хотелось бы ее сторонникам. В конечном итоге, как признает большинство участников дискуссии, многое здесь зависит от того, как быстро будет формироваться многопартийность и перераспределяться сферы идейного и политического влияния между КПСС и альтернативными силами.

В последнее время проблема департизации приобрела еще одну грань — выдвинута идея о прекращении членства в любой партии или выходе из нее лиц, занимающих те или иные государственные должности,— руководителей органов власти, Советов разных уровней, судей, прокуроров, государственных служащих. Цель — освободить их от влияния партийных пристрастий. Пример здесь подал Б. Н. Ельцин, объявивший на XXVIII съезде о выходе из КПСС по этим мотивам.

Имеет ли смысл эта сторона проблемы? И какое решение может быть здесь предложено? Смысл, бесспорно, есть: к этому предложению привел сложный процесс формирования новой партийности. Ведь исходит оно, как правило, от политических деятелей, которые, до недавнего времени оставаясь формально коммунистами, по сути принадлежали к общественно-политическим движениям, уже перерастающим в партии. И призыв к департизации для них — это форма относительно лояльного выхода из КПСС. Вопрос же, насколько независимы будут они от поддерживавших их организаций, остается открытым.

В принципе же мировая практика не предусматривает приостановления членства в партии, к примеру, ее лидера в случае его избрания на высшие государственные посты или замещения, по представлению партии, высших государственных должностей. Ведь через этих своих членов партия и проводит выработанную ею политику. Выдвижение требования о приостановке членства в партии у нас сегодня — это достаточно явная попытка ослабить влияние КПСС на рычаги власти, одна из ключевых точек современной политической борьбы. И решение здесь будет зависеть от того, как сложится расстановка сил в этой борьбе, кто сумеет взять верх.

К слову

Из листовки МГК КПСС на митинге в Москве 15 июля 1990 года

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

1903 год . . . коммунист?—Нет, социал-демократ. — Все равно в тюрьму!

1917 год . . . коммунисты есть? Вставайте, р е в о л ю ц и я!

1937 год . . . коммунист? Арестован.

1941 год . . . коммунисты, в п е р е д!

1956 год . . . открывайте дверь, Вы реабилитированы!

1977 год . . . хочешь сделать карьеру? Вступай в партию!

1990 год . . . хочешь сделать карьеру? Выходи из партии!

КУДА ИДЕМ, ТОВАРИЩИ?

■

Особое мнение

АЛЬТЕРНАТИВА АРТЕМА ТАРАСОВА

Вице-президент Союза объединенных кооперативов СССР отвечает на вопросы политического обозревателя журнала «Диалог» Виля ДОРОФЕЕВА

Письмо из Львова

Уважаемая редакция! В вашем журнале много места уделяется программе Н. И. Рыжкова о мерах перехода к рынку и выхода страны из экономического кризиса. А в то же время существует альтернативная программа. Ее сочинил народный депутат РСФСР Артем Тарасов. Так вот что я вам предлагаю. Опубликовать альтернативную программу А. Тарасова и обсудить ее с вашими читателями. Уверен, ее многие поддержат. Мое мнение в отношении программы депутата А. Тарасова весьма радужное. Но может статься, как говорится, «надейся на лучшее, а жди худшего». Так вот, ежели посчитаете программу А. Тарасова недостойной, то прошу вас дать мне письменную информацию, чем программа А. Тарасова нехороша. Жду или публикации, или вашего ответа.

М. И. СТИЕЛО

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Впервые он стал известным в стране два года назад. Тогда, заработав миллион в кооперативе «Техника», заместитель Тарасова заплатил фантастическую сумму партвзносов. Сейчас народному депутату РСФСР Артему Тарасову 40 лет. Его образовательный ценз весьма солиден. Он закончил физико-технический факультет Московского горного института, факультеты повышения квалификации при МВТУ им. Баумана и Московском институте электронного машиностроения, Высшие экономические курсы Госплана СССР. Кандидат наук. «Последние три года,— так говорит он сам,— занимаюсь свободным рынком. Не теоретически, а практически работаю в частном предпринимательстве в Советском Союзе. При этом умудряюсь укладываться в рамки тех законов, которые пока фактически сводят на нет частную инициативу в нашей стране. Но пытаюсь все-таки работать как частный и честный предприниматель».

А. Тарасов — генеральный директор Внешнеэкономической ассоциации «Исток».

Артем Михайлович, о генезисе вашей предприимчивости ходит немало противоречивых слухов. Говорят, что вы то ли правнук Дмитрия Рубинштейна, известного некогда биржевого дельца, то ли потомок братьев Рябушинских. Но после того, как мне довелось лично услышать «лагерную» биографию Николая Шмелева, якобы претерпевшего немало гонений еще с 1937 года, я ничему не удивляюсь...

— Известная толика правды в легендах относительно моей родословной действительно есть. Мой прадед был известным банкиром — владельцем Северо-Кавказского банка. И, судя по семейным преданиям, дело свое вел преотлично. Дед же в двадцатые годы стал нэпманом. Очевидно, не последним среди тогдашних российских деловых людей. Поскольку затем последовали арест и ссылка в Якутию с весьма туманной формулировкой «экономический контрреволюционер». А что там было на самом деле, пойди сегодня, разберись. Словом, известная доля истины в тех слухах, которые сложились вокруг моего имени, а главное, моей деятельности как предпринимателя, есть. Но это скорее некий психологический фактор, неотъемлемый принцип «распределительной системы», в которой наше общество существовало десятилетиями. Сегодня времена меняются. Мы наконец-то осмелились посмотреть на самих себя не в кривое зеркало. И явно остались недовольны своим отображением. Но опять же в этом недовольстве мы, оглядываясь по сторонам, пытаемся отыскать, как всегда, такова уж природа человеческая, и «виноватого-крайнего», и заимствовать у соседа, живущего лучше нас, весь опыт скопом.

Что касается «виноватых», то, мне думается, их поиск — занятие на нынешнем этапе состояния нашей экономики — дело просто бесполезное. Я бы даже сказал жестче: непозволительная роскошь, способная распылить духовный потенциал страны. А на нынешнем этапе нам необходимо собирание такого потенциала воедино. Что же касается опыта других стран, сделавших раньше нас решительный поворот от административно-командной системы в экономике к рынку, то и здесь, мне думается, мы готовы проявить свойство чисто российского характера — увлеченность.

— И тем не менее вы изложили в средствах массовой информации «свое» видение переходного периода к рыночной экономике, не отвергая при этом опыта Запада, выстроив весьма убедительную систему. На чем же главным образом базируется ваше видение безболезненного для широких масс населения перехода к рынку?

— Прежде всего на уникальности нашей страны. И поверьте, это не утверждение так называемого «ура-патриота». Поскольку я — человек дела и весьма далек от всяческих нынче модных пассажей и стенаний по поводу «судьбоносности русского народа». Но стране нашей, на мой взгляд, действительно не подходит опыт других стран, которые осуществляют в последнее время переход к рынку с весьма тяжелыми последствиями для населения. Это и Польша, и Венгрия, да и Китай в определенной мере. На их опыт ссылаются сегодня многие, как экономисты, так и публицисты, забывая почему-то об уникальности нашей страны.

— Вы неоднократно повторяете слово «уникальность», но не расшифровываете, в чем она заключается?

— Прежде всего уникальность нашей страны в ее богатствах. Это и природные ресурсы, которыми мы на первобытном уровне довольно интенсивно попользовались в недавние «застойные годы». Это и ресурсы людские. Ими мы тоже распоряжались на каком-то феодальном уровне, бездумно расходуя на «великие стройки» последних лет, нещадно эксплуатируя энтузиазм человека, его извечную тягу к романтике.

Вспомним хотя бы бессчетные «комсомольские стройки». Это же распыление мощного потенциала рабочей силы из пульверизатора.

Вторая грань отечественной уникальности — неиспользование в качестве товара на огромных просторах нашей страны всего того, что на Западе традиционно таковым является. Земля, здания, заводы, фабрики, оборудование... Если хотя бы частично, хотя бы на одну сотую долю все это вернуть в лоно товара, то страна сразу бы сделала ощутимый рывок к экономическому благополучию. Но опыта, как совершить подобный маневр, как товаризировать накопленный государством потенциал, увы, ни у наших ведущих экономистов, ни у членов правительства нет. И в этом плане мы тоже, как ни печально, уникальны. Отсюда и те видимые каждому мало-мальски экономически грамотному человеку издержки в программе правительства по переходу к регулируемой рыночной экономике. Вот у меня в руках газета «Правительственный вестник» № 23 за июнь 1990 года. Этот номер открывается статьей с весьма категоричным заголовком: «Альтернативы рынку нет». Правильно, альтернативы действительно нет. Но какому рынку?

Ведь статья-то по смыслу именно «пугает» читателя рынком. Дескать, дорогие товарищи, граждане Советского Союза, вас всех ожидают весьма негативные последствия перехода к новым экономическим отношениям. Таков смысл статьи. А я, например, считаю, что этих негативных последствий при переходе к рыночным отношениям можно избежать. А если и не избежать, то весьма ощутимо снивелировать, чтобы не расплачивался за решительный поворот в экономике рядовой труженик своим кошельком, а значит — резким снижением жизненного уровня. Мне думается, что и доклад, предложенный Верховному Совету СССР, и смысл этой статьи проистекают именно от того, что у правительства нет опыта в подобных делах. Отсюда и жупелы ожидаемой безработицы, заметного снижения уровня жизни при переходе к рынку.

— Артем Михайлович! Вы пока лишь отрицаете программу, предложенную правительством. Но по части критики официальных документов, законов или действий властей мы все в последнее время преуспели достаточно. В этом, пожалуй, еще одна наша уникальная особенность. А что вы конкретно предлагаете вместо?..

— Что я предлагаю? В сжатой форме об этом я уже высказался на страницах еженедельников «Аргументы и факты» и «Правительственного вестника». Но поскольку вы показали мне весьма категоричное письмо читателя «Диалога», то я вынужден повторить некоторые свои предложения.

Первое, мне думается, необходимо ввести в нашу повседневную жизнь такое понятие, как рекомендованные цены...

— Но это же предусматривается и в мерах, предложенных правительством при переходе к рынку. Не случайно там присутствует термин «регулируемая». Значит, те же рекомендованные цены...

— Стоп! Вот тут-то и заложено резкое различие между тем, что предлагает правительство, и тем, чего, мне думается, можно избежать. Ведь термин «регулируемая», если следовать логике официальной концепции, все равно не защитит нас от повышения цен. Мне же думается, что нужно ввести в нашу экономическую жизнь именно понятие «рекомендованные» цены и... понизить их, скажем, вдвое. На все и повсеместно! На товары, услуги, на все виды сырья и материалов в нашей стране.

— Словом, та же «шоковая терапия» Бальцеровича, только наоборот? На чем же основывается, судя по вашему тону, такая убежденность?

— Попробую пояснить. Первая отправная точка в моих предложениях — это цены. Они сегодня у нас абсолютно ненормальные. И повышая их, как это предлагает правительство, мы практически ничего не добьемся, кроме резкого ухудшения условий жизни для всех категорий населения. Понизив их, мы также не исправим ненормальность цен. Правда, возможно, снимем растущую социальную напряженность в обществе. Приведу один пример. Если я Вам объявлю, что видеомагнитофон будет стоить, скажем, не 6 тысяч рублей, а 3, что-нибудь для Вас кардинально изменится?

— Да ничего. Тем более, что мне он...

— Правильно. Видеомагнитофонов как не было, так и не будет. Разве что на эти изделия спрос еще больше поднимется. Но чтобы реальный рыночный механизм ценообразования заработал, нужно нечто принципиально новое. Как ни прискорбно для кое-кого, это отказ от некоторых идеологических догм, которые въелись в наше сознание...

— Конкретно?

— Прежде всего требуется уйти от, я бы сказал, утопической марксистской формулы цены. Нам надо забыть постулат о затратном механизме формирования цены. Дескать, товар стоит столько, сколько на него затрачено труда и ресурсов. Во всем мире товар стоит столько, сколько за него платят.

— Но помнится, тот же Маркс оговаривал, что цену нельзя назначить, ее требуется угадать...

— Цена не может быть ни угадана, ни назначена. Она может быть установлена только спросом. Потому, что цена есть некое нестабильное понятие. Она меняется в зависимости от спроса. И, как правило, у нас цена на товар совершенно не зависит от уровня затрат на его производство. В этом, кстати, прекрас-

ный пример всем нам показывает наше же государство. Оно спокойно устанавливает наценку на водку в 2000%. И все нормально, хотя водки в магазинах нет. Поэтому предлагаемые мною рекомендованные цены — это некий элемент безболезненного перехода к поиску реальной рыночной цены.

— Но каким образом?

— Самым простым. За счет налога, который, по моему мнению, может оказаться самым действенным регулятором на первом этапе вывода страны из кризиса.

А для этого необходимо доверие народа. Да, кредит доверия сегодня необходим любому лидеру. Причем, если в политике он может быть на каком-то временном отрезке просто безграничным, то в период экономических преобразований он, увы, краток. И получить его у различных слоев населения, начиная решительный поворот в экономике, весьма сложно... Поэтому гарантами для получения такого кредита доверия и могут стать рекомендованные цены, которые должны быть значительно ниже, чем существующие сегодня. Мы все привыкли с некой усмешкой относиться к «ихней» формуле: «Время — деньги». Но это действительно так. В условиях перехода к рынку нам необходим определенный временной период, обеспеченный, подкрепленный доверием народа. А получить его можно, только установив рекомендованные цены, которые, повторяю, ниже существующих.

— Хорошо! Допустим, случилось невероятное. Правительство приняло ваше предложение и понизило существующие цены вдвое. Но откуда взяться товару-то. Вы же сами обмолвились выше, что пусть видеомагнитофон будет стоить не 6, а 3 тысячи рублей, на полках магазинов он все равно не возникнет сам собой и пылиться в подсобках из-за отсутствия спроса не будет. Не кажется ли Вам, что подобное предложение таит в себе некий, как ни прискорбно, но популистский оттенок?

— Давайте все же условимся: не будем торопиться с выводами, терпеливо выслушаем друг друга. Так вот, получив кредит доверия, а с ним и время в один-два года, мы начинаем создавать реальный механизм формирования цен за счет регулируемого государственного налога. Все, что продается выше рекомендованной цены, государством облагается прогрессивным налогом. Это — единственный способ, к которому мы должны прибегнуть в данной системе.

— Теоретически, умом я с Вами во многом согласен. Но как это будет выглядеть на практике?

— Простой пример. Государство установило, что такой товар, скажем, как брюки, должен стоить 50 рублей пара. И если вы хотите продать брюки за 250 рублей, пожалуйста, продавайте. Но на этом вы потеряете свыше 100 рублей налога. Хотя и получите на руки 150 рублей. Иными словами, если у вас большая партия брюк и вам необходимо их быстро продать, то вы реализуете их очень дешево, чтобы не платить все тот же большой налог. Но если у вас малая партия брюк, то вы их будете продавать по наибольшей цене долго и упорно, но и с наибольшим для вас налогом. Словом, налог — это второй фактор, как бы вытекающий из системы рекомендованных цен: право продавать, допустим, те же брюки.

Сегодня этого права в Советском Союзе, то есть права свободной торговли, не имеет никто. О каком свободном рынке мы тогда можем вести речь, возводить какие-то теоретические построения? Во всем мире рынок — это свободная торговля. А у нас? Нет, скажем, пока никаких законодательных актов, по которым 3 человека, объединившись, могут открыть маленький магазинчик, зарегистрированный, легальный. И что приносит нам отсутствие таких законодательных актов?

Подъезжайте к любому столичному комиссионному магазину, и вы наверняка там узрите спекулянта, который у входа торгует модными вещами. Его оборот — примерно 10 тысяч рублей в день. Это нормальный солидный спекулянт. Его не трогает окрестная милиция, поскольку он ей «отстегивает» немалый куш. Его не трогают рэкетиры, поскольку и им он кое-что заплатил. Он спекулирует таким образом не год, и не два, а уже несколько лет. Он имеет выходы на большие оптовые поставки товаров, скажем, через торговое представительство одной весьма дружественной страны.

— Артем Михайлович! То, что Вы рассказываете, все же надо доказать...

— Это не надо доказывать и с этим... не надо бороться. Но зато этому спекулянту надо предложить объединиться с двумя другими коллегами и открыть небольшой магазинчик. Правда, на следующих условиях: доход каждого из них будет отныне не 10 тысяч рублей, в день, а всего 3 тысячи. 7 тысяч с каждого дня вы отдадите государству. Но зато вы не будете оглядываться по сторонам, у вас не будет нужды «отстегивать» солидный куш из ежедневных 10 тысяч стражам правопорядка, рэкетирам, всем остальным. А главное, вас никто не запретит.

— Семь тысяч из десяти отдавать государству каждый день? Не слишком ли много?

— Сразу видно, что Вы, скажем мягко,.. человек, далекий от коммерции. Это очень выгодные условия. И поверьте на слово, их примут буквально все.

Словом, мы с вами, объединив капитал и усилия, открываем маленький магазин. Где мы возьмем для него товар? Где угодно, любым способом, только легально! Мы отправляемся с вами совер-

шенно добровольно в... Магаданскую область. Поскольку там есть некий заводик, продукция которого может заинтересовать вашу... прабабушку, весьма предприимчивую даму, живущую в Канаде. Договариваемся, чтобы магаданский заводик по оптовой цене продал прабабушке продукцию. Бабуся за такое внимание со стороны правнука начинает присылать вам каждую неделю 2 чемодана тех самых товаров, которые мы с вами преспокойно, а главное, **легально** начинаем реализовывать. Мы с вами также выйдем на кооператив, который имеет весьма обширные международные связи. И так же предложим ему **легальным** путем реализовать через нас получаемый товар.

— Артем Михайлович! Вы нарисовали весьма радужную перспективу: некий запоздалый ренессанс торговой деятельности в отечестве. Но почему Вы столь педалируете в ваших доказательствах словом «легально»?

— Потому что требуется создать, и весьма срочно, систему, при которой предприниматель, безусловно блюдя свои интересы, был бы заинтересован и в соблюдении интересов государства. Эти же самые условия мы должны создать и иностранным фирмам. Пожалуйста, открывайте магазинчики маленькие, средние, большие. И реализовывайте все на советские рубли...

— Ну открылся такой магазин фирмы «Супер Райфл» на углу Кузнецкого и Неглинной. Да еще с милиционером у входа вместо традиционного швейцара...

— Вы просто не в курсе. На Кузнецком мосту под вывеской знаменитой фирмы открылся государственный коммерческий магазин. Это опять неправильная политика, конкретно — министра финансов Павлова. За копеечной иностранной валютой, на которую был куплен модный для нас товар за рубежом, стоит стремление выкачать валюту, которая имеется у населения, или рубли в десятки раз больше, чем реальная стоимость товара. Магазины подобного типа практически ничего не дадут нашей экономике.

Да, лично я могу купить в таком магазине все, что мне нравится. Но я не собираюсь там покупать ничего по бешеной цене. И потому, кроме возмущения и справедливого гнева, такие магазины ничего у населения в общем-то не вызовут. Богатые люди в них за довольно короткий срок удовлетворят свои потребности. Для бедных, даже средних слоев населения товары в таких торговых точках недоступны. Они так и будут лежать, как лежат уже сегодня, и выходить из моды. Иное дело, если все иностранные фирмы смогут открыть сеть магазинов и продавать в них товар по системе рекомендованных цен, с соблюдением непременных правил налогообложения.

— Но кто из иностранных бизнесменов, умеющих считать капитал, согласится широко торговать, да еще по «рекомендованным», а значит, ниже существующих сегодня ценам, на наши, как говорят нынче, «деревянные» рубли? Это же противно всякому здравому смыслу?

— На первый взгляд действительно алогично. Но давайте посмотрим, какие стимулы у нас имеются для этого. Первое — сниженные — рекомендованные цены. Второе — разрешение свободной торговли для советских и западных граждан. Возникает вопрос, точнее, новый элемент системы: как заинтересовать советских и иностранных граждан реализовать что-либо из товара на рубли? Выход достаточно прост: предложить взамен эквивалентом этой самой розничной торговли тем же иностранным гражданам вторичное сырье, вторичные материалы. Даже первичное сырье, которое сегодня рекой утекает на Запад за валюту, а та непонятно куда девается. Повторяю, товаром может стать и, по-моему, очень выгодным именно вторичное сырье. Вот и вся цепочка, которая замкнулась в весьма жесткую, работающую систему.

— Сразу возникает два сомнения. Первое: кто будет осуществлять, ну хотя бы регулировать этот торговый поток? И второе: все же неясно, как в этой вашей системе заработает наш, увы, «похудевший» рубль, как писала Лариса Пияшева,— «национальная капуста»?

— Согласен, в нашей плановой системе с ее нынешним жестким фондированием какие-либо структуры радикально поменять в один день невозможно. Больше того, на начальном этапе, на мой взгляд, придется создать еще один плановый орган, который как раз и будет регулировать этот обмен вторичных и первичных материалов на советские рубли. Хотя в дальнейшем это государственное структурное подразделение, естественно, отомрет или трансформируется в некое предпринимательское объединение, корпорацию...

А вот обмен вторичных или первичных материалов на советские рубли может для нашей страны стать очень выгодным именно из-за неконвертируемости рубля. Выгодным и сегодня, и завтра, и в течение двух-трех лет, пока мы не решим другие задачи свободной рыночной экономики. Давайте разберемся, что стоит советский рубль для западного предпринимателя? Сегодня, скажем, фирме «Дельтатехникс» абсолютно все равно, сколько заплатить за 1 тонну алюминия: 1 тысячу или 30 тысяч рублей. Потому что эти деньги для нее совершенно не имеют веса. Для фирмы имеет значение цена этой тонны алюминия на западном рынке. А она там куда как высокая. Реализовав же наш алюминий не без выгоды для себя, «Дельтатехникс» поставит на наш рынок товары на определенную сумму.

Но, правда, для этого потребуется отменить еще и действующие ныне пош-

лины на ввоз товаров народного потребления. В условиях, когда полки магазинов пусты, таможенные пошлины на ввоз кажутся какой-то первобытной дикостью. Что же касается таможенной пошлины на вывоз того же сырья, то она может устанавливаться в валюте. И поверьте, любая западная компания, заплатившая в 30 раз дороже за тонну того же алюминия в рублях, с удовольствием заплатит, скажем, 10 процентов пошлины нашему государству в валюте. Что даст государству такой поворот с таможенной пошлиной? Первое: это довольно солидный приток валюты за счет таможенных сборов на вывозимое сырье. Второе: беспошлинно ввезенные товары народного потребления, которые поставят на наш внутренний рынок западные предприниматели, чтобы заработать советские рубли на приобретение вторичного сырья, свяжут так называемые «горячие деньги». Государство сможет их просто изъять и уничтожить, тем самым остановив инфляционный процесс и укрепив тот же рубль. А это еще один шаг к национальной конвертируемой валюте.

— Артем Михайлович! План, предложенный Вами, внешне очень привлекателен. Но не скажется ли на его реализации определенная «зашоренность» некоторых поборников «национальной независимости»? Дескать, Артем Тарасов ратует за распродажу национальных богатств.

— Ну, в этом плане меня обвинять невозможно. Первое: при том, что ратую за свободный рынок, я одновременно говорю и о сохранении плановой структуры. В том числе и плана экспорта. Я же предлагаю вовлечь в экспорт неликвиды сырья и оборудования, которых у нас, по подсчетам некоторых специалистов, скопилось по ведомственным сусекам на... 600 миллиардов рублей. Помножьте это, ну, скажем, в 10 раз (на такую сумму, реализовав эти неликвиды на внешнем рынке, мы можем получить товары народного потребления). Да нам их хватит, чтобы заткнуть все дыры нашего трещащего по швам бюджета. Повторяю, мы при всей нашей бедности в то же время сказочно богаты. Только надо уметь с умом распорядиться нашим богатством, лежащим втуне. Наша же внешняя торговля сегодня столь некомпетентна и настолько неквалифицированна, что не может грамотно и купить товар, и с умом направить его в торговую сеть. На каждом отрезке пути движения товара — от закупки его до потребителя — идут колоссальные потери валюты. Я же предлагаю иное. Не надо этим заниматься в столь широких масштабах, поскольку мы этого не умеем делать. Пусть зарубежные бизнесмены **сами** везут товар к нам, пусть они **сами** заполнят наш рынок. Надо дать им такую возможность.

— А не кажется ли Вам, что при такой ситуации очень быстро сформируется некая однобокая система? И на наш внутренний рынок хлынет, как селевой поток, так называемый бросовый товар?

— Нет. Мне довелось побывать во многих западных странах. И я убедился, что там, как Вы говорите, «бросового товара» практически нет. Но зато там умеют торговать. Там действуют законы нормальной торговли, с различными скидками. Например, диктофон, на который записывается беседа, в магазине стоит 60 или 120 долларов. Но если Вы покупаете партию таких магнитофонов, то каждый обойдется Вам всего в 32 доллара. Хотя его реальная стоимость — 30 долларов.

Вообще при условиях нормальной торговли внутри нашей страны предлагаемая мной система таит еще один весьма серьезный для нас резерв. Поскольку любой здравомыслящий бизнесмен, получив условия для предпринимательской деятельности, быстро подсчитает: «Зачем мне ввозить в СССР копеечный продукт? Лучше я ввезу технологию». То есть на какое-либо из подходящих предприятий поставлю линию для производства тех же диктофонов. Тем более, что сырье для них будет приобретаться на советские рубли. Зарплата рабочим на модернизированном предприятии тоже будет выплачиваться в советских рублях. Даже налог в государственную казну он заплатит в нашей валюте. На прибыль же, которую получит, опять же в рублях, он сможет купить те же «неликвиды», чтобы не без выгоды для себя продать их на западном рынке.

— Вы весьма привлекательны в ваших построениях, Артем Михайлович! Речь в них в основном идет о свободе предпринимательства и проблемах, как, за счет чего насытить наш внутренний рынок товарами. А как быть с военно-промышленным комплексом, который составляет львиную долю нашей промышленности? Не секрет, что именно в нем сосредоточены самые квалифицированные рабочие и самые думающие кадры научно-технической интеллигенции. Здесь годами складывались свой настрой, свой ритм, свое отношение к делу. И сегодня ВПК похож на марафонца, который в середине дистанции наткнулся на непреодолимую стену. Ведь ему в вашей системе места нет?

— С военно-промышленным комплексом, действительно, все нынче обстоит не так просто. Официально расходы на него превышают 200 миллиардов рублей. А на самом деле, мне думается, эта цифра может оказаться значительно больше. Поскольку до недавнего времени, скажем, любой мясо-молочный институт имел так называемую «закрытую» тематику. Да, ясно, что в «оборонке» скопилась немалая доля неликвидов. Но я не отношусь к тем радикалистам, которые предлагают сегодня враз остано-

вить или свести до нуля за несколько лет оборонную промышленность.

Я, напротив, думаю, что в оборонном комплексе необходимо оставить создание новых систем, разработку новых технологий. Остальные же «оборонные» деньги кинуть на конверсию. Ведь это очень дорогостоящий процесс. Мы хотим конверсии сразу, не вкладывая денег. Но конверсия—это как раз 100-процентный инвестиционный процесс. Если не вложить в танковый завод денег на реконструкцию, то нельзя ожидать, что завтра на нем развернется массовый выпуск стиральных машин или холодильников. А у нас пока что сегодня подразумевается конверсия... без затрат. Думается, что деньги, которые у нас нынче все же идут на вооружение, и немалые, надо целиком бросить на конверсию. Тогда мы сохраним и интеллектуальный потенциал отрасли, и квалифицированные рабочие кадры. Хотя такая постановка дела тоже требует немалых навыков предпринимательства.

— Артем Михайлович! Вы все время сетуете в своих размышлениях на отсутствие предпринимательских навыков у наших управленцев, но откуда им было взяться-то в жестких условиях административно-командной системы?

— Вы знаете, это еще одно заблуждение, что в СССР нет предпринимателей. В стране огромное количество весьма деловых людей. Только предприимчивость у них наша — «российская», взращена и выпестована той системой запретов, в которых они жили, действовали в течение долгих лет. Любой директор любого завода, если его сделать совладельцем, став предпринимателем, быстро доведет свою фирму до огромного состояния. И это еще один парадокс, порожденный административно-командной системой. Поскольку любой наш хозяйственник привык работать, действовать в шорах постоянных запретов, регламентаций, инструкций. Научился обходить их во имя дела. А это, поверьте мне, лучший тренинг для делового человека. По сути, его даже не нужно обучать азам предпринимательства, хотя на Западе существует мнение, что способность предпринимателя — это дар божий, талант. Но, поверьте, тренинг наших хозяйственников огромен. К тому же их корпус тоже не однороден и не вечен. Поэтому для грядущего рынка, конечно, надо готовить предпринимателей, обучать их азам менеджмента, маркетинга. Хотя, повторяю, поговорите с любым директором мало-мальски крепкого завода, и вы убедитесь, что это весьма деловой человек.

— И последний вопрос, Артем Михайлович! Для меня он в определенной мере традиционный. Не так давно в «Литературной газете» существовала рубрика: «Если бы директором был я...» В беседе с Н. И. Рыжковым, когда он только готовился представить первый проект экономической реформы Верховному Совету СССР, я спросил, как он видит себя не премьер-министром, а «просто Рыжковым». Вас же я хочу спросить: «Если бы Артем Тарасов стал премьер-министром?..»

— Да, вопросик! Честно говоря, я над этим не задумывался, поскольку мои интересы...

— Хорошо! Должен же, скажем, сегодня «лейтенант предпринимательства» нести в своем кейсе маршальский жезл или хотя бы мечтать о нем?

— Что бы я сделал?.. Я, естественно, создал бы при правительстве большой независимый орган, состоящий, с одной стороны, из экономистов... Но теоретиков в нем явно достаточно. А с другой — привлек бы в него практиков. Тех, кто работает, как мы говорим, «в рынке». Сегодня этих специалистов официальные власти практически как бы не замечают, игнорируют их опыт. А таких людей, точнее специалистов, немало. У нас в стране уже более 300 тысяч независимых предприятий, кооперативов, других фирм, в них 5—6 миллионов человек.

И третья составная часть независимого органа при правительстве — это привлечение для работы в нем бизнесменов и предпринимателей Запада.

Этот высокооплачиваемый орган, в том числе и валютой, должен вырабатывать конкретные решения по совершенствованию нашей экономической системы. Причем через этот орган должны проходить все значительные экономические концепции. В нем мгновенно сомкнутся все достижения теории советской экономической школы, а они у нас немалые, и конкретной повседневной практики, с нашей — советской спецификой. Должен этот, подчеркиваю, независимый орган заниматься и проблемами контактов наших связей за рубежом.

Мне думается, существуй подобный орган сегодня, да распылагай наше руководство его рекомендациями — не зазвучало бы в забастовочных лозунгах шахтеров требование об отставке правительства.

Мы часто сегодня повторяем: «Что такое политика? Это — искусство возможного». Я бы добавил: «А экономика — это искусство предвидения».

■

ДАЙДЖЕСТ ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ

УЧИТЬСЯ НА СВОИХ ОШИБКАХ?

Борис МИЛЬНЕР

УЧИТЬСЯ НА СВОИХ ОШИБКАХ — ЭТО РОСКОШЬ, — говорит Борис Мильнер, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель директора Института экономики АН СССР, отвечая на вопрос **ЧТО ТАКОЕ — ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК?**

— К сожалению, не смогу дать какой-то одной законченной формулировки, не смогу по той простой причине, что всякий деловой человек — явление достаточно многогранное. И если говорить о каждой из этих граней, то первой я бы назвал такую обязательно присущую ему грань, как компетентность. Что я имею в виду? Только то, что он должен профессионально знать, как выполнять работу, причем наилучшим образом. Должен быть проницательным и самокритичным, чтобы усвоить из своего опыта все те умения, которые следует использовать. Должен проявлять прилежность и усидчивость. Должен быть достаточно восприимчивым и скромным, чтобы уметь использовать опыт других.

Я повторяю это «должен» уже четвертый раз, но отойти от слова не могу: человек дела действительно должен делать многое, дабы соответствовать своему назначению. Учиться на своих ошибках — это роскошь для делового человека. Нельзя сначала получить работу, а потом узнавать, как ее выполнять.

Вторую, также непременную грань его личности я бы сформулировал так: **достоинство и ответственность во всех делах.** Речь идет о норме более высокой, чем просто деловая этика, о норме, которая требует от делового человека подходить к каждой ситуации ответственно и с достоинством. Практики знают, что поступать в соответствии с этим требованием — дело и достаточно простое и мучительно трудное. Впрочем, я мог бы обо всем сказать и проще, выразив ту же мысль, скажем, так: ему присуща дисциплина исполнения решений наилучшим образом.

Третья грань — это **конкретность и результативность.** Конечно, он должен быть и образован, и эрудирован, и обогащен большим опытом, самыми широкими знаниями и не только в той области, которой посвятил себя. Но он всегда конкретен, результативен; стремится именно к конкретному результату.

Назову и такую непременную черту, как **чувство нового и умение рисковать.** Деловой человек обязан идти впереди того, что делается сегодня, всегда искать новые возможности, прислушиваться к их зову, проявлять готовность и способность их использовать. Он человек порывов и должен быть способен на крупные ставки.

Не могу не сказать двух слов и о такой грани личности, как **чувствительность и подвижность.** Невозможно выполнять свои функции, если не чувствовать окружения, не чувствовать времени, не чувствовать событий. Отсюда сделаем вывод: значит, необходимо уважать мнение других, постоянно стремиться к саморазвитию, быть готовым к изменениям. Иначе говоря, положено быть, с одной стороны, адаптивным, с другой — понимать, на что идешь.

Естественно, все то, о чем я говорил раньше, предполагает **высокую работоспособность.** Это аксиома. Все люди, с которыми мне приходилось иметь дело (это, может быть, даже не сотни, а тысячи людей, я видел их и в разных странах, и на разных континентах; это были люди и разного темперамента, и разного цвета кожи), при всем своем различии были объединены именно этой чертой — высочайшей работоспособностью. Я всегда поражался, как много, как целеустремленно, без устали они могут работать. Если хотите, главный секрет любого делового человека именно в этом — в его напряженной работе, в умении планировать свое время, в умении расходовать его с наивысшей пользой для дела; порой даже в безжалостном отношении к себе.

И последнее: деловой человек — **всегда решатель.** То есть он не может увильнуть от проблемы, обойти ее или, скажем, описать словами, бросив подчиненным: «Вот проблема, а уж решайте ее сами...» Он потому и **деловой,** что принимает решения сам. И не случайно у американцев есть даже поговорка на этот счет, которая представляется мне классической. Они говорят: «Если ты не часть решения, то ты часть самой проблемы». Впрочем, можно было бы ее переложить и так: «Раз ты не участвуешь в решении самой проблемы, то ты сам проблема». Но возможен и такой вариант: «Если твоя деятельность не приводит к решению проблемы, ты тем самым создаешь проблему». Надеюсь, мысль ясна?

ОТ РЕДАКЦИИ: Беседу с Б. Мильнером мы перепечатываем с сокращениями из нового издания, вышедшего под названием «Деловой человек». В нем публикуются материалы о принципах менеджмента, мнения известных экономистов, анализ конъюнктуры рынка, статистика, данные опросов. Интересно!

Открытая защита

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И КЛАССОВОЕ

Вячеслав Степин,
Абдусалам Гусейнов,
Вадим Межуев,
Валентин Толстых

Признание приоритета общечеловеческих ценностей в качестве нормы развития общественной жизни вносит принципиальные изменения в наше мышление и идеологическую практику. Речь идет, по сути дела, о качественно новой перспективе марксистского мировоззрения, духовного состояния советского общества. В этой статье мы ограничимся постановкой следующих трех вопросов.

Какими факторами детерминирована идея приоритета общечеловеческих ценностей?

Как эта идея соотносится с принципом классового подхода к познанию и оценке общественных явлений?

В чем заключается ее основное содержание?

Степин Вячеслав Семенович, член-корреспондент АН СССР; **Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович**, доктор философских наук, профессор; **Межуев Вадим Михайлович**, доктор философских наук; **Толстых Валентин Иванович**, доктор философских наук, профессор.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Сегодня уже очевидно, что человечество вступило в особую эру своего существования. Развитые в технологическом отношении страны успешно закладывают основы будущего технотронного общества с невиданными возможностями информационных технологий, новыми сетями коммуникаций. Усиливается интеграция мира при резком повышении уровня его разнообразия. Мировой рынок охватывает все новые регионы и включает в процесс обмена все новые виды продуктов труда: от продуктов современного промышленного и сельскохозяйственного производства до новых технологических проектов и новых видов услуг. Ныне же наряду с такими традиционными для техногенной цивилизации регионами, как Северная Америка и Европа, возникают новые, в которых активно подготавливаются условия для перехода от индустриального к постиндустриальному развитию,— Япония, Южная Корея, Малайзия, некоторые государства Южной Америки (Бразилия и Аргентина) и т. д. Многие из них осуществили скачок к современному цивилизованному развитию благодаря включению в систему мирового рынка.

Глобальность процессов мирового развития сталкивает различные культуры и национальные традиции в системе мирового обмена идеями, товарами и услугами и формирует новые условия для диалога различных культур. Такой диалог ставит проблему поиска общечеловеческих оснований для взаимопонимания. Жизнь человека в новом мире требует постоянного поиска консенсуса, умения, соприкасаясь с различными культурными традициями и системами ценностей, не отторгать их, а, оставаясь на почве своей традиции, своей культуры, вместе с тем уважать и понимать иную традицию. Общечеловеческая перспектива — естественный и единственно возможный способ человеческой жизнедеятельности в усложняющемся и интегрирующемся мире.

Осознание обществом приоритета общечеловеческих ценностей пришло вместе с глобальными проблемами, которые предстали прежде всего в отрицательной форме глобальных опасностей. Во-первых, это проблема выживания человечества в условиях ядерной угрозы и возможности появления новых видов оружия массового уничтожения. Классовые и национальные конфликты в традиционно унаследованных формах могут при наличии такого оружия привести к уничтожению человечества, а может быть, и всего живого на земле. Поэтому необходимо соизмерять классовое и национальное с масштабом общечеловеческого. Во-вторых, это проблемы экологического выживания. Возрастающее загрязнение среды и угроза истощения в недалеком будущем основных ресурсов жизнеобеспечения требуют выработки новых мировоззренческих ориентаций, признания новых ценностей, учитывающих масштабы всечеловеческого общежития. Наконец, в-третьих, это проблема сохранения человеческой личности в условиях усложняющихся процессов ее социального бытия. Жизнедеятельность индивида в эпоху перехода от индустриального к постиндустриальному миру зачастую протекает в условиях возрастающего напряжения, связанного с резким изменением социальных ситуаций, необходимостью быстрого принятия важных решений, изменением разнообразных сфер социальной жизни, в которые погружается индивид, постоянным столкновением в его сознании различных программ и культурных традиций. Возникает опасное несоответствие между социальными нагрузками и антропологическими возможностями человека.

ОПЫТ ГЛОБАЛЬНЫХ ОПАСНОСТЕЙ ПОКАЗЫВАЕТ: ТО, ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ ЛЮДЕЙ (ОБЪЕДИНЯЕТ НЕ ПРОСТО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ, А ИСТОРИЧЕСКИ, В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ), ВАЖНЕЕ, СУЩЕСТВЕННЕЕ ТОГО, ЧТО ИХ РАЗДЕЛЯЕТ

Опыт глобальных опасностей показывает: то, что объединяет людей (объединяет не просто антропологически, а исторически, в контексте развития цивилизации), важнее, существеннее того, что их разделяет. И этот же опыт выявляет основное

противоречие современного состояния цивилизации, противоестественным образом соединившей чудеса компьютерного века с этикой и психологией времен Александра Македонского и Чингисхана. Именно противоречие между универсальными производительными силами и разделяющими людей мировоззрениями, стремление использовать глобальные технологии для удовлетворения локальных (государственных, национальных, классовых и иных) интересов поставило человечество перед вполне реальной угрозой его самоуничтожения. Чтобы эта перспектива не стала трагическим фактом, надо от чего-то отказываться: или от нового уровня цивилизации, или от старого мышления. Первое невозможно. Остается только второе.

ПРОТИВ ПРИОРИТЕТА КЛАССОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В том контексте, в котором идея общечеловеческих ценностей вошла в последние годы в наше общественное сознание, они противопоставляются классовым ценностям. Это, однако, не совсем точно. Точней было бы сказать, что идея общечеловеческих ценностей противостоит идее приоритета классовых ценностей; не классовым ценностям самим по себе, являющимся значимой реальностью духовной жизни современного общества, а той идейной установке, которая считает их определяющими, высшими, иногда и единственными. Метод классового анализа является важным завоеванием научной социологии, но его абсолютизация дает ложное направление общественному познанию и практике.

Следует особо заметить, что речь идет отнюдь не об истине, которую приходится уточнять в связи с изменившимися условиями. Абсолютизация принципа классовости была ложной с самого начала, хотя и осознается нами только теперь. Есть по крайней мере четыре причины, в силу которых возведение классового подхода в универсальный принцип, своего рода категорический императив обществознания приводит к познавательному и социально-практическому тупику.

Во-первых, классовый подход означает диктат сознательного меньшинства над большинством. Дело в том, что класс не является органической общностью, его нельзя зафиксировать на уровне непосредственного наблюдения. Это такая социологическая реальность, которая политически и духовно выявляет себя с помощью специальных познавательных и организующих усилий. Идеология класса и организация его борьбы становятся особым делом особой группы людей — партии. Осознавая себя через идеологию и политические цели, вырабатываемые своими передовыми представителями, класс начинает функционировать как единая политическая сила во многом в той мере, в какой он сознательно подчиняется их воле. В этом смысле классовая идеология, возведенная в основной принцип организации общественной жизни, неизбежно подводит к административной структуре отношений, где одни (знающие, «посвященные» в тайны науки и истории, сознательные и нравственно «чистые») командуют другими.

Во-вторых, абсолютизация классового подхода является формой тоталитарного мышления. Класс — категория экономическая; интересы класса вытекают из его особого положения в системе общественного производства, и потому классовый подход никак не исчерпывает всего многообразия форм общественного самовыражения человека, богатства его целей, стремлений и потребностей. Рассмотрение классового интереса как сущностной основы, скрытой пружины всех других общественных мотивов и целей человеческой деятельности приводит к диктату политики и политической идеологии над всеми сферами жизни. Когда сложные, разнообразно мотивированные, многократно сходящиеся и расходящиеся, перепутанные человеческие взаимоотношения вытягиваются в единую прямую линию конфронтации и класс выступает против класса, то речь идет не просто о борьбе за власть, собственность и привилегии, а о такой борьбе, которая становится основой, центром притяжения всех прочих целей и стремлений. Не только философия, мораль, искусство, наука, но и такие базисные сферы, как экономика, быт, семья, интерпретируются как продолжение или простая

проекция классовых интересов и должны получать легитимацию через политическую идеологию. А это и есть тоталитарное мышление, если понимать под тоталитарностью одномерную целостность, восприятие каждого проявления жизни в его непосредственной соотнесенности с целым, сведение многообразия к единообразию.

В-третьих, абсолютизация классового противоборства, в ходе которого победа одного класса достигается за счет поражения другого, неизбежно оборачивается апологией насилия и непомерным преувеличением его роли в общественном развитии. Классовая борьба в этом случае переходит черту, за которой она уже оказывается не противоборством позиций, общественных альтернатив, а столкновением людей, противоборством лиц, человеческих воль. Схожую природу имеют и национальные конфликты, когда они разворачиваются в своей собственной сфере (из-за территорий, за доминирование во взаимных отношениях). Поэтому есть жесткая логика и злая правда в том, что и классовый подход, и национализм, практикуемые в качестве сознательных приоритетных принципов, неразрывно связаны с насилием — как теоретически, так и практически. Вспомним исторический спор Ленина с Каутским о том, основана ли диктатура пролетариата на законе или на насилии, спор, в ходе которого хорошо знавший (а в какой-то мере и сам творивший) законы классовой борьбы Ленин однозначно и резко ответил: на насилии.

АПОЛОГЕТИКА КЛАССОВОСТИ ДОСТИГЛА ТАКОЙ СТЕПЕНИ, КОТОРАЯ ИСКЛЮЧАЛА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ВООБЩЕ ВНЕКЛАССОВОЕ КАК НЕЧТО КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ, БУРЖУАЗНОЕ ПО СВОЕЙ СУТИ И ПОТОМУ ВРАЖДЕБНОЕ СОЦИАЛИЗМУ И МАРКСИЗМУ

Насилие обычно оправдывается историческими, прагматическими и этическими аргументами. Исторический аргумент состоит в том, что применение насилия является закономерностью, подтверждаемой всем опытом общественного развития. Он несостоятелен не только потому, что в истории нет предзаданности, но и чисто фактически, ибо ненасилие играло в общественной жизни ничуть не меньшую роль. Прагматический аргумент рассматривает насилие в качестве хотя и нежелательного, но тем не менее весьма эффективного средства достижения целей социальной справедливости. Об эффективности насилия можно говорить (и то весьма условно) только в краткосрочной (охватывающей одно-два поколения) перспективе, однако при более широком историческом обзоре обнаруживаются такие прямые и побочные отрицательные его последствия, которые намного превосходят первоначальный выигрыш. Этический аргумент оправдывает насилие в тех случаях, когда оно ведет к благу. Однако наличие такого перехода ни в коей мере нельзя считать доказанным. Насилие приводит только к насилию, его нельзя трансформировать в любовь и благо, от него можно только отказаться.

Известно знаменитое высказывание Маркса, что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 761). Чтобы правильно понять это выражение и вообще адекватно осмыслить исторически продуктивную роль насилия, следует проводить различие между двумя его разновидностями: между насилием, осуществляемым революционной массой и являющимся лишь эпизодом ее борьбы, часто даже бескровным (типичные случаи — взятие Бастилии или штурм Зимнего), и насилием институциональным, практикуемым особыми учреждениями, карательными органами, вооруженными отрядами людей. Кроме того, надо отличать насилие как вспомогательное средство, «экономическую потенцию» (Маркс) от насилия как основного, решающего орудия общественных преобразований. Игнорирование этих фундаментальных различий явилось грубым искажением марксистской теории и одним из условий гипертрофии классовой борьбы в XX веке.

В-четвертых, есть основания предполагать, что классовый подход, расширенный до универсального принципа организации познания и жизни, представляет собой превращенную форму выражения не классовых, а

каких-то иных интересов, в частности националистических, государственно-имперских.

Идея классовости, как она понималась классиками марксизма-ленинизма, была неразрывно связана с убеждением в интернационалистской сущности пролетариата. Мыслилось, что пролетариат своей не знающей национальных границ солидарной борьбой и революционной деятельностью реализует объективные интеграционные процессы, заложенные в общественных по природе производительных силах, наиболее адекватно выражает складывающуюся всемирность исторического процесса. Пролетарское, по сути дела, понималось как конкретно-общечеловеческое. Такое обобщение, возможно, отражало реалии XIX века, но в XX веке оно подтверждения не получило. Суровая, многократно продемонстрированная правда состоит в том, что пролетариат ненамного более интернационален, чем буржуазия, и что для него национальное точно так же оказывается выше классового. Это доказала уже первая мировая война, когда не только рабочий класс, но и его идейные представители в лице социал-демократических партий разбежались по национальным квартирам и стали на сторону своих правительств. Опыт второй мировой войны является еще более ярким свидетельством примата национального над классовым: братания советских и немецких рабочих не состоялось, но зато союз между Советским государством и идейно враждебными ему государствами Англии и Америки сложился вполне. Наконец, можно сослаться на антикоммунистический вихрь, который прошел над странами Восточной Европы в 1989 году и, помимо всего прочего, продемонстрировал ту истину, что национально-государственные ценности куда важнее классовых.

Если наше предположение не лишено оснований и мы верно резюмируем исторические уроки, если и в самом деле классовые различия значимы только внутри национальных границ или по крайней мере отходят на второй план там, где интересы одной нации открыто сталкиваются с интересами других наций, если метод классового анализа имеет еще более узкие границы применения, чем это допускалось в подлинном, неискаженном марксизме, то из всего этого следует тот в высшей степени существенный вывод, что общечеловеческое необходимо осмысливать в его соотнесенности и оппозиции не столько с классовым, сколько с национальным. В пользу того, что проблему соотношения общечеловеческого и классового надо рассматривать как часть или превращенную форму проблемы общечеловеческого и национального, говорит и следующее обстоятельство. Когда сегодня общественное сознание противопоставляет общечеловеческое классовому, то под последним подразумевается классовая идеология и практика в сталинской версии. А действительно ли эта версия отражала интересы пролетариата, или же она была неадекватной формой выражения великодержавных, имперских интересов?

КЛАССОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Классовый подход господствовал в общественном сознании советского общества, получив статус официальной методологической установки и определяющего критерия оценки фактов, событий, явлений. Апологетика классовости достигла такой степени, которая исключала общечеловеческое и вообще внеклассовое как нечто космополитическое, буржуазное по своей сути и потому враждебное социализму и марксизму. Именно в этом значении классовость и была использована административной системой для своего утверждения, став основным идеологическим механизмом формирования властных отношений казарменного социализма. С одной стороны, классовость исключала все виды разномыслия, а с другой — стала средством конструирования единого, общего для всех сознания.

Понятая так классовость нанесла огромный урон общественному развитию страны, по сути, выключила ее из мирового цивилизационного процесса и обрекла на всестороннее отставание (вспомним хотя бы роль «классового подхода» в «развенчании» генетики и кибернетики). Вместо плодотворного диалога идей, ценностей — единственно продуктивной

формы общения и соревнования в сфере духовного творчества — воцарился однообразный монолог, приведший к несвободе и отсутствию обратной связи в развитии мысли, духа. Именно классовость послужила отправным пунктом возведения «железного занавеса», «берлинской стены» и прочих символов идеологической конфронтации, подрывая и обессмысливая идею мирного сосуществования двух социальных систем, возможность обмена и конвергенции на базе общечеловеческих интересов. Интерпретированная в вульгарно-социологическом духе классовость оборвала во многих областях нить исторической преемственности, возвела преграду между настоящим и прошлым — тысячелетней историей России, которая, за редкими исключениями, изображалась, согласно «классовым» признакам, в самых мрачных красках и представала зияющей «черной дырой» всемирной цивилизации. Принцип деления на «красных» и «белых», «своих» и «чужих», «революционеров» и «реакционеров» и т. д., поиски «народных», «дворянских», «буржуазных» корней в биографиях и творчестве писателей, философов, ученых не только исказили духовную историю цивилизации, но и отправили «на свалку истории» целые эпохи, направления и пласты культурных ценностей.

НАДО ПРЕОДОЛЕТЬ МИФОЛОГЕМЫ, КОТОРЫЕ АКТИВНО ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ АВТОРИТАРНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ ДЛЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТЕХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, СТЕРЖНЕМ КОТОРЫХ ОНА ВЫСТУПАЛА

Классовый подход, истолкованный в духе противопоставления классового общечеловеческому, нанес непоправимый ущерб марксизму, деформировал и дискредитировал суть его социального проекта изменения действительности, а самое страшное — закрыл путь для понимания общества в его реальном историческом содержании. Отстаивая права «низшей, обездоленной, неорганизованной массы», Маркс противопоставлял феодальному миру «разделенного человечества» такой человеческий мир, который «сам создает свои различия и неравенство которого есть не что иное, как разноцветное преломление равенства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 125). При капитализме человек перестает быть рабом человека, но становится рабом вещи, рыночных отношений, завершающих извращение человеческих отношений и отчуждение человека. Однако обобществление приобретает совершенно новое качество именно благодаря капиталу и капитализму, цивилизующую роль которых Маркс всегда признавал и подчеркивал. Для марксизма капитализм — преддверие к возникновению принципиально иного человеческого мира. «Разложение человечества на массу изолированных, взаимно отталкивающихся атомов есть уже само по себе уничтожение всех корпоративных, национальных и вообще особых интересов и последняя необходимая ступень к свободному самообъединению человечества. Завершение отчуждения человека в господстве денег есть неизбежный переход к ныне уже близкому моменту, когда человек вновь должен обрести самого себя» (там же, с. 605).

Наша беда, еще не вполне нами осознанная, состоит в том, что мы «проскочили» целую историческую стадию на пути к такому обобществлению, построив «социализм в отдельно взятой стране» и тем самым не приблизив, а отдалив желаемый «близкий момент», который для развитых капиталистических стран становится уже реальностью. (Не по этой ли причине общественное сознание легко воспринялю парадоксальную мысль, что к социализму — настоящему, «всамделишному» — намного ближе Швеция и Швейцария, чем мы, так долго и мучительно его строившие?) Отнюдь не по заблуждению или чьему-то произволу, а по необходимости на первый план вышли ныне именно корпоративные, национальные и прочие «особые интересы», отодвинув на второй или даже на третий план общечеловеческие интересы и ценности.

Есть ли выход из создавшегося положения? Думается, что есть. Надо преодолеть мифологемы, которые активно использовались авторитарно-бюрократической системой для воспроизводства тех социальных отно-

шений, стержнем которых она выступала. Трактовка классового подхода, основанная на игнорировании или даже прямом отрицании общечеловеческих ценностей, была одной из таких мифологем. Она активно внедрялась в массовое сознание многочисленными идеологическими службами, системой образования и воспитания в качестве безусловной истины и мировоззренческого ориентира. В реальной жизни это означало формирование конформистского сознания, которое беспрекословно подчинялось указаниям свыше, воспринимая их как мудрые предначертания, выражающие интересы всех советских людей. Попытка критического анализа любых партийных и правительственных решений расценивалась в рамках этого подхода как отступление от классовых позиций, а следовательно, как враждебное действие, объективно усиливающее позиции классового противника.

Административно-командная система активно использовала символику классового подхода для обеспечения своей стабильности. Как только возникала опасность изменения этой системы, сразу же включался механизм идеологической защиты: заявлялось об обострении классовой борьбы, после чего любая критика системы расценивалась как нападки на социализм, что влекло за собой соответствующие репрессивные меры.

Так было, например, во время кризиса конца 20-х годов. В этом смысле симптоматично, что именно в разгар ликвидации кулачества как класса философская дискуссия между так называемыми «диалектиками» и «механицистами» завершилась решительным отрицанием существования элементарных, общечеловеческих норм права и нравственности. Показателен также кризис середины 30-х годов, который еще предстоит осмыслить нашим историкам. Он явился результатом громадного перенапряжения страны, вызванного форсированной коллективизацией и завышенными планами сверхиндустриального развития. Недовольство, постепенно возникавшее в народе и партии, было подавлено жестокими репрессиями, идеологическим оправданием которых был сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере нарастания успехов социалистического строительства.

С меньшим размахом репрессий, но под тем же лозунгом обострения идеологической борьбы, рассматриваемой как проявление классовой борьбы, подавлялись требования демократизации и гласности в конце 60-х — начале 70-х годов. Командно-административная система активно защищала себя от идей «гуманизации социализма», «социализма с человеческим лицом». И вновь испытанным средством идеологического обеспечения такой «защиты» стало противопоставление классового — общечеловеческому, «классового подхода» — «абстрактному гуманизму».

И, наконец, уже в наши дни в идейной борьбе, которая сопровождает перестройку, коренное обновление структур советского общества, классовые принципы стали знаменем консервативных сил, привилегированного слоя административно-командной системы, не желающей сдавать свои позиции. Номенклатура держится за свои места, но делает вид, будто защищает принципы, интересы трудящихся.

КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ИСХОДИТ ИЗ ПРИНЦИПИАЛЬНО ИНОГО ВИДЕНИЯ МИРА ПО СРАВНЕНИЮ С ТРАДИЦИОННО ПОНИМАЕМЫМ КЛАССОВЫМ ПОДХОДОМ

Как видим, «классовый подход» в конкретной истории государственного социализма менее всего являлся формой выражения и защиты интересов трудящихся классов. Он выражал интересы государства, управляющей им номенклатуры. Более того, «классовый подход», сопряженные с ним страх и насилие как во внутренней жизни страны, так и во внешней политике были прежде всего направлены на то, чтобы держать в узде тот самый класс, во имя которого и от имени которого они осуществлялись. Неудивительно, что демонтаж авторитарно-бюрократической системы в эпоху перестройки и провозглашение идеала гуманного, демократического социализма сопровождались пересмотром вульгарно истолкованного классового подхода и выдвижением идеи приоритета общечеловеческих ценностей.

Первоначально эта идея многими воспринималась по образу и подобию прежних идеологических символов — как очередной лозунг, который не следует понимать и реализовывать буквально. Административно-командная система объявляла себя и носительницей гуманизма («Всё во имя человека, всё для блага человека!»), и воплощением высшего типа демократии, призывала к борьбе за экономию ресурсов («Экономика должна быть экономной!»), выступала за охрану природы и т. д., хотя реальная практика чаще всего шла в противоположном направлении.

Однако по мере нарастания перестроечных процессов стала выявляться глубинная связь между идеей приоритета общечеловеческого и демократизацией общественной жизни — плюрализмом мнений, стремлением к консенсусу, отказом от насильственного решения социальных конфликтов.

Отчетливо обозначился и внешнеполитический аспект идеи приоритета общечеловеческих ценностей. Он нашел свое выражение в концепции нового политического мышления, которое исходит из принципиально иного видения мира по сравнению с традиционно понимаемым классовым подходом. В этом традиционном понимании делался акцент на противостоянии двух политических систем и разорванности мировой цивилизации на два мира с противоположными классовыми интересами. Новое мышление сместило акценты: мировая цивилизация предстала как сложное противоречивое целое, в котором взаимодействуют различные системы, имеющие не только противоположные, но и общие интересы, связанные с необходимостью обеспечить выживание человечества в ядерный век.

Таким образом, выявились две взаимосвязанные группы причин, стимулирующих новую постановку идеи о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Первая из них непосредственно относится к сфере перестроечных процессов в нашей стране, вторая — к проблемам мирового цивилизационного развития. Эти аспекты органично связаны между собой, поскольку сама перестройка в конечном счете необходима для того, чтобы мы смогли войти в русло всемирного потока цивилизационного развития, ликвидировать нарастающее отставание от передовых в технологическом отношении стран, сделать наше общество максимально открытым для новейших достижений человеческой цивилизации.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ КАК ИДЕЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Итак, что такое общечеловеческое? В теоретическом, философском плане этот вопрос связан с выяснением предметного содержания всеобщего и природы его взаимоотношений с особенным и единичным.

Существуют две философские традиции в подходе ко всеобщему. Одна, идущая от Платона, трактует всеобщее как область надындивидуального, тотального по своему обнаружению и обладающего статусом действительности. В русской философии эту традицию развивает, в частности, С. Франк в своей книге «Духовные основы общества», настаивая на том, что существуют «вечные незыблемые начала человеческой жизни, вытекающие из самого существа человека и общества» (эти вечные и универсальные начала он называет «основными нормативными принципами общественной жизни»). Другая традиция, идущая от Аристотеля, развивает идею, что у всеобщего нет собственной действительности, что она внутренне присуща лишь отдельным предметам и явлениям как их форма. Единичное и особенное возникает из всеобщего, но нет ни чистой индивидуальности, ни чистой всеобщности.

В современных спорах по поводу общечеловеческих ценностей легко обнаруживаются следы классической дилеммы. Во-первых, это представление о чем-то высшем, идеальном, некоем недостижимом первообразе, который никогда не станет реальностью (сейчас так пытаются представить и истолковать коммунизм со всеми его ценностями). Оно исходит из понимания общечеловеческого как сверхчувственной, разумной, идеальной сущности самого человека, которую тот может обрести лишь в «царстве видимости». В этом случае общечеловеческие ценности — чистая идеализация, нечто не существующее и не осуществимое в реальной действительности. Но они представляют-

ся, истолковываются в терминах и обозначениях реальных объектов (как, например, религиозные представления о грядущем «царстве божьем» на земле).

Во-вторых, это некоторые общие для всех исторических эпох условия жизнедеятельности людей и формы человеческого общежития, которые отражаются во всеобщих требованиях (типичный пример — нравственные принципы), задающих гуманистический вектор реальной деятельности людей. В таком истолковании общечеловеческое приобретает реальность в качестве задачи, долженствования (у Хайдеггера, например, оно является предметом и результатом «общей заботы», у Сартра — «общего чувства», связывающих людей в единую общность, коллектив).

ПОИСК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И СОСТАВЛЯЕТ ГЛАВНУЮ ЗАДАЧУ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ, СМЫСЛ ТОГО, ЧТО МОЖНО БЫЛО БЫ НАЗВАТЬ НОВОЙ ДУХОВНОСТЬЮ— БОЛЕЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ, ЧЕМ ВСЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ЕЙ ФОРМЫ

Вопрос о содержательной определенности общечеловеческого, в частности его соотношения с классовым, нельзя рассматривать абстрактно, в отрыве от исторически-конкретных условий и обстоятельств. Если в одном случае классовое может находиться в прямом антагонизме с общечеловеческим (и тогда требуются особые усилия идеологов, чтобы придать классовому видимость общечеловеческого), то в другом — косвенно, частично, а иногда, в редкие исторические мгновения, и полностью совпадать с общечеловеческим. Однако в любом случае общечеловеческое, по-разному взаимодействуя с классовым, по-разному обнаруживая себя в нем (либо через его прямое отрицание, либо через определенное совпадение с ним), является необходимой стороной существования людей в обществе.

Наивно думать, что общечеловеческий интерес, а именно то, что связывает, объединяет людей в историческом пространстве и времени и что философы всегда называли «всеобщим», можно обнаружить, так сказать, «невооруженным глазом», путем простой констатации существующего положения дел. Общечеловеческое не лежит на поверхности вещей и чаще всего скрыто не только от обыденного, но даже и от теоретического сознания. В своей повседневной жизни и в размышлениях о ней люди склонны фиксировать скорее то, что их отличает, отделяет друг от друга, чем то, что их объединяет между собой. Как правило, сознание ими своего интереса не идет дальше осознания интересов той социальной или национальной группы, к которой они принадлежат по своему рождению или по общественному положению. Даже открытие в свое время классового интереса явилось шагом вперед по сравнению с теми групповыми (этническими, племенными, общинными, национально-государственными) интересами, которыми люди до того руководствовались в своей жизни и деятельности. Правда, уже христианство стремилось выработать систему общечеловеческих ценностей, но и они в конечном счете оказались ограничены рамками данного вероисповедания и не способны устранить конфликты и противоречия, возникающие на межрелигиозной почве. В истории предшествующей мысли «всеобщее», от имени которого выступали политики, моралисты, философы, художники и др., либо служило прикрытием, маскировкой частного и особенного, либо постулировалось абстрактным, умозрительным, спекулятивным образом.

Нет, не так-то просто увидеть «всеобщее» за различием сталкивающихся между собой национальных, классовых и личных интересов людей, за пестротой и своеобразием исторических судеб различных стран и народов. В этой ситуации легко ошибиться, сбиться с истинного пути, принять за «всеобщее» то, что им в действительности не является или выдается за таковое в корыстных, ограниченных целях. Разве нельзя выдать за общечеловеческий интерес стремление к личному обогащению, к власти и господству над себе подобными, к национальному самовозвеличиванию, к достижению собственного благополучия любой ценой? Гедонизм и аскетизм, накопительство и потребительство, моральная воздержанность и утилитарная полезность, «естественный интерес» и «воля к власти» —

все они претендовали на роль «всеобщего» в истории, на общечеловеческую значимость и ценность.

Стремление к чисто биологическому выживанию или даже материальному благополучию обычно не объединяет, а разделяет людей, сталкивает их в конкурентной борьбе, создает ситуацию «войны всех против всех». Конечно, перед лицом всеобщей опасности, грозящей уничтожением всего живого на земле (а такой опасностью, несомненно, является угроза ядерной войны или экологической катастрофы), люди способны объединиться, поднявшись над своим групповым, национальным или классовым эгоизмом. Но это лишь внешнее объединение. Страх и отчаяние, рождаемые у человека его существованием в «пограничной ситуации», не могут служить надежной опорой общечеловеческой консолидации. Апокалипсическое видение будущего не лучшее средство излечения людей от их классовой и национальной разобщенности. Угроза тотальной смерти, реально нависшая в наши дни над человечеством, способна стимулировать поиск общечеловеческих ценностей, но не заменить их. Эта угроза лишь симптом того, что человечество в своем развитии подошло к тому историческому рубежу, когда эти ценности должны быть найдены, открыты, сформулированы и усвоены массовым сознанием, должны стать новыми регуляторами национальной, социальной и государственной жизни.

Опасность всеобщей смерти и страх перед ней могут быть побеждены только волей к новой жизни. Как бы мы ни определяли главные параметры этой жизни, в ее основание должны быть положены ценности, близкие и понятные каждому человеку, независимо от его социального положения и национального происхождения. Поиск такого рода общечеловеческих ценностей и составляет главную задачу современной культуры, смысл того, что можно было бы назвать новой духовностью — более универсальной, чем все предшествующие ей формы. Не надо преуменьшать сложность и трудность этой задачи. Речь идет о подлинном духовном перевороте в жизни человечества, который по своим масштабам и последствиям, возможно, превосходит духовную революцию, вызванную рождением мировых религий.

ЦЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ — ПРЕДМЕТНАЯ ОСНОВА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Конкретное, предметное содержание общечеловеческого в его современном понимании должно, на наш взгляд, удовлетворять следующим трем требованиям: а) иметь значимость (как минимум потенциальную) для каждого человека; б) быть всеобщим, то есть не разделять, а соединять людей; в) находиться внутри общего потока цивилизации в качестве необходимой его предпосылки.

Всем этим признакам, на наш взгляд, удовлетворяет признание индивидуальности в качестве базисной основы человеческого бытия. Общечеловеческое в этом смысле есть не отрицание, а, напротив, утверждение индивидуального, особенного. Общество всегда функционировало и в значительной мере еще функционирует как система, где целое больше части и даже суммы всех частей. Такое общество напоминает организменноподобный механизм, отдельные детали которого приобретают значимость только в связи с целым и на службе целого, но сами по себе лишены ценности. Приоритет общечеловеческих ценностей предполагает принципиально иную модель, где часть равна целому и даже больше его, где базисной ценностью является первичная индивидуальность, живое тело общества, а не «всеобщее» в форме особых институтов, структур и т. п. Вместо привычного движения от общего к индивидуальному, от общества к личности здесь задается принципиально иной вектор развития: от личности к обществу, от индивидуального к общему. Итак, общечеловеческое есть форма связи между людьми, утверждающая примат индивидуального над общим.

Под индивидуальным в этом контексте прежде всего и главным образом понимается ценность личности, признание (не только формально декларированное, но и реальное, юридически и социально гарантированное) за каждым индивидом человеческого достоинства и права на свобод-

ное развитие. Речь здесь идет прежде всего о правах человека, реализуемых в условиях демократического жизнеустройства, хотя, разумеется, и не только о них. Права человека, включая право свободного выбора места жительства и форм общественной самоидентификации, представляют собой позитивное выражение преодоленности личной зависимости одного индивида от другого. Они являются буржуазными только генетически, но не по существу, и не выводятся из взаимоотношений свободных товаровладельцев, хотя связь между правами человека и свободным предпринимательством несомненна. Связь эта, как нам представляется, совершенно иная, чем принято считать в нашем обществоведении. Права человека, их всестороннее общественное закрепление являются условием, предпосылкой и основой существования свободного предпринимательства, не говоря уже об иных, более совершенных формах экономических и других общественных отношений. Права человека, по существу, внеклассовы и внеформационны. Можно утверждать, что права человека, признание ценности личности, практически охватывающее всех индивидов, представляют собой как бы всеобщий человеческий эквивалент социальных связей. Это позволяет разнообразным общностям людей, формам культуры, политическим системам и т. д. открываться друг для друга и вступать между собой в плодотворный диалог.

Здесь мы подходим ко второй стороне индивидуального, это — право каждой индивидуальности (личности, народа, культурной общности) на самобытное существование и свободное развитие. Не подчинять многообразие человеческих потребностей, целей и устремлений единому и общему для всех стандарту, а сохранять и защищать это многообразие, дать каждому право быть тем, кем он является по своей природе, по своему национальному происхождению и культурной принадлежности, — вот единственно верный путь к утверждению общечеловеческих ценностей. Способность к объединению в мировом масштабе возможна лишь в том случае, если люди и народы не отказываются от себя, а остаются самими собой, сохраняют свое лицо и уникальную неповторимость.

Очень долгое время мы это плохо понимали. Нам казалось, что человечество может объединиться, лишь признав истинность какой-то одной веры, идеологии, учения или строя, предпочтя их всем остальным, защищая интересы только отдельной группы или одного класса общества, доказывая преимущество лишь одной культуры. Но это путь не к объединению, а к разъединению людей, к их размежеванию и конфронтации. Терпимость и доброжелательное отношение к чужой вере, к инакомыслию, к особенностям иной культуры, ко всему, что существует в «человеческом космосе», признание ценности не только «своего», но и «чужого» — это и есть то общечеловеческое начало, которое может примирить людей, стать условием их взаимного диалога и совместных усилий. Не отказ от своей классовой, национальной и культурной принадлежности, а отказ от того, чтобы считать такую принадлежность единственно достойной человека, т. е. отказ от своей исключительности, от психологии избранничества и исторического мессианизма, — только это и приведет нас к взаимопониманию и подлинно цивилизованному общению.

С этой точки зрения, говоря сегодня об общечеловеческих ценностях, об их приоритете перед ценностями какой-либо отдельной группы или класса, не надо ничего придумывать, ничего искусственно конструировать, создавая какую-то новую идеологию или новый символ веры. Надо просто научиться уважать и ценить то, что уже есть у других стран и народов, что представляет собой ценность для других групп и классов, что является их вкладом в общечеловеческое развитие. Можно сказать так: исповедовать сегодня общечеловеческие ценности — это значит исповедовать ценности всей человеческой культуры, как она существует в наше время, оберегать все то, что создано всеми народами и что свято для них.

Общечеловеческое — это все человечество с присущим ему многообразием национальных и культурных особенностей, оттенков и различий. Общечеловеческое — это каждый человек, неотъемлемое, святое его право на свободу и достоинство.

Анализ прогноз

НАКАНУНЕ

На 28 октября назначены выборы в Верховный Совет Грузинской ССР. Впервые они пройдут на многопартийной основе. О ситуации в республике накануне выборов — заметки нашего корреспондента Арины ТАУСОВОЙ.

ТБИЛИССКИЙ СИНДРОМ

К весне 1990 года в Грузии — более ста партий и общественно-политических организаций. Спектр от социал-демократов до монархистов. Некогда их называли неформальными организациями, затем альтернативными движениями. Сами они считают себя оппозицией. Умеренной, радикальной, непримиримой. Политические образования единодушны в том, что главный вопрос — государственное устройство Грузии. Размежевание — по путям и формам его реализации.

Отношение к предстоящим выборам также водораздел в среде оппозиции. От участия — у умеренных, до бойкота — у непримиримых. Партии и организации сливаются, блокируются, размежевываются. В начале мая ультрарадикалы выясняли между собой отношения в центре Тбилиси посредством перестрелки. Тут трудно отделаться от ассоциаций с бессмертным фарсом Брехта «Карьера Артуро Уи». Другие времена, другие движущие силы. Другая драма. Ее завязка выделена датой в мемориале у Дома правительства. Грузинский крест и огромная девятка. 9 апреля 1989 года.

Чтобы перейти к последовавшим драматическим событиям, необходим временной захлест. Обратиться к тому, о чем не сказал А. А. Собчак в отчете комиссии первого Съезда народных депутатов СССР, ограничившей свою компетенцию обстоятельствами ввода войск в Тбилиси и оставившей за кадром события, предшествовавшие роковой ночи 9 апреля.

Начать придется с 18 марта 1989 года, когда в селе Лыхны Гудаутского района состоялся митинг-сход. Его участники приняли Обращение к руководящим органам страны, в котором основным требованием было вернуть Абхазии статус Социалистической Советской Республики, каковой она была с 1921-го по 1931 год. С трибуны Верховного Совета ГССР тогдашний первый секретарь ЦК КП Грузии Д. И. Патиашвили квалифицировал Лыхненское обращение, под которым подписались тысячи жителей Абхазии, как «антиконституционное». В Правлении Союза писателей Грузии его назвали «клеветой и доносом на грузинский народ». Грузинская оппозиция провела митинги осуждения «абхазского сепаратизма» в Гагре, Сухуми, других населенных пунктах Абхазии. В первых числах апреля начинается голодовка протеста у Дома правительства, переросшая в многотысячный митинг с требованиями независимости Грузии, отделения ее от СССР. Непримиримая оппозиция предлагает обратиться в ООН, а также ввести в Грузию войска НАТО.

Дальше произошло то, что произошло. На XXVIII съезде Компартии Грузии первый секретарь ЦК Г. Г. Гумбаридзе признал, что 9 апреля стало кризисом для партии, противопоставлением ее собственному народу. Настойчиво звучит требование до конца раскрыть «тайну» событий 9 апреля. Но у этих событий не только тайна кабинетов, а и тайны площади. Не об этом ли сказал на пленуме ЦК КП Грузии 14 апреля 1989 года Э. А. Шеварднадзе: «...никак не могу отделаться от такого чувства, будто кое-кто из лидеров так называемых неформальных организаций совершенно сознательно вел доверившихся им людей к закланию».

После трагедии на площади у Дома правительства возникает «синдром 9 апреля». Оппозиционное движение получает название национально-освободительного. Оформляется «образ врага» — это армия и центр, ее пославший. С другой стороны, рождается «тбилисский комплекс». У центра связаны руки. Во всех последующих событиях он колеблется, медлит. А они, эти события, развиваются с ошеломляющей скоростью.

25 мая. Открытие Съезда народных депутатов СССР. Минута молчания в память о жертвах 9 апреля в Тбилиси.

3 июня. Кровавые события в Ферганской долине. Около ста убитых. Сотни раненых. Тысячи беженцев турок-месхетинцев из Узбекистана.

23 июня. Марнеули, Болниси, Дманиси. Межэтнические столкновения грузин и азербайджанского населения. Раненые. Сожженные дома.

15 июля. Сухуми. Конфликт между грузинами и абхазами. Десятки убитых и раненых в последовавшие дни.

23 ноября. Цхинвали. Противостояние грузинской оппозиции и осетинского населения. Убитые и раненые в последовавшие месяцы.

Перечень неполный. Это лишь те из межэтнических напряжений, сведения о которых, пусть поздно и фрагментарно, пробили брешь в глухом информационном заслоне на положение дел в республике. Были инциденты на межэтнической почве в Кахетии, где живут лезгины, в Месхетии, где живут армяне. Реакция на нестабильность в республике — эмиграция греков, отъезд русских духоборов из Богдановского района Грузии, где их предки поселились в середине прошлого века.

На съездах народных депутатов их участники призывают друг друга к сдержанности в оценке межнациональных отношений. Полыхает Нагорный Карабах. Идет блокада Армении со стороны Азербайджана и Нахичеванской АССР со стороны Армении. Между соседними республиками не прекращается встречный поток беженцев.

Грузинские депутаты просят не касаться конфликтных ситуаций в республике, рассматривая их не как межнацио-

нальные, ибо нация не субъект федерации, а как внутриреспубликанские. Они настаивают на формировании национальной армии. Весной 1990 года в Грузии проходят митинги с призывами бойкотировать службу в рядах Советской Армии. Создается прообраз национальной — «Легион грузинских соколов».

Не сказанное слово рождает слухи и обиды во взрывоопасных регионах. Сказанное рискует подтолкнуть к новому витку кровопролитий. Как быть? Замалчивание и одностороннее освещение карабахской проблемы показало, как дорого это может стоить. Но момент уже был упущен, и конфликт, как кажется, принял необратимый характер. Любая попытка стать третейским судьей обречена, ибо арбитр склонен принять одну из сторон либо обвинять обе. А вот кто возьмет на себя роль миротворца и посредника, осторожного и терпеливого? Во всяком случае, центр таковым не стал. Сочувствуя, он ограничился обещаниями. Ни с чем уехала из Москвы делегация женщин из Южной Осетии. Группа азербайджанцев из Южной Грузии побывала в Верховном Совете СССР, а потом отправилась в Азербайджанское постпредство в Москве. Ведь союзные республики взаимодействуют через центр.

Накануне выбора дальнейшей судьбы в Грузии образуются три конфликтных поля: руководство — неформалы, республика — центр и, самое заряженное,— поле межэтнических напряжений.

Не входя в анализ глубинной расстановки сил, причин, породивших центробежные устремления, взаимоотношения оппозиции и официальных структур, мне хотелось бы коснуться явлений, обозначаемых в республике как этнокризис.

ТРЕТЬЯ СИЛА И ПЯТАЯ КОЛОННА

Почему шквал этноконфликтов? Кто их генератор? Кому они выгодны? Где рождаются? За каждой вспышкой конкретный повод. А есть ли у всех общая причина?

«Этноконфликты — последний козырь режима,— сказали мне в штабе Партии национальной независимости.— «Рука Москвы» стремится создать «пятую колонну» среди негрузинского населения, чтобы с ее помощью помешать достижению независимости Грузии». Таково мнение национал-радикалов.

Что ж, возможно, обстоятельства межэтнических трений и впрямь подтвердят нам наличие в них «третьей силы», действующей по старому имперскому принципу «разделяй и властвуй»?

Поводом межэтнического конфликта в Марнеули и Болниси послужило переселение в эти равнинные районы, населенные азербайджанцами, жителей горной Сванетии, пострадавших от стихийных бедствий. В общей напряженной обстановке достаточно искры, чтобы произошла вспышка. Так и вышло. По незначительному поводу возникла ссора, начались волнения. Разбирать их из Тбилиси выезжает многочисленная группа. Начинается цепная реакция. Соответствующее освещение в грузинских средствах массовой информации, и вот уже район становится «горячей точкой». Похожие события происходят в Абхазии и Южной Осетии. Началось с неосторожного, если не сказать резче, решения властей, в дело вмешиваются национал-радикальные организации, их поддерживают органы массовой информации. А намерения и действия рождают противодействия.

Причины обострения межнациональных конфликтов, как показывает их анализ во всех регионах страны, уходят корнями в прошлое, в их основе реальные противоречия. Другое дело, что их возможно предвидеть и своевременно предотвратить. Тут многое зависит от взвешенных решений властей предержащих. От интеллигенции зависит, чтобы они разрешались цивилизованно, с учетом интересов и особенностей всех сторон. Средства массовой информации могут удержать от опрометчивых шагов. В противном случае начинается своеобразное состязание «кто католик больше папы римского»: заигрывание с общественным мнением своей нации, подталкивание властей к принятию решений, грозящих непредсказуемыми последствиями, и — снова по кругу.

Само по себе рассмотрение поводов мало что дает для понимания генезиса осложнений. Тут еще важен фон, на котором они разворачиваются. В этой связи интересны данные опроса, проведенного социологической лабораторией Тбилисского университета. Среди проблем, вызывающих наибольшее беспокойство, многие из опрошенных назвали сохранение территориальной целостности Грузии, этноконфликты и демографическую ситуацию. Возможно, опрос не репрезентативен: он проводился только среди жителей грузинской столицы. Но он симптоматичен.

Демографической проблеме придается в Грузии большое значение. Создано Демографическое общество, в состав которого вошли видные деятели науки и культуры, действуют многочисленные общественные фонды, установлены льготы и пособия многодетным семьям. Вот только все эти мероприятия с приставкой «картли» — грузинский, грузинская. И распространяются они только на грузин.

«Дело в том,— объясняют мне в одном из фондов,— что произошли изменения в этнодемографической структуре в сторону уменьшения доли грузинского

населения». Сравнение данных переписей за 1979 и 1989 годы свидетельствует как раз об обратном: доля грузинского населения увеличилась, и, напротив, уменьшился процентный состав других национальных групп, кроме азербайджанской и незначительно курдской. «Но они не коренное население»,— возражают мне.

Из пяти с половиной миллионов жителей республики грузины составляют 70%. Кроме них, здесь живут более 400 тысяч армян, 300 тысяч русских, 300 тысяч азербайджанцев, более 160 тысяч осетин, 100 тысяч греков, 95 тысяч абхазов, а также курды, ассирийцы и представители других восьмидесяти национальностей. Кто же они? Пришлые, отвечают мне в фонде, те, кому Грузия оказала гостеприимство. Так в «гости» попадает почти треть населения республики.

И вот во вполне уважаемом издании — предложения по уставу демографического фонда, где предусмотрены меры «по сбалансированному деторождению у отдельных национальностей, проживающих в Грузии». Их суть сводится к тому, что следует ограничить их рождаемость простым воспроизводством, а в случае нарушения предусмотреть меры по перемещению за пределы республики.

То, что поначалу выглядело розовым, на площади меняет оттенки. «Грузия — для грузин! Осетин — за хребет! Долой турецкую агентуру!» — звучит на сборищах национал-радикалов. Голоса толпы не глас народа. Однако в смутные времена прельстить могут популисты, могут и экстремисты.

Осознание глубины политического кризиса подчас порождает у интеллигенции комплекс национальной ущемленности. Возрождение предлагается осуществить путем национального единения. Тут важно не преступить хрупкую грань, за которой консолидация во имя чего-то превращается сплочением против кого-то. Начинается поиск виновного, создание «образа врага». Внешнего и внутреннего.

Любопытна эволюция одного из ярких лидеров грузинских непримиримых — Звиада Гамсахурдиа, главы Хельсинкского союза Грузии и Общества Святого Ильи Праведного. Сын знаменитого писателя и академика, основоположника метода соцреализма в грузинской литературе, он в годы застоя подвергался арестам, заключению в тюрьму и психбольницу, ссылке, публично раскаивался, вновь возвращался к борьбе против засилья бюрократии, местной мафии, расхищения национальных ценностей Грузии. Его видели на развалинах грузинских монастырей, где он жил отшельником, постигая мудрость древних. Как случилось, что боль за родной народ привела его к жесткой позиции национального эгоизма и воинствующего неприятия всякого инакомыслия? Всех несогласных — «кто не с нами» — клеймит он именем «врага народа». После того как ознакомившийся с обстановкой в Грузии академик А. Д. Сахаров назвал ее «малой империей», Гамсахурдиа дал резкую отповедь бывшему соратнику. Так что непопулярно сейчас у непримиримых имя знаменитого правозащитника и автора проекта Конституции Союза республик Европы и Азии.

Пока не принят ни сахаровский проект, ни новый союзный договор, пока не ясно, что будет с автономными образованиями, мне хотелось бы сказать о тех, чья дальнейшая судьба вызывает особую тревогу.

Один из древнейших этносов страны, потомки скифов, сарматов и аланов — осетины — разломлен надвое и составляет автономные образования в двух союзных республиках — ГССР и РСФСР. Поэтому события в Цхинвали осенью 1989 года не могли не вызвать беспокойства осетин по обе стороны Кавказского хребта. И тут их развитие можно проследить по дням. 4 ноября в газете «Тбилиси» (орган ГК КПГ и городского Совета) были высказаны предложения упразднить Юго-Осетинскую автономную область, которую уже давно оппозиция и пресса называют «Самачабло» — земля князей Мачабели. А кроме того, закрыть Рокский тоннель, связывающий Северную и Южную Осетию, перерезав тем самым автомагистраль, по которой идут грузы с севера в блокированную Армению.

10 ноября была созвана чрезвычайная сессия Совета Юго-Осетинской АО. Она обратилась к Верховным Советам ГССР и СССР с просьбой придать области статус автономной республики. На это мгновенно отреагировала грузинская оппозиция, 23 ноября к Цхинвали направляется моторизованная колонна. У въезда в город начинается противостояние многотысячной группы оппозиции и осетинского населения. Колонна осенена трехцветным знаменем, под которым в 1920 году правительство демократической Грузии провело карательную акцию против осетинского народа. Тысячи людей были убиты, селения сожжены, имущество разграблено. Тысячи других бежали за Кавказский хребет, погибли в снегах на перевалах, от тифа, лишений. И память о тех испытаниях жива. Колонна под трехцветным знаменем в ноябре 1989 года в город не вошла. Но ничто уже не может предотвратить разрастание конфликта. Начинается пикетирование населенных пунктов, блокада Южной Осетии, стычки между грузинским и осетинским населением.

Мне показалось, что в грузинских автономиях процесс пошел по аналогии с процессом в самой Грузии, тем, как развивался он там за последний год. Тут то-

же проявилась нерешительность местной власти, были созданы организации, называющие себя национально-освободительным движением (Народный фронт Южной Осетии «Адамон ныхас», Народный форум Абхазии «Аидгылара»), и даже обозначилось в них выделение более радикального и умеренного крыла.

Конечно, в такой обстановке вопрос о возвращении в Грузию турок-месхетинцев, незаконно высланных оттуда в 1944 году, вряд ли разрешим в ближайшее время. Союзное правительство и правительства Казахстана, Киргизии, Узбекистана выделяют и фонды, и средства для их обустройства. Да и в самой Грузии сочувственно относятся к их нелегкой участи. Вопрос возвращения осложняется тем, что среди жителей Месхети-Джавахети много армян. И в контексте общей обстановки на Кавказе их обеспокоенность понятна. Месхетинские армяне собирались даже объявить автономию на территории Ахалкалакского района. Но вопрос был урегулирован посредством переговоров между ними, представителями Армянского общенационального движения и грузинской оппозицией. Когда, как и кем будет решена судьба месхетинских турок — народа, поставленного в условиях территориальной разобщенности на грань исчезновения?

По мере развития событий на Кавказе и в Средней Азии в среде грузинского национального движения рождается новый «образ врага» — «четвертой силы». Это мусульманский интегризм. «Исламский полумесяц берет в клещи христианские народы Кавказа»,— предупреждает известный грузинский писатель.

Христианская вера была доминантой, вокруг которой единился грузинский этнос. Когда ослабленная междоусобицами, разоренная персами, турками-османами и лезгинскими феодалами Грузия была на краю пропасти, ее великий сын Сулхан Саба Орбелиани, мыслитель, писатель, монах, отправился искать ей покровителей в Европу. Он побывал у французского короля и римского папы. А закончил свои дни в Москве на пути в столицу к русскому императору. Мудрый воспитатель грузинских царей как бы предначертал их выбор. Полвека спустя был подписан Георгиевский трактат, позже грузинские царства вошли в состав Российской Империи. Так, грузинский народ сохранил веру и стал союзником России на Кавказе, а его правители потеряли корону и престол.

Христианской церкви отводится большая роль в программных документах оппозиции. «Грузия свободная, демократическая, христианская. Возрождение нации и религии». Так определяет ее будущее Звиад Гамсахурдиа. В программе Национально-демократической партии предлагается модель «теодемократии». Но когда летом 1989 года в Аджарии было проведено массовое крещение молодых аджарцев, этот шаг вызвал недовольство в самой Аджарии и неодобрение соседних мусульманских народов. Христианская идея становится в руках национал-радикалов проводником узконациональной идеи в такой степени, что процесс религиозного возрождения называют в среде «малых» народов Грузии «христианским хомейнизмом».

В переломные моменты мы обращаемся к истории. Это необходимо, чтобы осмыслить процесс национального возрождения. Тут важно, чтобы это обращение не превратилось в перетряхивание содержимого исторических сундуков, искусно используемое в конъюнктурных политических целях. Иначе рождаются химеры, не имеющие подлинников в исторической канве. И история становится мифотворчеством.

Из популярных мифов грузинской площади 1990 года мне хотелось бы выделить следующие. Миф о происхождении грузин от библейского царя Давида. Грузинское происхождение Петра Первого и вождя горских народов Шамиля. Подтекст первых двух мифов нетрудно расшифровать. А вот на третьем мне хотелось бы остановиться. Миф о предводителе горцев времен Кавказской войны как бы примиряет Грузию с другими кавказскими народами, чьи предки участвовали в ней по другую сторону гор. Миф, как мне кажется, имеет дальний политический прицел. Ясно, что автаркически Грузия существовать не может. В кругах умеренной оппозиции появляется идея созвать в Тбилиси Кавказский конгресс с участием представителей всех кавказских народов. Его цель — обсудить возможность создания Кавказской федерации с политическим центром в Грузии.

Что это, рука, протянутая к сотрудничеству? Или альтернатива Организации Кавказского Единства, создание которой было предложено на IV сессии Координационного совета Ассамблеи горских народов Кавказа в марте 1990 года?

Попытки сформировать общекавказское правительство уже были в 1918 году. Закавказский сейм прекратил свое существование через три месяца после создания, а провозглашенная им Закавказская федерация распалась на мусаватистский Азербайджан, дашнакскую Армению и меньшевистскую Грузию. Три года существования демократической Грузии лишь очень с большой натяжкой можно назвать годами независимости и благоденствия. Гражданская война, интервенция и геополитические притязания Германии и Турции, а затем стран Антанты и США, приграничная война между самими тремя закавказскими республиками, непрекращающиеся восста-

ния, накал которых особенно силен в Борчалинском уезде, Южной Осетии и Абхазии. И это повторится трагическими контрапунктами в наше время.

АБХАЗСКИЕ КОНТРАПУНКТЫ

Audiatur et altera pars — послушаем и другую сторону,— советовали древние. Мне хочется подробнее остановиться на ситуации в Абхазии. Не только потому, что прошлогодний конфликт был тут особенно ожесточенным и беспощадным с обеих сторон. Тут как в фокусе — все противоречия, все ошибки. А кроме того, десять лет назад мне довелось быть свидетелем бурных массовых выступлений в Абхазии. Загасить их удалось своевременно и бескровно во многом благодаря такту и авторитету Э. А. Шеварднадзе, руководившего в то время Компартией Грузии.

Абхазы причисляются оппозицией к коренному населению, правда, с оговоркой об их двойном происхождении: к собственно абхазам примешались спустившиеся с гор апсуйцы. Впрочем, гипотеза не нова. Ее разрабатывал в 50-е годы грузинский ученый П. Ингороква Оставим на суд специалистов вопрос абхазского этногенеза. Проследим в истории древнего народа лишь те вехи, которые легли в основу идеологии Народного форума Абхазии «Аидгылара» («Единение»). Он был горячо поддержан Ассамблеей горских народов Кавказа, проведшей в Сухуми в августе 1989 года свой первый съезд. В съезде приняли участие представители из Адыгейской, Карачаево-Черкесской автономных областей, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Абхазской АССР.

Абхазы и родственные им убыхи были последними, кто зачехлил оружие в самой длинной войне в истории Российской Империи. Последний бой Кавказской войны был дан в урочище Кбааду, переименованном позже в Красную Поляну в память о пролившейся крови. Последний носитель убыхского языка доживает свои дни в Турции. Его предки попали туда вместе с другими кавказскими горцами, побежденными, но не сломленными. За теми из абхазов, кто остался на родине, вплоть до 1907 года закрепляется статус «виновного населения». После присоединения к Российской Империи и последовавшими за этим восстаниями для абхазов начинается самый трагический период их истории — так называемое махаджирство. В изгнание в Турцию и страны Ближнего Востока уходят десятки тысяч абхазов. Многим удается тайно, по морю, вернуться в Абхазию, где к тому времени в результате русско-турецких войн много переселившихся из Турции армян и греков.

В единоверных странах абхазам удается сохранить этническое лицо, язык, обычаи. Они занимают особую «экологическую нишу»: их потомки многочисленны в офицерском корпусе турецкой и других армий стран Ближнего Востока. По приблизительным оценкам, в настоящее время за пределами СССР проживают более 100 тысяч абхазов.

Недавно группа зарубежных абхазов, а также потомки некоторых других махаджирских народов обратились к Советскому правительству с просьбой позволить им вернуться на родину предков.

В 1918 году в Абхазии была провозглашена Абхазская коммуна. Она продержалась недолго и была жестоко подавлена меньшевистскими войсками. Когда же меньшевистское правительство Грузии бежало в Турцию и в Абхазию вошла Красная Армия, ей были оказаны поддержка и горячий прием абхазского населения. В 1921 году была провозглашена Социалистическая Советская Республика Абхазия, которая в составе ЗСФСР в 1922 году вошла в состав СССР. Однако в 1931 году ее статус был понижен и она стала автономной республикой в составе Грузинской ССР.

Во многом благодаря усилиям председателя ЦИК Абхазии Нестора Лакобы в начале 30-х годов ей удается избежать эксцессов коллективизации и сохранить свою интеллигенцию. Но лишь до внезапной гибели Лакобы. Вскоре после его таинственной кончины в декабре 1936 года в тбилисском особняке тогдашнего руководителя Компартии Грузии Л. П. Берии и последующего объявления Лакобы и его соратников «врагами народа» для Абхазии вновь начинаются трудные времена.

В 1938 году главой НКВД становится уроженец Абхазии мегрел Берия. По его инициативе создается «Абхазпереселенстрой». Трест строит по Абхазии типовые дома, куда в приказном порядке переселяют выходцев из малоземельных районов Грузии. Так, удельный вес абхазов среди населения республики уменьшается и сегодня составляет всего 17%. Окончательное решение «абхазского вопроса» Сталин и Берия планировали на начало 50-х годов. Смерть Сталина и расстрел Берии предотвратили переселение абхазов вслед за чеченцами, ингушами, балкарцами, карачаевцами и другими опальными народами.

В последовавшие годы идет «тихая ассимиляция» абхазов, чему немало способствовали неоднократная замена графики абхазского языка (переход с латинской на грузинскую в 1938 году и на русскую в 1954 году), закрытие абхазских школ, перекосы в кадровой политике. Не проходит десятилетия без массовых выступлений абхазского населения.

Самые значительные из них произош-

ли в 1978—1979 годах. В самые застойные годы абхазы требовали того, что сейчас становится законодательными актами: экономической самостоятельности, перераспределения бюджета республики в ее пользу, изменения статуса автономного образования. Тогда-то и был открыт Абхазский университет, ставший «яблоком раздора» через десять лет, были открыты теле- и радиовещание на абхазском языке, проведены изменения в кадровой политике.

Когда же летом 1989 года правительство ГССР без согласования с властями Абхазии приняло решение открыть в Сухуми филиал Тбилисского университета, абхазами этот шаг был воспринят как вызов на Лыхненское обращение и покушение на суверенитет. Страсти вокруг филиала вызывают голодовки и митинги грузинского населения в поддержку решения, а со стороны абхазского — выступления протеста.

К середине июля Абхазия блокирована силами грузинской оппозиции. Из следственного изолятора в Зугдиди совершают массовый побег заключенные. Прихватив с собой оружие охраны, они направляются в сторону Абхазии. В Сухуми и прилегающих районах происходят ожесточенные столкновения, в результате которых есть убитые и раненые. Вести следствие по событиям поручается Прокуратуре ГССР, что вызывает новый взрыв возмущения абхазов.

События июля 1989 года надолго разрушили мосты взаимопонимания между соседними народами. По национальному признаку в Абхазии разделились Союз писателей, телевидение, футбольная команда, колхозы и совхозы. Я встречалась со свидетелями и участниками июльских событий, грузинами и абхазами. О тех страшных днях они рассказывают с горечью и каким-то удивлением — как же дошли до такого? И со стыдом.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Летом 1990 года в Грузии произошли важные события. Чрезвычайная сессия Верховного Совета ГССР, созванная по требованию студентов Тбилисского университета, признала аннексией ввод в Грузию войск Советской России в феврале 1921 года, объявила незаконным для Грузии договор 1922 года об образовании СССР и приняла постановление о создании правового механизма для восстановления государственной независимости Грузии.

На Общенациональном съезде Грузии было решено провести выборы в Национальный конгресс. На первых порах он станет законодательным и координационным органом национального движения. А затем, когда будет достигнута независимость, и в случае если в его выборах примет участие простое большинство избирателей, конгресс, по замыслам его организаторов, может взять на себя полноту власти.

Некоторые называют начавшийся период межвластием, другие — переходным. Каковы будут результаты выборов? Роль Грузии на многонациональном и многоконфессиональном Кавказе, ее связи с Россией? Станет ли она правовым государством, где всем будут гарантированы права независимо от национальной принадлежности и вероисповедания? Или это будет этнократическое государство с приоритетными правами у одного народа и господствующим положением одной религии? Или многонациональная Грузия станет полноправным членом обновленного Союза?

Право каждого народа самому решать свою судьбу. Свобода народа, как и человека, кончается там, где начинается свобода другого. По-грузински свобода — «тависуфали», и лидеры непримиримых переводят это как «Бог самому себе». Называя себя «солдатами свободы», не мир несут они своему народу.

Что касается меня, я верю в мудрость интеллигенции Грузии, милосердие и жертвенность ее народа. Верю, что верх возьмут взаимное доверие и миролюбие. Я не считаю себя чужой Кавказу, среди моих родственников есть аджарцы и армяне, среди друзей азербайджанцы и грузины. У нас общая — горемычная и славная — историческая судьба. Прощаясь, мои грузинские друзья говорили мне «швидоби» — до свидания. А буквально — иди с миром. Швидоби, Грузия. Иди. С миром.

Цхинвали — Тбилиси — Марнеули — Сухуми — Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя заметки, редакция вполне допускает, что интерпретация многих событий может носить субъективный характер. В глаза бросается то, что ярче, воспринимается то, что громче. Но право каждого — иметь свой взгляд на те или иные явления нашей действительности. Мы надеемся, что свои соображения выскажут те, кто имеет иную точку зрения на затронутые вопросы. Главное сейчас — слышать друг друга. И постараться понять.

Культура демократии

ТЕХНОЛОГИЯ ПОПУЛИЗМА

Дмитрий ВЫДРИН

ОПЫТ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ УЛОВОК

В современной нестабильной обстановке получили широкое распространение различные способы манипулирования сознанием. Многие из них, используя обыденное восприятие окружающего мира, упрощенные представления о причинно-следственных связях в общественной жизни, апеллируют к «облегченным» путям выхода из сложных ситуаций, к «панацейным» решениям. С их помощью удается добиваться некоторого политического успеха, несмотря на то, что через некоторое время предложенные решения заводят в тупик.

ВЫДРИН Дмитрий Игнатьевич, кандидат философских наук, ст. научный сотрудник Института политологии и социального управления.

В 1906 году петербургский журнал «Водолаз» сделал попытку погружения в акулисные смуты политической жизни. В рубрике «Животные, водящиеся в России» он рассказал о тех характерных уловках, которые применялись властями в борьбе со своими оппонентами. Читая, например, раздел о либералах, можно было узнать, что охота на этих существ, принадлежавших к подклассу доверчивых, не представляет собой сложности для властей: «Либералов часто ловят, раскладывая у входов в норки ломти свободы печати: почуяв аппетитный запах, либералы вылезают из нор и погибают сотнями».

За этим ерничеством скрывалась, по сути, интереснейшая попытка — рассмотреть некоторые политические приемы, которые можно обозначить как антитехнологии (АТ). В отличие от подлинных технологий, как системы способов и путей последовательного достижения желаемого результата; в политических антитехнологиях ставка делается на достижение частного или ближайшего результата, при игнорировании общих и долговременных последствий принимаемых решений.

В мировом арсенале политических действий отнюдь не бесконечное множество как позитивных, так и негативных приемов. Те, кто участвует в борьбе за власть, не любят экспромты — слишком велика здесь цена неудачи, и потому АТ в этой сфере накапливаются и передаются из поколения в поколение с бережностью гончарных секретов или кулинарных рецептов.

Предвижу вопрос: «Должны ли сегодня мы, специалисты-теоретики, политики-практики, граждане нашего общества, кроме подлинных политических технологий — научно обоснованных, профессиональных, честных и эффективных методов политической деятельности, знать всяческие политические уловки, которые когда-либо использовались?» Думается, что знать должны, чтобы не давать их использовать и на них не попадаться.

Подобного рода знание, как представляется, необходимо в условиях складывающегося политического плюрализма, политической борьбы, когда некоторыми ее участниками политический эффект достигается скорее за счет ловкости в использовании сиюминутных средств, чем за счет компетентных и корректных способов политического действия.

СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ «АТ»

Характерной чертой АТ является то, что они, как правило, базируются на недовольстве тех или иных социальных слоев, то есть на том «строительном материале» политики, который всегда под рукой и всегда в достаточном количестве.

Нельзя не вспомнить по этому поводу замечание Салтыкова-Щедрина, не только прекрасного писателя, но и проницательного политика: «Надо сказать правду, в России в наше время очень редко можно встретить довольного человека... Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой, что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой — на то, что власть чересчур достаточно действует; одни находят, что глупость нас одолела, другие — что слишком мы умны стали; третьи, наконец, участвуют во всех пакостях и, хохоча, приговаривают: «Ну, где такое безобразие видано?!» Даже расхитители казенного имущества — и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет. И всякий требует лично для себя конституции...»

Возможно, это высказывание классика кого-то удивит своей актуальностью. Но дело здесь не только в том, что мировосприятие людских типов мало изменилось за столь длительный срок. В любом достаточно самокритичном и достаточно свободном в проявлении своих настроений обществе были, есть и будут существовать отдельные недовольные граждане, «группы граждан» и целые слои. Запрет же на любое выражение социальной неудовлетворенности, «очищение» общества от недовольных, суровые запреты на любые отступления от чувства «глубокой удовлетворенности» и «социалистического оптимизма» крайне опасен. Он приводит к тому, что органы политического управления утрачивают обратные связи со всеми общественными субъектами, что фактически означает ликвидацию политики.

Но не менее опасна другая крайность — прорыв к власти, к механизмам управления обществом за счет циничной эксплуатации недовольства масс. На многих митингах, собраниях, диспутах можно встретить претендентов на политические роли, срывающих аплодисменты и обретающих популярность за счет лишь солидаризирования с недовольством присутствующих, а то и его подстегивания. Памятны, например, некоторые профсоюзные митинги, лидеры которых в унисон со всеми присутствующими, выражали свое недовольство правительством и кооператорами, высокими ценами и дефицитом, низкими зарплатами и инфляцией.

Почему я квалифицирую эти действия как политические АТ и не как правомерную поддержку законных требований трудящихся? Потому что те, кто их применяет, как правило, рассчитывают на сиюминутный и меркантильный результат. Они скорее всего знакомы с такими банальными истинами, как то, напри-

мер, что понизить цены и устранить дефицит невозможно одновременно. Но тем не менее они готовы скандировать с неподдельной злостью самые невыполнимые требования, самые абсурдные претензии в любой адрес, если это поможет им сегодня и сейчас взлететь на гребень политики.

Теперь об **адресатах недовольства**. В тоталитарных обществах иногда в профилактических целях позволяется легкая гримаса недовольства в сторону лиц, занимающих низкую ступень социальной иерархии. В обществах, недавно освободившихся от тоталитаризма, АТ характеризуются тем, что участники политики мелкого ранга с особой охотой солидаризируются с недовольством масс по поводу действий крупных политиков.

Конечно, в демократическом обществе не может быть «зон» и лиц вне критики. Но нужно учесть и то, что, когда демократия строится, «верхи» не только можно и нужно, но иногда и выгодно критиковать. А выгодно, во-первых, потому, что критика «верха» еще окружена в общественном сознании ореолом героизма, мученичества «за народ»; во-вторых, она служит способом опознавания друг друга и консолидации представителей средних эшелонов власти, недовольных скорее собственным положением в иерархии, чем пользой дела.

Исходным материалом АТ может быть не только эксплуатация естественного недовольства широких слоев **реальными** явлениями или **реальными** личностями. Политические уловки могут строиться и на ненависти масс к объектам **иллюзорным**. Пафос обличения, как правило, энергичнее пафоса конструктивизма, общая ненависть сплачивает зачастую людей сильнее, чем общее творчество, и, может быть, поэтому история политики изобилует случаями, когда посредственные политики и их команды завоевывали популярность, беря на себя роли главного обличителя фантомного врага.

Прискорбно, что и поныне выступления иных ораторов целиком строятся на обличении именно таких «врагов», но еще прискорбнее, что им удается найти живой отклик у некоторых слушателей, поддерживая в них высокий тонус недовольства и ненависти — непременного условия всякого политиканства.

ПОПУЛИЗМ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НАБОР «АТ»

Сегодня на всех уровнях политической жизни — от политклубов до Верховного Совета — время от времени возникают споры о сущности популизма. Одни уважаемые политики говорят, что популизм — это заигрывание с массами и, следовательно, это плохо. Другие, не менее уважаемые политики утверждают, что популизм — это близость к народу и, следовательно, это хорошо.

Вместе с тем понятие «популизм» имеет весьма четкие научные толкования, позволяющие дать этому феномену достаточно точную оценку. В данном случае автор разделяет позицию тех политологов, которые определяют популизм как податливость больших человеческих масс на простые объяснения сложных проблем, на примитивные громкие лозунги, а также как демагогические политические действия, в ходе которых стремятся использовать эту податливость.

Это самое общее определение популизма. В более детальном виде его можно представить именно как набор или, как сейчас стало модно говорить, «пакет» технологий.

Центральная из этих АТ, безусловно, базируется на той особенности политической ментальности широких масс, которую можно было бы назвать **презумпцией истинности простых решений**.

Тот, кто постоянно бывает на митингах, кто следит за дебатами наших парламентариев, уже обратил, конечно, внимание на то, как легко «срезать» оппонента, обвинив его в мудрствовании, усложнении, «философствовании» и как несложно вызвать одобрение площади или зала, апеллируя к простоте и понятности предлагаемых мер. Некоторые участники политической жизни весьма ловко и успешно используют этот прием, особенно против интеллектуально их превосходящих соперников, обращая против них их же достоинства — эрудицию, теоретическую подготовку, концептуальность и инновационность мышления.

Другую разновидность политических АТ этого же класса я назвал бы **презумпцией значимости малых, но конкретных дел**. Если обратиться к двадцатым годам, некоторая схожесть с которыми сегодня налицо, в стенограммах съездов и конференций можно встретить массу примеров успешного (конечно, не для общества, а лично для тех, кто их использовал) применения этой АТ. Сценарий был примерно таков: крупному политику или теоретику, выступившему, например, с докладом о принципах согласования в стране рыночного и планового начала, какой-либо руководитель-практик низшего звена от имени зала бросал упрек в абстрактности, оторванности его рассуждений от практики и конкретной жизни на местах. Далее следовало предложение, неизменно получавшее широкое одобрение присутствующих: давайте-ка мы дадим высокому товарищу прозаический уезд или предприятие, пусть он там достигнет хотя бы малых, но конкретных результатов, а потом занимается теориями развития всей страны. Тождественные ситуации, как помним, возникали недавно на съездах народных депутатов СССР. И безотказная

одобрительность части зала была та же, что семьдесят лет назад, и система аргументации.

Если первая из разновидностей популистских АТ базируется на низкой общей культуре части участников политического процесса, то вторая связана, как представляется, с тем, что в нем всегда была велика доля людей с конкретно-хозяйственным складом мышления. Закон о том, что в политике любая мелочь может приобрести решающее значение, они толкуют по-своему (и в этом, возможно, не только их вина, но и беда наших политических традиций): пытаются всю политику свести к тысячам конкретных «мелочей».

Еще одну популистскую АТ обозначу как **лесть «низам»**. Почему-то принято считать, что до лести охочи лишь одни «верхи», что лесть развращает лишь вождей. История политики свидетельствует, что и «низы» весьма и весьма падки к лести и столь же ею развращаемы, как и высокие чины.

Толпа, которую движут в ее политических действиях не знание и компетентность, не политическая культура и традиция, не высокое чувство ответственности, а слепые инстинкты, непродуманные стихийные порывы, спонтанные всплески эмоций, стадное взаимовозвинчивание, как раз и является податливым объектом и закономерным продуктом политической лести.

Рассматриваемая АТ зиждется на следующей, неоднократно звучавшей и продолжающей звучать с самых высоких трибун посылке. У простого народа, мол, существует как бы три относительно независимых друг от друга органа, средства познания окружающего мира. Это интеллект, эстетический вкус и политическое чутье. При этом даже если первые два в силу недостаточной образованности, несистематического обучения могут давать сбои, третий — выполняет свои функции всегда безотказно.

В двадцатых годах нещадно эксплуатировался тезис о том, что у народа может быть низкая общая культура, но политическая культура всегда высочайшая, и посему он в политике, в выборе своих вождей никогда не ошибается. С помощью этого тезиса убивались одновременно два «зайца». Первый как снятие самой проблемы систематического реального обучения граждан политике, науке государственного управления. Второй — сначала буквально как политическое, а потом физическое устранение оппонентов, поставивших под сомнение политические действия, освященные «политическим чутьем» простых людей.

Сегодня этот прием переживает очередную молодость. Весьма часто от политических работников можно услышать знакомую фразу: «Народу это не надо, а народ в политике — это мое глубокое убеждение, моя аксиома — ошибиться не может».

Эта откровенная лесть, причем нередко в устах человека, вспомнившего о «неошибающемся народе» лишь в последнюю пару лет, а двадцать лет до этого так же искренне считавшего, что не ошибается лишь начальство, формально близка к позиции многих выдающихся мыслителей от Линкольна до Вернадского. Последние также считали, что народ ошибаться в политике не может. Но они-то вкладывали в понятие «народ» не только феноменологическое, но и историческое значение. Народ, выявляющий самой жизнью своих поколений истинность и ложность, эффективность и бессмысленность тех или иных политических решений, режимов, действий, в **конечном счете** не ошибается. Но чем дольше в нем с помощью лести культивируют, поддерживают иллюзии собственной непогрешимости, основанной на «политическом чутье», тем большим количеством лет и поколений ему приходится расплачиваться за осознание совсем другой аксиомы — политике, как и любой другой науке, надо учиться!

«АТ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Язык, устный или письменный, является средством, носителем, испытанным оружием политика. Тот, кто в совершенстве владеет речью, а тем более знает ее тайны, имеет в политике колоссальное преимущество. За многовековое существование политика наработала эмпирическим путем немало как технологий, так и антитехнологий.

Самый простейший прием мы видим (а то и применяем) весьма часто, хотя суть его, возможно, не до конца улавливаем. Это «захлопывание» выступления неугодного залу оратора. (Здесь речь идет не о тривиальном захлопывании всего выступления — это не АТ, т. к. здесь нет приема, нет издевки над моралью, а есть, например, слепое возмущение или неприятие.) Имеется в виду **метод захлопывания концовок фраз**. Вот это уже прием сильный и нечестный, это АТ **нарушения синтаксических структур**. Каждая фраза есть, по мнению выдающегося лингвиста, культуролога Р. Барта, замкнутая цельная синтаксическая структура, которая сильна как политическое оружие именно своей цельностью. Барт в своей изящной работе «Война языков» утверждает, что владение полной фразой «уже недалеко отстоит от власти: быть сильным — значит **прежде всего договаривать до конца свои фразы**». И напротив — незаконченные фразы создают впечатление растерянности, неуверенности их автора.

Поэтому суть такой АТ не в том, чтобы не давать говорить оппоненту, а именно в том, чтобы одновременно давать и не давать. Как видим, этот прием настолько элементарен и эффективен, что его можно рекомендовать всем политикам, у кого есть две руки и нет совести.

Для более сложного приема из этой серии нет необходимости изобретать название, т. к. его модификации описаны еще в самом начале века нашим соотечественником П. Струве и названы им **«психологическим сыском»**. Здесь суть заключается в том, что подвергается анализу лексика политического оппонента и производится «сыск» взаимосвязей между употребляемыми им терминами и закрепленной в языке психологией «чужого» класса. Некогда ловкие безграмотные ораторы с легкостью «побеждали» своих оппонентов — выдающихся ученых-экономистов, философов, социологов, уличая их в том, что те разговаривают не на пролетарском, а на чужом, вражеском языке буржуазного класса, «гнилой» интеллигентской прослойки и соответственно работают на последних.

И с этим приемом ныне приходится сталкиваться достаточно часто. То читаешь внешне мягкий, но с характерным намеком читателю упрек в адрес известного ученого в том, что он использует лексикон госпожи Тэтчер. То услышишь где-нибудь на периферии с трибуны риторические вопрошания местного начальства: есть ли в лексиконе простых рабочих словечки «плюрализм», «общечеловеческие ценности», «толерантность», откуда «верхи» взяли эти термины?

Распространенной в политических дебатах является АТ **метафоры как средства подмены понятий**.

Немало «находок» такого рода дали некоторые выступления на съездах народных депутатов. Многим памятны, наверное, сравнения демократии с несовершеннолетней девушкой, к которой нельзя, пока она не повзрослеет, предъявлять чрезмерные требования, или сравнение политики с лодкой, которая поворачивает вправо, если сильно загребать левым веслом, и т. д. Раскрепощение, эстетизирование политического языка можно было бы только приветствовать, если бы оно вольно или невольно не становилось подручным средством политических АТ, способом подмены одного содержания другим. В приведенных примерах из полемики устранялся сам ее объект — политика, которая подчиняется в отличие от девы отнюдь не биологическим законам. И плывет политика по волнам истории отнюдь не по законам гидродинамики, а по своим собственным.

К вышеописанным АТ можно было бы, в частности, добавить прием, проанализированный еще английским теологом прошлого века Д. Ньюменом и его соотечественником Д. Морли, заключавшийся в искусном **разведении «водой трюизмов», противоположных понятий**, что дает возможность в одном выступлении угождать и «правым» и «левым».

Широкие возможности для АТ создает и терминологическая бедность политической речи. Канонизация последней, нарушение процесса ее непрерывного обогащения через науку, культуру дают возможность при необходимости описывать различные функциональные образования одними и теми же терминами («сильный центр», «сильные республики»), и с помощью этого производить желаемое манипулирование сознанием масс. Остается надеяться, что новое политическое мышление выразится и в создании новой политической речи, в верификации, проверке на совместимость с реалиями сегодняшнего дня многих архаичных конструкций и функций политического языка.

«АТ» ОШИБОЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

Говоря о своего рода политических уловках, чаще всего предполагающих некое лукавство, балансирование на грани нравственности, а то и прямое нарушение норм морали, надо заметить, что они могут быть и следствием искренних заблуждений, неверно выбранных стратегий.

Наша политология — еще очень молодая наука. Ранее политика строилась скорее на интуиции, вдохновении, чем на научных расчетах. Фундаментом такого рода вдохновений иногда выступали парадигмы (суммы взглядов, определяющих теоретическое мировоззрение), в известной степени утратившие свое значение. Многие АТ, в частности, стали следствием ходячего постулата о том, что власть не дают, а власть берут. Власть же не некая данность, которую можно передавать из рук в руки. Власть — это продукт деятельности, носящий индивидуальные черты своего производителя. Поэтому подлинную, свою власть нельзя у кого-то взять — Советам у партии и т. д.,— власть надо создавать. И для этого есть четкие, проверенные мировым опытом механизмы созидания власти.

Другие АТ исходят из формулы сущности политики как искусства возможного. Но политика, строго говоря, не только искусство, имеющее своим объектом единичное, индивидуальное, неповторимое, но и наука, опирающаяся на законы, закономерности, повторяемости. Она ищет не столько возможности, сколько оптимумы.

Хочется надеяться, что концептуализация и знание АТ позволят в нынешний период избежать многих опасностей и ошибок.

Портрет явления

МАРКСИСТСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ: ЧЕРЕЗ ДИКТАТУРУ — К ДЕМОКРАТИИ?

В МАРТЕ 1990 г. В МОСКВЕ СОСТОЯЛСЯ УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД МАРКСИСТСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ — ПАРТИИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА (МРП — ПДП). НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ «ДИАЛОГА» ОТВЕЧАЕТ ЧЛЕН ЕЕ СОВЕТА Ю. Ю. ЛЕОНОВ

— Юрий Юрьевич, любая политическая организация, заявляя о своем возникновении, так или иначе стремится объяснить причины, побудившие к ее созданию. Какими мотивами руководствовались те, кто подготовил и провел учредительный съезд?

— Идея создания марксистской политической организации рабочего класса, что называется, витала в воздухе с 70-х годов. Уже тогда возникали и существовали самодеятельные марксистские группы. Но не было возможности объединиться. Сейчас условия для объединения и оформления в самостоятельную политическую партию есть.

— Такие условия есть уже как минимум года два, и возник даже целый ряд партий и движений, претендующих на политическое представительство интересов рабочего класса, причем часто — много раньше вас. Но главная проблема: как партия рабочего класса, всех трудящихся рассматривает себя и КПСС. Иными словами, сегодня несколько партий претендуют на одну роль...

— В политике это явление нередкое. Но в данном случае нужно, на наш взгляд, руководствоваться не тем, что партия сама о себе говорит, сколько тем, чьи интересы она на самом деле выражает. КПСС — правящая партия, называющая себя народной и не претендующая уже на роль выразителя интересов рабочего класса. Однако, хотя классовая позиция партии «утоплена» в народных лозунгах, сегодняшняя ее экономическая и социальная политика не отвечает интересам значительной части народа.

— К какому же типу организаций относите вы сегодняшнюю КПСС?

— Мы не считаем ее коммунистической партией. Хотя она и пользуется коммунистической идеологией и фразеологией, КПСС сегодня активно смещается в сторону социал-демократизации. Думаю, в будущем она не сойдет с политической арены, как пророчат некоторые политические предсказатели, а превратится в мощное течение мировой социал-демократии, освободив тем самым занятую ею сегодня политическую нишу для политических сил и организаций, которые продолжат коммунистическую традицию в нашей стране.

— Упреки по адресу КПСС в социал-демократизме звучат нередко после того, как компартия взяла на вооружение лозунг гуманного, демократического социализма, сама идея которого возникла в лоне социалистической и социал-демократической мысли и долгое время отрицалась коммунистами...

— Для нас не может быть негуманного и недемократического социализма. Ес-

ли большинство людей отстранено от управления обществом, то это — что угодно, только не социализм! КПСС сегодня движется от несоциализма бюрократического к несоциализму демократическому. Это, безусловно, шаг вперед, но массе трудящихся власти он не дает. К тому же КПСС занимает сразу два политических «стула», препятствуя тем самым социал-демократическому и коммунистическому движению в стране.

В итоге же у нас может получиться, как в странах Восточной Европы: компартии там преобразовались в соцпартии, в социал-демократов, а коммунистических организаций нет.

— МРП относит себя к числу организаций коммунистического движения?

— Да, безусловно. Но, поскольку у нас в обществе силен бытовой антикоммунизм, понятия «коммунист», «коммунистический» во многом дискредитированы. Мы рассматриваем как синонимы термины «марксистский» и «коммунистический» и говорим о себе как о марксистской партии.

— А диктатура пролетариата? После кровавых уроков сталинского террора наше общество вряд ли захочет возврата к формуле политического устройства, с именем которой связаны эти злодеяния.

— Прежде всего начнем с того, что диктатуры пролетариата в марксистском понимании в нашем обществе никогда не было. У нас была диктатура бюрократии или аппарата, но не пролетариата. Ведь диктатура пролетариата — это власть большинства народа, а у нас оно-то было всегда от власти отстранено...

— Но власть — одно, а диктатура...

— Всякая власть, по Марксу,— это диктатура того или иного класса: одна часть общества диктует остальным свою волю. Если это меньшинство, то это будет диктатура меньшинства. А ее политическим устройством часто выступает парламентская демократия. Именно поэтому мы против перенесения механизмов парламентаризма в наше политическое устройство. Но если волю обществу диктует большинство, то наилучшей формой политического устройства будет здесь являться диктатура пролетариата. И сама диктатура, и ее методы для нас не самоцель. Она лишь призвана помочь рабочему классу уничтожить старое разделение труда, организовать экономику на основе полного самоуправления и тем самым устранить основу всех классовых противоречий. А тогда и нужда в диктатуре сама по себе отпадет.

— Но сегодня мы хорошо представляем себе, что предсказанное марксизмом стирание классовых различий — дело достаточно длительное. И сохранение на протяжении столь длительного исторического периода отношений диктатуры, пусть даже большинства, перспектива, видимо, небезопасная. Да и негативное отношение в обществе к самой возможности диктатуры есть. Как вы относитесь к этой тенденции?

— Мы с ней считаемся. На съезде, который состоится в сентябре 1990 г., мы собираемся исключить из названия партии вторую часть — «партия диктатуры пролетариата». А в программных документах будем использовать понятие «пролетарская демократия». В марксизме оно и диктатура пролетариата — синонимы.

— В № 28 «Московских новостей» за 1990 г. об МРП сказано, будто она испытывает на себе влияние IV, троцкистского, Интернационала. До какой степени это справедливо?

— Думаю, причина нашего причисления к организациям подобного толка — международные контакты и связи МРП: ведь среди наших партнеров в Западной Европе и Латинской Америке есть и партии, входящие в этот Интернационал.

— Юрий Юрьевич, за какие социальные перемены выступает ваша партия?

— В области экономики мы выступаем за переход от найма рабочих к найму управленцев, за распределение по труду. Мы уверены: выйти из кризиса можно без «затягивания поясов». Но для этого нужно отказаться и от директивно-бюрократического планирования, и от идеи «свободного» рынка, введение которого ведет к обнищанию трудящихся, и прежде всего рабочего класса, ухудшает положение малоимущих и социально не защищенных слоев — низкооплачиваемых категорий населения, пенсионеров, инвалидов, многодетных семей... И для Маркса, и для Ленина рынок без капитализма — абсурд. Поэтому для марксистской теории словосочетание «социалистический рынок» — примерно такая же нелепица, как круглый квадрат. Рост преступности и цен, безработица и расслоение общества на богатых и бедных — со всеми этими явлениями мы уже сталкиваемся в полной мере, а ведь переход к рынку еще только начинается!

— Но, не принимая рынок, МРП должна выдвигать какую-то альтернативу, открывающую для страны выход из кризиса...

— Мы не призываем вернуться к «старым, добрым временам». Для нас сама дилемма — рынок или командно-административная система — ложна: против рынка мы потому, что выход из кризиса, по

нашему убеждению, должен быть найден не за счет рабочих; против командно-административной системы, поскольку нужно отобрать власть у бюрократии и отдать ее трудящимся. Мы — сторонники альтернативной линии общественного развития, основанной на развитии самоуправления на производстве и в обществе. Для нас социализм — свободное самоуправляющееся бесклассовое общество.

Для миллионов промышленных и сельскохозяйственных рабочих перестройка стала продолжением самой отвратительной диктатуры бюрократии. Поэтому мы ставим перед собой цель — расширить узкие рамки советской демократии, через рабочее самоуправление, через возрождение советской власти включить в процесс демократии всех тех, от чьего имени выступали и продолжают выступать старые и новые «слуги народа».

— Сам по себе этот тезис в марксизме сформулирован достаточно давно. Но в полном объеме эта формула социализма для нас еще не реальность, а перспектива, причем достаточно неблизкая. А вопрос о конкретных механизмах реализации этого теоретического положения в социальной практике у вас не проработан. К примеру, самоуправляющиеся трудовые коллективы, как они будут связаны между собой в единый самоуправляющийся народнохозяйственный комплекс? Ведь тут пока, кроме рынка и централизованного государственного управления, других механизмов нет. Или с помощью каких механизмов будет осуществляться самоуправление?

— Для нас ответ очевиден: с помощью Советов. Но не тех Советов, которые были у нас до сих пор. Со сталинской Конституции 1936 г., которая, на наш взгляд, закрыла последние возможности самоуправления трудящихся в нашей стране, Советы превратились у нас в неработающие парламенты. Сейчас их хотят сделать работающими, но парламентами, утверждая порой, что самоуправление трудящихся в марксизме — это нечто второстепенное. Позволим не согласиться, это главное. Поэтому мы выступаем за возрождение системы Советов как органов демократии для трудящихся, открывающих возможность для непосредственного участия большинства их в управлении обществом.

— Юрий Юрьевич, какое место занимает МРП в расстановке политических сил в стране?

— Прежде всего мы не согласны с тем пониманием правизны и левизны, которое у нас вошло в обиход. Оно полностью противоречит принятому в мире. У нас борьба сегодня идет между правыми радикалами (их называют в СССР левыми — Афанасьев, Попов, меньше — Ельцин) и правыми консерваторами (ОФТ, «Единство», часть сторонников аппарата). Есть и центр — это те, кого не устраивает административно-командная система, но кто опасается перехода к рынку. А вот левое движение, к которому мы относим и себя, у нас только формируется.

— Ваше отношение к КПСС? Ведь с ней ситуация сложнее — многие идеологические подходы у вас с ней перекликаются или по формулировкам совпадают.

— Именно по этой причине мы рассматриваем КПСС как своего идеологического соперника. Но к сотрудничеству с ней тоже готовы.

— Отношение МРП к политическому экстремизму?

— Мы не экстремисты и относимся к нему отрицательно. МРП за то, чтобы борьба партий разрешалась только с помощью свободного волеизъявления народа. Вообще же стремление к экстремизму, к насилию — это, на наш взгляд, от слабости, неуверенности в своих силах, влиянии, социальной базе.

— А кого вы рассматриваете в качестве своей социальной базы?

— Прежде всего рабочих. Среди наших сторонников 80 процентов — рабочие. Но мы открыты и для интеллигенции, других социальных слоев...

— А крестьянство?

— Крестьянин — тот же рабочий, только с той разницей, что занят в сельскохозяйственном производстве...

— Вряд ли с этим можно согласиться. По крайней мере в марксизме достаточно четко разработаны классовые характеристики крестьянства и очень сложно и неоднозначно — вопрос об отношениях с ним. Но так или иначе ваша партия все же руководствуется корпоративными принципами?

— Сегодня в обществе несколько корпораций. Мы ориентируемся на ту, в которой представлено огромное большинство народа, пролетарии в широком смысле слова.

— Последний вопрос: какова численность МРП?

— Сегодня можно об этом говорить только приблизительно, точные цифры мы будем знать после сентябрьского съезда. Пока же ясно, что хотя в нашу партию входит около 100 организаций из 8 республик, ее можно отнести к небольшим. Но мы растем и будем расти в серьезное политическое движение.

Беседу провел В. ВЬЮНИЦКИЙ

FORSKEN AF KRIGENS FØLGER

Philosophisch-soziologische Bücherei
Band XXI

Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie

Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens

Von
Robert Michels
Professor in Turin

Leipzig 1911
Verlag von Dr. Werner Klinkhardt

44 ANAGOT

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ Р. МИХЕЛЬСА «СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ»

(Лейпциг, 1911)

Социальные изменения, которые вызывает организация пролетарских элементов или которые претерпевает движение в целом от порождаемых организацией новых элементов, можно подвести под общеупотребительное собирательное название — обуржуазивание рабочих партий. Оно сводится к трем принципиально различным совокупностям явлений.

Во-первых, это привлечение партией мелкобуржуазных элементов и обусловленные этим побочные явления и следствия, связанные с проблемой электората. Рабочая партия становится «народной». Она уже более не обращается к «братьям в рабочей блузе», но ко «всем трудящимся» или ко всем «труженикам», что включает в себя все классы и профессиональные сословия за исключением неработающих пенсионеров. <...>

Вероятно (хотя для этого у нас нет возможности привести статистические данные), в каких-то частях южной Германии существуют социал-демократические избирательные округа, более того, проводятся съезды социал-демократов, на которых социал-демократическая мелкая буржуазия, если и не преобладает количественно, то, во всяком случае, столь многочисленна и влиятельна, что является в своей сфере господствующей. Можно также согласиться с тем, что эти элементы при определенных условиях могут поставить под угрозу пролетарскую сущность партии, поскольку с ними считаются. Ведь даже такой марксист, как К. Каутский, полагает, что соответствующее отношение социал-демократии к потребительским рабочим союзам в значительной мере должно зависеть от отношения социал-демократии к мелкой посреднической торговле, с тем чтобы «политические мотивы» всегда препятствовали бы созданию потребительских рабочих союзов там, где, как это часто бывает, мелкая посредническая торговля представляет собой базу для рекрутирования сторонников социал-демократии.

Там, где среди членов социал-демократической партии было возможно провести анализ профессионального и классового состава, складывается, правда, в целом такой результат, что буржуазные и мелкобуржуазные элементы составляют в нем, хотя и значительную, но все же не определяющую часть. Официальная статистика итальянской социал-демократии дает следующую картину: промышленные рабочие — 42,27%, сельскохозяйственные рабочие — 14,99%, крестьяне — 6,1%; ремесленники — 14,92%; служащие — 3,3%; различного рода собственники, рантье и т. д. — 4,89%; студенты и специалисты с высшим образованием — 3,8%. Что касается германских социал-демократических организаций, то я мог бы, в частности, привести по всем из них гораздо более высокое процентное соотношение рабочих. Кроме

того, германская социал-демократия является по своему характеру преимущественно пролетарской (хотя и не по своему электорату, как это убедительно показал Р. Бланк, а по членству в партии, насколько нам удалось исследовать ее социальное происхождение). Именно эта ее относительная социальная однородность усиливает позиции социал-демократии перед лицом избирателей и придает ей отсутствующую у других партий сплоченность. Этого всегда не хватало другим партиям Германии, особенно левым. Германский либерализм, по меньшей мере с момента создания единого рейха, всегда являлся пестрой классовой смесью, объединяемый не столько общими экономическими потребностями, сколько сходными идеологиями <...>.

Только слепец будет это оспаривать: источником творчества германской социал-демократии, источником далеко не исчерпанным, является германский пролетариат, германские наемные работники.

И если анархисты социалистического направления и буржуазные радикалы часто говорили об «обуржуазивании» рабочих партий, делая далеко идущие выводы из вступления ряда мастеров-ремесленников и мелких коммерсантов в социал-демократию, то это утверждение представляет собой преувеличение. Обуржуазивание партий действительно происходит, но обусловлено оно совершенно иными причинами, нежели вступлением сотни представителей так называемых средних классов в партийные организации борющегося пролетариата.

Классовая борьба <...> вызывает в партии, предназначенной для руководства ею, социальные изменения и метаморфозы. Она поднимает из низов класса пролетариев определенные, численно ничтожно малые, но по своему влиянию значительные слои и способствует его переходу к буржуазии.

Там, где большие группы отколовшейся буржуазии сами переходят в рабочую партию, как, например, в Италии, свободные места в рабочих организациях, как правило, занимаются, однако, интеллектуальными элементами. Иначе дело обстоит в тех случаях, когда сильное пополнение идет из самой рабочей среды, как в Англии и особенно в Германии. Здесь социал-демократия находится почти полностью в руках рабочих. Продвижение по иерархической лестнице становится целью пролетарского честолюбия <...>.

Партийные и профсоюзные лидеры представляют собой побочный продукт крупной промышленности. В свое время, с наступлением капиталистической эры совсем немногим среди самых способных и честолюбивых рабочих в результате настойчивого прилежания, хитроумного использования имеющихся возможностей и с помощью известной доли везения удалось пробиться в предприниматели. Сегодня, в условиях слияния предприятий и собственности, а также удорожания наипростейших средств производства в промышленности подобное превращение возможно, пожалуй, только в отдельных регионах Северной Америки, чем, в свою очередь, объясняется незначительное развитие там социализма <...>.

Нет ничего естественнее, что наиболее целеустремленные из рабочих мечтают о восстановлении своих утраченных райских надежд. Среди рабочих находится немало таких, кто испытывает сегодня досадное чувство, что в них таятся задатки и силы, которые не могут найти применения в их часто безрадостной и требующей только механических усилий профессиональной деятельности. Эти элементы ищут и находят заменитель тех возможностей, которые у них когда-то были в современном рабочем движении, которое дает им новую сферу промысла, а также новую и более содержательную жизнь и растущие вместе с ростом организаций возможности, шансы подняться вверх по социальной лестнице. Обладая престижными местами, которые являются почти всегда в то же время и хлебными, социал-демократическая партия, несомненно, играет для своих молодых целеустремленных членов из рабочего сословия роль мощного стимула, начиная с первого дня их знакомства с партией. Политически активные элементы, а также все представители рабочего сословия, имеющие писательский и ораторский талант, не могут устоять перед магнетической притягательной силой партии, в лоне которой они находят столь обильную почву для приложения и развития своих способностей. Поэтому было бы нелогично не признать, по меткому замечанию Г. Ферреро, который, как известно, горячо поддерживал устремления германской рабочей партии, что при определенном наличии способностей и, естественно, удачном сочетании возможностей принадлежность к социал-демократии потомственному пролетарию может казаться желанной и выгодной не только по идейным, идеальным и классово-эгоистическим мотивам, но и по мотивам сознательного эгоистического расчета. В самом деле, для способного рабочего нет более краткого пути надежно «улучшить» свое положение, чем перейти на службу социал-демократии.

Столь образцово организованная гигантская партия, каковой, несомненно, является социал-демократия, как и другая ветвь современного рабочего движения — профсоюзы, испытывает отвечающую этому гигантизму потребность в людях, находящих свое исключительное призвание в обслуживании этого монстра: редакторах газет, партийных секретарях, бухгалтерах, книжных торговцах и

других чиновниках. Для заполнения всех этих должностей германское рабочее движение <...> располагает весьма ограниченным числом перебежчиков из буржуазии. Этим можно объяснить, что подавляющее большинство созданных и оплачиваемых партией должностей занято выходцами из трудящихся классов, завоевавших к себе доверие членов партии за счет стремления к образованию и предприимчивости.

Таким образом, пролетарская элита в процессе своеобразного естественного отбора на основе социал-демократического партийного механизма приходит к довольно радикальному изменению своей общественной функции. Элементы этой элиты <...> превращаются из лиц физического труда в лиц умственного труда. Эта трансформация связана для тех, кто охвачен ею, с важнейшими преимуществами, не говоря уже о в общем и целом все же несомненных привилегиях, вытекающих из умственного труда <...> Вряд ли такой образ жизни можно считать наилучшим в божьем мире. Напротив, мы повторим то, что уже высказали в другом месте: за хлеб насущный, который партия дает своим чиновникам (а чрезмерно обильным он является только в крайне редких случаях), им приходится выполнить невероятно большую работу, которая сверх меры поглощает их силы.

Но бывший рабочий с лихвой это «компенсирует». Получая твердый оклад чиновника, он меньше беспокоится об обеспечении условий своей жизни и чувствует себя внутренне более уверенно. Если он попадает в тюрьму, то о нем и его ближних заботится партия, и чем большим преследованиям он подвергается, тем больше, естественно, становятся его шансы на ускоренное продвижение в социал-демократическом штабе чиновников со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Здесь можно было бы сделать небольшое отступление и поставить интересный вопрос о том, каково количественное соотношение в социал-демократии чиновничества и членов партии? На сколько членов партии приходится один чиновник? <...> Как в профсоюзах, так и в партиях число оплачиваемых вождей стремительно растет. Первыми освобожденными и оплачиваемыми вождями в европейском рабочем движении были чиновники, которых в 1840 году назначил профсоюз английских металлистов. Сегодня в английских профсоюзах находятся свыше тысячи служащих. В Германии число профсоюзных чиновников в 1898 году составило 104, в 1904 году — 677, из которых только 100 приходилось на металлистов и 70 — на каменщиков. Эта тенденция, кроме роста численности членов, особенно усиливается в результате развития системы вспомогательных учреждений.

Почти на каждой конференции центральных союзов обсуждаются вопросы и принимаются решения, связанные с зачислением в штат новых чиновников, потребность в которых возникает в связи с дифференциацией функций профсоюзов. Та же тенденция, особенно в последние годы, обнаруживается в германской социал-демократии. Из отчета партии 1909 года видно, что штатные секретари были во всех округах, за исключением некоторых небольших, где велась агитация. Число секретарей округов составило 43, число районных секретарей возросло в течение года с 41 до 62.

С переходом рабочего-социалиста от «физического труда» к «умственному» связан и другой процесс, преображающий всю его сущность. Рабочий постепенно перестает быть пролетарием и становится мелким буржуа. Вначале только профессионально, о чем мы уже говорили, а затем и экономически. Фиксированные оклады, какими бы скромными они ни были, означают весьма ощутимую для рабочего прибавку по сравнению со средней заработной платой, которую он получал до вступления в разряд чиновников рабочего движения. Эти доходы рассчитаны на умеренное существование, свойственное мелкой буржуазии. Карьера партийного или профсоюзного чиновника, конечно, не превращает бывшего рабочего в капиталиста, но заметно выводит его за пределы своего первоначального класса. Отсюда точный с точки зрения социальной науки термин «повышенный» уровень существования рабочих» <...>. Рабочий с «повышенным уровнем жизни» не всегда будет иметь моральные силы для того, чтобы противостоять соблазнам новой среды, а его социально-политическое образование окажется недостаточным, чтобы во всех случаях избежать влияния изменившегося жизненного положения. Не кто иной, как А. Бебель неоднократно обращал внимание на опасность классовой чистоты и идейного единообразия, которым подвергнуты социал-демократические вожди. Пролетарские партийные чиновники — это «люди, которые видят завершение своего жизненного пути уже теперь».

Это обстоятельство имеет при ближайшем рассмотрении явный социальный аналог, которому, по нашему мнению, до сих пор не уделялось заслуживающего внимания. Рабочее движение имеет для нынешних рабочих примерно такое же значение, что католическая церковь для определенных слоев мелкой буржуазии и крестьянства. И то, и другое служит наиболее просвещенным слоям класса средством для социального продвижения. В церкви крестьянскому сыну удается подняться по социальной лестнице, эквивалент которой во всех остальных

профессиях, требующих обучения и образования, остается привилегией феодальных или по меньшей мере богатых аристократических сословий. Детей крестьян мы не встретим ни среди командиров армейских корпусов, ни среди президентов правительства, но их значительное число можно обнаружить среди священников. Сыном крестьянина является даже теперешний папа. Подобно тому, как церковь обеспечивает легкий подъем по социальной лестнице крестьянину и мелкому буржуа, так и социал-демократия делает это в отношении просвещенных рабочих.

Партия в качестве социально-преобразующей силы обнаруживает черты сходства с организацией прусской армии, с которой ее можно сравнить по очень многим признакам. И сын буржуа, вступающий на постоянную службу в армию, отчуждается от своего класса. Утрачивая типичные черты буржуа, он перенимает манеры и образ мышления своей феодальной среды. Однако буржуазная офицерская среда обнаруживает при этом лишь тенденцию к дворянской благовоспитанности, свойственную всему немецкому бюргерству, с тем лишь различием, что этот процесс протекает для нее в ускоренном темпе и с осознанной последовательностью. Дети очень многих буржуазных семейств ежегодно посвящают себя военной профессии не в последнюю очередь потому, что ожидают от нее повышения своего общественного статуса и социального престижа. В социал-демократии к подобным результатам нередко приводят и совершенно иные причины. Социальные трансформации в ней часто происходят просто под силовым давлением, совершенно независимо от стремления тех, кто подвергается этим социальным трансформациям. Но при всем различии существующих причин следствия обоих процессов проявляются в одном направлении.

Итак, можно говорить о том, что социал-демократия служит для определенных слоев наемных рабочих — немецкий язык позволяет это выразить уродливым, но ясным по значению словосочетанием — машиной классового возвышения, причем по мере расширения и роста ее бюрократического организма. На ее долю выпала недобровольная задача отчуждения части рабочих и к тому же во многом наиболее способной, умной части от пролетариата, ее депролетаризации и включения в мелкую буржуазию, а иногда даже и в среднюю. Само материалистическое понимание истории нас учит, что за социальным и экономическим отчуждением по пятам следует идеологическое. Однако в течение всей своей жизни иной рабочий, добившийся «повышенного» уровня существования, остается «социалистом». И в этом случае бывший рабочий является таким же «идеологом», что и перебежчик от буржуазии, его психология и поведение не соответствуют занимаемому им положению. У других же, напротив, процесс обуржуазивания идет со скоростью ветра. И он протекает тем медленнее, чем глубже социалистическая догма проникла в душу отдельного индивида. Нередко процесс социального перерождения по причине унаследованного постоянства социалистических убеждений — вопреки повышенному уровню жизни дети и внуки продолжают бороться в составе рабочей партии — может быть даже нейтрализован. Но логика и факты повседневной жизни убеждают в исключительности этих случаев. Если даже депролетаризированный социалист все еще остается честным сторонником эмансипации рабочих и с честью доживает до седых волос в качестве редактора социал-демократического издания или депутата, то его дети (причем все только женского пола) остаются в рамках класса, в котором они оказались в результате возвышения отца. И не только в материальном, но и в духовном отношении они скоро становятся неотличимыми от членов их нового класса <...>.

И в истории рабочего движения обнаруживается аналогичная ирония, которая наблюдалась в истории сопротивления буржуазии против него. Буржуазии не удалось воспрепятствовать тому, что многие из наиболее просвещенных, способных и предприимчивых элементов откололись от нее, и, встав во главе ее непримиримых экономических противников, более того — даже возбуждая и организуя это сопротивление, вступили с ней в борьбу. Но и пролетариат постигла та же самая участь: в жестоком сражении, начатом им за экспроприацию экспроприаторов, он возвышает над самим собой (именно для того, чтобы быть готовым к этому сражению) из низов своего класса самые светлые и проницательные умы, вручает им, не жалея больших коллективных усилий, вместо молота и наковальни перо и бросает предназначенных исключительно для борьбы против привилегированного класса, а если не их самих, то их потомство в объятия своего самого крупного противника <...>. Захватывающая воображение политическая борьба между классами капитала и труда заканчивается, как это ни парадоксально, примерно тем, что и определяемая спросом и предложением, рискованными сделками, личными качествами и т. п. перипетиями конкурентная борьба: **социальным обменом между классами** <...>.

Содействие в предпринимательской деятельности в качестве источника, порождающего новые мелкобуржуазные слои

Обуржуазивание определенных слоев рабочей партии происходит не только с

помощью аппарата социал-демократической партии, профессиональных и потребительских союзов <...>. В данном случае мы имеем в виду лиц пролетарского происхождения <...>, которые из-за их преданности партии или профсоюзу, из-за их подчеркнуто социалистического и «бунтовщического» характера оказываются на улице в качестве жертв репрессий предпринимателей, остаются без средств для существования, и нигде после этого, не находя пристанища, устраиваются «самостоятельно», т. е. бросают свою старую рабочую профессию и открывают мелкие лавочки по продаже овощей, писчих принадлежностей, экзотических товаров, табачных изделий или лавочки по продаже всевозможных мелочей, живут уличной торговлей, становятся владельцами гостиниц и питейных заведений. В большинстве случаев они получают поддержку своих бывших товарищей по классу, проявляющих завидную солидарность, считающих своим долгом не оставлять в беде своих неудачливых боевых соратников и удерживающих их поэтому на плаву, составляя их клиентуру. При этом многим из этих новоиспеченных мелких буржуа формально удается присоединиться к средним классам общества и слиться с ними. Таким образом, самое содействие в предпринимательской деятельности приводит к появлению новых слоев мелкой буржуазии.

Кроме этих жертв освободительной борьбы, некоторые рабочие поворачиваются спиной к своему классу без всякой нужды, по мотивам, вызванным спекулятивным стремлением к изменению и улучшению своего положения. В конечном счете появляется целая армия бывших пролетариев, являющихся теперь уже мелкими буржуа, которая, не делая никаких различий, заявляет претензии на своих партийных клиентов на местах как на принадлежащих им по божественному праву, прямо-таки навязывая им обязанность содержать себя, и которая, несмотря на свое усердие и добрую волю, представляет собой не что иное, как слой социальных паразитов, вынужденный ввиду незначительности капитала сбывать залежалый и в то же время дорогой товар <...> местным наемным рабочим.

Более значительную роль, чем так называемые партийные лавочники, играли состоящие в партии владельцы пивных. В период действия чрезвычайного закона о социалистах их политическая миссия была бесспорной. Во многих местечках партийные содержатели ресторанчиков и пивных до сих пор выполняют во многом еще более важные функции: их заведения являются партийными центрами, местами сбора, часто единственным местом, где свободно можно получить партийную или профсоюзную газету и при существующей враждебности или настороженности остальных посетителей предоставляют нередко единственную возможность для проведения в этом местечке рабочих собраний, более того; подчас прямо-таки незаменимым инструментом политической борьбы в местных условиях. В крупных населенных пунктах их помещения, не отвечающие в большинстве случаев гигиеническим требованиям, становятся для партии прямо обузой. Кроме того, неприглядная борьба за существование принуждает эти мелкобуржуазные элементы оказывать нескрываемое давление на партию. Поскольку их влияние в партии немалозначительно, с этим давлением приходится считаться. В большинстве случаев на интересах пролетариата оно сказывается отрицательно. Длительное время партийные владельцы питейных заведений с ожесточенным упорством выступали против создания домов профсоюзов, которые они соответственно своему классовому положению и, несмотря на все общие симпатии, вынуждены были считать опасными конкурентами на рынке, связанном с потреблением пива. И «стремление приучить рабочих к посещению новых больших пивных залов и не ходить во вредные для здоровья пивные трущобы мелких торговцев» вызвало, разумеется, «невероятное с их стороны сопротивление». Часто, но не всегда напрасное. На сегодня автору этих строк известны отдельные немецкие городки с населением около 20—30 тысяч, в которых только наличие одной так называемой партийной пивной помешало местным организованным рабочим не только в осуществлении каких-то собственных строительных планов, но и даже в обеспечении другим, более подходящим по размеру для проведения собраний помещением. Но существование партийного предпринимательства в лице хозяев мелких гостиниц и небольших пивных надо рассматривать в целом как нездоровое явление и по другим причинам. Оно ставит еще более мощную преграду мощно поднявшемуся особенно в последние годы антиалкогольному движению рабочих <...>.

Таким образом, обрисованная здесь мелкая буржуазия, вышедшая из пролетариата, препятствует в гораздо большей степени, чем это может показаться, продвижению вперед рабочих батальонов, несмотря на то, что условия ее жизни, как правило, вовсе не лучше, чем тех слоев, из которых она вышла, не говоря уж о мелкобуржуазной духовной атмосфере, которую она в особо заметной степени вносит в партию в результате изменения своей роли в экономическом положении.

Перевод с немецкого
Ю. ФИЛИППОВА

Комментарий

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

Итак, еще одна глава из книги Р. Михельса, еще один аспект жизни политической партии... Сохранили ли какое-нибудь значение для нас те мысли и выводы, которыми делится автор? На первый взгляд, явно нет. Какой, казалось бы, смысл имеет вспоминать сегодня о классовом перерождении организованного движения рабочего класса, вытекающем из самого факта его организации?! Однако, поскольку Р. Михельс рассматривает многие универсальные, не зависящие от эпохи и исторической ситуации черты построения и деятельности политических партий, некоторые из его выводов и заключений применимы при анализе проблем и событий настоящего времени.

Возьмем, к примеру, размышления Михельса об основной причине психологического и социального перерождения тех выходцев из пролетариата, которые выдвигаются для профессиональной работы в его классовых организациях, отрыва их от интересов классов — переход от зарабатывания к получению фиксированной зарплаты выше среднего уровня. Разве эта проблема не актуальна сегодня? Дискуссия вокруг привилегий, размеров заработной платы партаппарата свидетельствует об обратном. Предлагаются разные способы преодоления этого отрыва. Но, видимо, заслуживает внимания и тот вывод, который делает Михельс: этот отрыв в принципе неустраним, поскольку вне зависимости от размера заработной платы меняется образ жизни таких выдвиженцев, а это главная и основная причина их психологической метаморфозы.

Вместе с тем нельзя не признать и справедливость некоторых уравнительных, по сути, популистских предложений о том, как можно приблизить образ жизни тех, кто управляет, к народу. А значит, размер вознаграждения должен обеспечивать такой уровень доходов, при котором исключалась бы нынешняя «спецжизнь» управленческого аппарата: спецснабжение, спецмедицинское и бытовое обслуживание, спецпитание...

Обычно все эти упреки бросают партийному аппарату. Но, как показывает наша жизнь, справедлива мысль Михельса о том, что стремление к улучшению образа жизни, к отрыву от жизни народа — это психологическая установка не только аппарата рабочих партий, а всех форм социального выдвиженчества. Об этом не стоило бы забывать, поскольку с подобными же проявлениями мы начинаем сталкиваться и у актива новых общественных движений, и среди народных избранников, многие из которых — такова горькая ирония жизни! — пришли к победе под знаменами борьбы с привилегиями. Видимо, пора обратить внимание и на эту проблему, начать регулировать уровень доходов и образ жизни народных депутатов, чтобы не породить еще одну оторванную от жизни общества, создавшую себе «спецжизнь» элиту.

А вот еще одна проблема, существенные уточнения в понимание которой вносят размышления Михельса,— парламентская партия. Как один из аргументов в ее пользу сторонники этой идеи выдвигают сегодня тезис о том, что это будет безаппаратная партия, в которой не будет аппарата в его теперешнем смысле — только наемные технические работники. Но Михельс, как известно, изучал и анализировал опыт парламентской партии, а сколько верных выводов о бюрократической природе аппарата, его перерождении, авторитаризме сделано из него! И, пожалуй, нельзя не признать, что нет принципиальных различий в этом смысле между моделями партии — парламентской и авангардной. И там, и там сама организация с необходимостью вызывает к жизни аппарат, и там, и там аппарат становится самодовлеющей силой, возвышающейся над партийными и народными массами и отличающейся от них образом жизни и психологией.

Более того, оценки Михельса во многом приложимы и к активу нынешних общественно-политических движений. Часть из них уже преобразовалась в партии, часть в перспективе станет ими. И актив их начнет уже приобретать многие те негативные черты, за которые сам критикует аппарат КПСС или государственных органов. Видимо, участникам этих новорожденных партий и движений пора обращать внимание на это, иначе они рискуют рано или поздно столкнуться с той же проблемой, которую пытаются преодолеть сегодня. И создадут ее для общества.

Основной вывод Михельса можно сформулировать так: против перерождения аппарата нет раз и навсегда годного механизма. Да, это так. Но средство против этого все же есть — это постоянный демократический контроль, наличие в обществе демократических сил, гласность и давление общественного мнения.

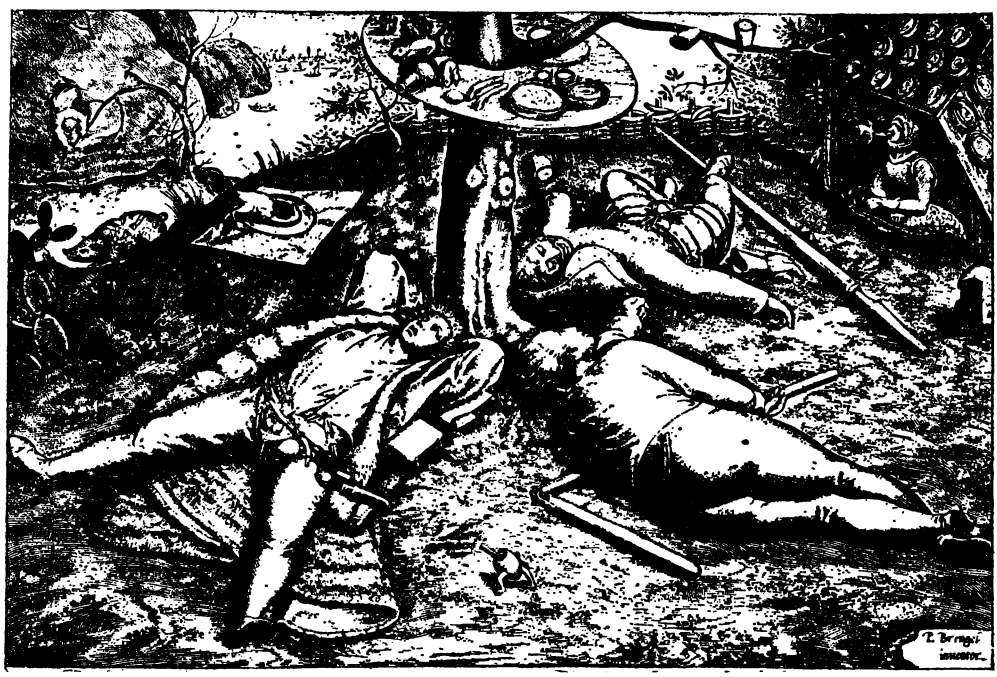
Вл. ВОСТОКОВ

Мониторинг общественного мнения

ОТЧУЖДЕНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Владимир БОЙКОВ,
Жан ТОЩЕНКО



С ГРАВЮРЫ П. БРЕЙГЕЛЯ

НАДО ЛИ СЕГОДНЯ УБЕЖДАТЬ ЛЮДЕЙ В НЕОБХОДИМОСТИ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ? ВОПРОС, ПОНЯТНО, РИТОРИЧЕСКИЙ. ОДНАКО ДАЖЕ ПОЛУЧИВШИЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ИДЕИ И ПРИНЯТЫЕ РЕШЕНИЯ С ТРУДОМ ПРОБИВАЮТ ДОРОГУ В ЖИЗНЬ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВОДИМЫЕ ВОТ УЖЕ ПЯТЬ ЛЕТ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ, ЧТО ВСЕРЬЕЗ ПОВЕРНУТЬ ПРОИЗВОДСТВО К ЧЕЛОВЕКУ ПОКА НЕ УДАЛОСЬ. СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ РАБОТНИКОВ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПОДВЕРЖЕНО НЕГАТИВНОМУ ВЛИЯНИЮ ТОТАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ СОБСТВЕННОСТИ, СПОСОБА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ, КОНСЕРВАТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ, ЧТО НА ДЕЛЕ СТАЛО СЕРЬЕЗНЕЙШИМ ПРЕПЯТСТВИЕМ ОРГАНИЧНОГО ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ.

О СОСТОЯНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ ПРОЦЕССА ОТЧУЖДЕНИЯ ДОСТАТОЧНО УБЕДИТЕЛЬНО ГОВОРЯТ ДАННЫЕ ЦЕНТРА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС.

БОЙКОВ Владимир Эрихович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС.

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич, доктор философских наук, профессор, директор Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС.

ОТНОШЕНИЕ ЛЮДЕЙ К ЭКОНОМИКЕ

Наши исследования[1] убеждают, что экономическое сознание советских людей пробудилось от многолетнего летаргического сна. С первыми же шагами перестройки стал расти их интерес к экономической информации, к проблемам экономической политики.

Что вызвало эти изменения? Может быть, переход к новым методам и организационным структурам управления экономикой? Едва ли. На первых порах активно влияли на сознание идеи обновления народного хозяйства, ожидание быстрого выхода из кризиса. Из материалов социологических опросов 1986 и 1988 гг. видно, что трудящиеся были убеждены в скором успехе. Имелись, конечно, скептики. Но их удельный вес среди рабочих и колхозников в 1988 г. составлял только 16%, а среди хозяйственных кадров — 8%. Принципиально важно то, что свыше 80% опрошенных психологически были готовы работать лучше.

Однако положение дел на производстве и в сфере потребления вопреки ожиданиям ухудшилось.

Разрастается такой очаг напряженности, каким является дефицит продуктов питания и промышленных товаров. По итогам опроса в 1990 г. сказали, что испытывают серьезные трудности с приобретением промышленных товаров 82% респондентов, продовольствия — 70%, с получением бытовых услуг — 54%. Более 80% опрошенных рабочих, служащих и колхозников указали, что вынуждены покупать товары и пользоваться услугами по ценам выше государственных. Чаще всего (62%) они переплачивают на рынке, 35% приобретали товары и продукты по завышенным ценам у кооператоров. Лишь 11% респондентов считают, что они живут в достатке, в то время как 65% сказали, что им хватает средств только от зарплаты до зарплаты, 16% свидетельствовали, что еле сводят концы с концами, 8% — находятся вечно в долгах. Сопоставление данных нашего исследования с результатами обследований бюджетов семей, проводимых Госкомстатом СССР, позволяет говорить об увеличении доли населения с низким душевым доходом на одном полюсе и высоким — на другом. При этом чем ниже среднедушевой доход в семье, тем чаще люди вынуждены подрабатывать помимо основной работы. Однако у бедствующих, как правило, приработок мизерный — до 50 руб. в месяц.

Начинает формироваться **новый взрывоопасный очаг,** который складывается в результате возможной безработицы. Данное исследование выявило новый фактор экономического поведения людей в условиях назревающих рыночных отношений: 40% людей уже определили свое положение как возможность потерять работу (при 32% не имеющих четкого представления о своем будущем).

Противоречия между идеями обновления и устаревшим содержанием хозяйственной практики, между перспективными и текущими задачами осуществления экономической реформы вызвали у трудящихся недовольство, острота которого особенно прорывалась во время забастовок. Оптимистические взгляды на возможности решительного подъема экономики, а именно они преобладали в общественном сознании на начальном этапе хозяйственной реформы, сменились недоверием. Рассчитывали на преодоление экономического кризиса в ближайшие годы, по данным опроса, в феврале 1989 г. 48% трудящихся, а в 1990 г. уже 11%, причем только 2% с достаточной уверенностью в успехе. Свыше половины (53%) рядовых работников и 66% экспертов (данные мая 1990 г.) однозначно заявили, что не верят в улучшение экономики страны в ближайшие 1—2 года

Как видим, активизация массового экономического сознания обусловлена, к сожалению, в основном негативными процессами. Экономический кризис, ущемляющий интересы населения, дебаты в парламенте, средствах массовой информации, на митингах и т. д. притягивают как магнит, внимание большинства людей к экономическим проблемам развития. Воздействие этих факторов во сто крат сильнее, нежели тысячи лекций и обязательных занятий в системе экономического образования. Однако растущий накал эмоций пока не сопровождается формированием отчетливых представлений о путях выхода из хозяйственного прорыва, психологической готовности к переходу на рыночные отношения. Так, по данным исследования 1990 г., считают себя хорошо подготовленными к работе в условиях рынка только 4% опрошенных, удовлетворительно подготовленными — 19%, плохо подготовленными — 48%. Доля не сумевших определить свои позиции равнялась 29%.

[1] Исследование проведено в четыре этапа: в июне 1986 г., в феврале 1988 г., в феврале 1989 г. и мае 1990 г. Опрошено более 12 тыс. рабочих и колхозников, свыше 3 тыс. специалистов различных отраслей народного хозяйства, работников советских органов. Выборочная совокупность каждый раз определялась установлением пропорциональной представительности основных отраслей экономики, квот типичных предприятий и механическим случайным отбором респондентов в обследованных коллективах. Данные опроса совмещались с материалами экспертных оценок положения дел на предприятиях.

Пробуждение экономического сознания еще не означает того, что произошло его революционное обновление, что отжившие свой исторический век стереотипы вытеснены новыми знаниями и убеждениями. Оно пока находится в состоянии неустойчивого равновесия между возможностью прогрессивного развития и откатом на старые позиции. Подтверждение тому — неконструктивная реакция многих людей на деятельность кооперативов, арендные отношения. Ростки нового в хозяйственной практике нередко наталкиваются на окаменелости идеологических, теоретических и психологических предубеждений.

Фактически сложился своего рода порочный круг взаимного торможения. Устаревшие и деформированные способы соединения работников с общественной собственностью, распределения, обмена и потребления разрушительно действуют на систему идеалов, ценностей, представлений, убеждений, стимулов и мотивов деятельности трудящихся. В свою очередь, психология экономической безответственности, ведомственного и группового эгоизма, индивидуализма, уравниловки и т. д. отрицательно влияет на сферу труда.

Устаревшие стереотипы мышления дают о себе знать в отношении населения к переходу экономики на рельсы рынка. Его необходимость поддерживают около половины респондентов. Но при этом каждый второй сторонник рынка опасается негативных последствий ослабления государственного контроля в экономике. Желая перемен к лучшему, люди в то же время выступают за прежнюю систему гарантированности экономического положения, уравниловку и т. д. Например, половина опрошенных считает необходимым введение карточной системы распределения товаров и замораживание цен. Наиболее часто наблюдается отрицательное отношение к свободному предпринимательству у малоимущих. Среди них относительно больше тех, кто «голосует» за карточное распределение товаров, за проведение денежной реформы.

Эта противоречивость и расколотость индивидуального сознания порождает удивительный парадокс, когда человек стремится одновременно к двум взаимоисключающим ипостасям: к рынку и мелочной регламентации потребления. Именно этот разрыв в желаниях и установках людей создает неоднозначную картину ожидаемых следствий перехода к рыночным отношениям. Оценивая их, многие из работников отмечают следующее: 40% считают, что появятся в достатке товары и услуги; 28% — что будет преодолена уравниловка в оплате труда; 26% — что укрепится авторитет честного труда, дисциплина; 19% — что повысится благосостояние населения и 19% — что не будет спекуляции, приписок, воровства. Среди негативных следствий: 52% людей ожидают рост цен; 43% — что многие товары станут недоступными для обычных людей; 33% — что снизится благосостояние; 27% — что выиграют ловкачи, махинаторы, подпольные богачи.

Но особенно тревожно то, что в последний период — в 1990 г.— появились факторы, которые не регистрировались нами ранее: 40% считают, что внедрение рыночных отношений неминуемо приведет к безработице. Именно в этом, больше чем в чем-то другом, фиксируется назревающее звено социальной напряженности, воздействие которого в ближайшие годы будет во многом определять сознание и поведение людей.

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ

Теневая экономика, под которой понимаются не фиксируемые государственной статистической отчетностью и не облагаемые налогом виды производства, распределения и обмена товаров и услуг, приобрела массовый характер, стала привычным атрибутом жизни большинства населения. По оценкам различных экономистов, ее капитал достигает 350 млрд. руб. Не менее впечатляющи данные правовой статистики. Ежегодно в сфере экономической жизни совершаются сотни тысяч правонарушений, доля которых составляет 10% общего числа преступлений. А удельный вес преступлений корыстной направленности составляет почти 60% общего числа регистрируемых преступлений.

Однако эти факты не отражают ситуацию во всей полноте. Так, например, спекуляция и взяточничество, являющиеся сегодня одними из наиболее массовых видов незаконной «экономической» деятельности, занимают одно из самых скромных мест в статистических отчетах, в т. ч. и правоохранительных органов. Еще меньше конкретных сведений о сделках между должностными лицами и «простыми» людьми, о распространенности «левых» форм трудовой деятельности и т. д.

Исследование 1990 г. убеждает, что масштабы теневой экономики, ее жизнеспособность и сила влияния определяются не столько величиной аккумулированного капитала, сколько обыденностью, привычностью для большинства людей, вынужденных обращаться к ее услугам. Одно из типичных и массовых ее проявлений состоит в бытовом взяточничестве, которое оказалось в тени громких скандалов по поводу случаев коррупции высокопоставленных должностных лиц. Бытовое взяточничество осуждается

Сталкивались с фактами	Эксперты	Рядовые работники
блата	71	51
хищений государственного имущества	77	50
выполнения «левых» работ в рабочее время	76	38
приписок объема работ, продукции	67	38

большинством, но тем не менее процветает из-за тотальной зависимости людей в удовлетворении их потребностей от порочной системы распределения благ, от тех, кто имеет к ним доступ и регулирует потоки дефицитных товаров. На вопрос: «Случалось ли Вам давать в виде «благодарности» за услуги подарки или деньги?» — 62% опрошенного населения сказали, что давали подарки, 42% — деньги. Как показал опрос, чаще всего одаривают врачей, учителей, а не только тех, кто имеет влияние в сфере распределения материальных ценностей. К этому нужно добавить, что более половины опрошенных (53%) освоили правило жизни «ты — мне, я — тебе».

Имеет место:	Эксперты	Население
использование личных машин как такси	84	76
тиражирование и распространение текстов видео-и музыкальных записей	60	45
шабашничество	60	46
вязание изделий, пошив одежды, изготовление обуви за плату вне ателье	58	53
строительство и ремонт квартир (дач) по найму	65	51
ремонт бытовой техники вне мастерских	61	52

Теневая экономика проникла во все основные отрасли народного хозяйства. Это подтверждается данными опроса экспертов и рядовых работников, указавших, что нередко наблюдают факты блата, хищений, приписок и другие. Конкретные данные опроса приведены в таблице на 54-й стр. (% к числу опрошенных).

Значителен удельный вес людей, вовлеченных в теневую экономику не только в качестве потребителей, но и производителей. Судя по полученным материалам, в среднем каждый четвертый работающий в народном хозяйстве пытается подрабатывать по совместительству, выполняет частные заказы, оказывает платные услуги, выращивает овощи (цветы, фрукты) для рынка и т. д. При этом на вопрос о том, «участвуете ли Вы в индивидуальной трудовой деятельности», утвердительно ответили лишь 7%. Так, например, подрабатывают «левым» способом среди опрошенных работников общественного питания и жилищно-коммунального хозяйства около половины, среди занятых в сельском хозяйстве, торговле и на транспорте — около трети.

Контрольный вопрос по поводу распространенности скрытой от учета деятельности с целью получения дохода позволил получить следующую картину ответов (% к числу опрошенных):

Перечень видов подобной деятельности, находящихся в поле внимания населения, весьма обширен, включает медицинские услуги, репетиторство, фотоработы и т. д.

Широко распространены также криминальные и некриминальные (но противоправные, наказуемые в административном порядке) виды теневой экономической деятельности. Опрошенные отмечают в их числе чаще всего спекуляцию (79%); обвес, обсчет, утайки в торговле (77%); взяточничество (55%); протекционизм (43%), а также мошенничество, рэкет, проституцию и т. д.

Являясь следствием деформации хозяйственного механизма, теневая экономика выступает вместе с тем одной из причин кризисных явлений в производственной и тесно связанной с ней социальной и политической сферах, разлагает нравственность людей. Ее компенсаторная роль по заполнению вакуума официальной экономики несоразмерна с дестабилизирующим влиянием на общество. Неконтролируемое развитие теневой экономики, обусловленное устаревшими способами борьбы с ней, создает реальную угрозу хозяйственной реформе и перестройке в целом.

Такое положение дел усиливает бесхозяйственность в общественном производстве. По оценке 68% экспертов, утечка дефицитных материалов на черный рынок резко увеличивается. Она обостряет напряженность во взаимоотношениях между людьми, социальную несправедливость. Это подчеркнули 8 из каждых 10 экспертов и рядовых работников. Развитие теневого экономического сектора ведет к появлению богатых и бедных помимо и вопреки принципу распределения по труду: это отметили 70% экспертов и рядовых работников. Социально-политический урон от теневой экономики выражается в разложении власти. На это указали 73% первых и 66% вторых. Кроме того, в силу существующих условий хозяйствования и правового регулирования экономических отношений теневая экономика составляет причину значительной преступности среди работников и руководителей предприятий.

Отношение населения к теневой экономике четко дифференцируется в зависимости от ее конкретных проявлений. Оно отрицательное у большинства (70—90%) к махинациям в торговле, к спекуляции, приписках на производстве, хищениям государственного и общественного имущества, к «левой» работе в рабочее время, чаевым. В то же время основная масса (90%) считает нормальным выполнение «левых» работ в нерабочее время. При этом 29% полагают, что в сложившихся условиях такая работа способствует более продуктивному использованию пропадающих без толку материалов, оборудования, техники. Свыше половины экспертов (59%) поддерживают развитие частных услуг. Отношение населения к ним чаще сдержанное. Так, 50% респондентов массового опроса считают, что лучше бы обходиться без частного сектора в области услуг, но деваться некуда, 21% одобряют и 13% не одобряют их развития.

Преодоление теневой экономики люди связывают главным образом с насыщением рынка товарами. Многие (40%) считают, что в борьбе с ней следует усиливать контроль, ужесточать наказания. Однако все чаще (55% экспертов и 40% трудящихся) обращают внимание на необходимость приведения хозяйственного и уголовного права в соответствие с требованиями свободного предпринимательства, рынка; 35% экспертов и 27% респондентов массового опроса внесли предложение легализовать и поощрять частную инициативу.

ПОЧЕМУ МЫ ОКАЗАЛИСЬ ПОСТОРОННИМИ В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ?

Что же составляет основу экономического кризиса, а вместе с этим подрывает веру людей в его преодоление? Прежде всего их отчуждение от собственности, труда, власти. И в конечном счете самоотчуждение человека, которое, как известно, проявляется в апатии, отсутствии интереса к развитию личных способностей, к реализации своей творческой сущности.

Один из главных источников отчуждения — огосударствление производства и распределения. Будучи недиалектичным, административным отрицанием различных форм собственности, оно породило форму ее нового отрицания — превратило собственность в ничейную в экономическом смысле этого слова. Государство монополизировало право на владение собственностью, что обусловило монополизацию функций присвоения и распределения национального дохода, повлекло тотальную централизацию управления. Управление осуществлялось от имени трудящихся, но на самом деле оказалось неспособным уловить, органически соединить и реализовать всю гамму общенародных, групповых, коллективных и личных экономических интересов.

По данным опроса трудящихся в 1986 г., только 33% указали, что ощущают себя хозяевами на предприятии, в 1988 г. это подтвердили 14%, а в 1990 г. и того меньше; 90% респондентов видят себя не более чем поденщиками. Позитивные перемены в превращении работника в хозяина предприятия наблюдаются лишь среди тех, кто работает в условиях аренды. Однако их доля в составе опрошенных достигает лишь 9%.

Субъективное ощущение утраты положения хозяина, надо сказать, меняется по мере отдаления человека от рабочего места, а также в отношении к объектам, находящимся в коллективном пользовании. Так, если чувствует себя хозяином на рабочем месте каждый второй, то в цехе — каждый восьмой, а на предприятии — лишь каждый пятнадцатый. В основе этой тенденции — технологическое разделение труда, обезличенность орудий и результатов производства, недостаточная увязка личных и коллективных интересов. Таким образом, одной из задач экономической реформы является разрешение противоречия между общественным характером производства и персонификацией отношений собственности. С этой точки зрения развитие арендных отношений, создание акционерных и кооперативных предприятий, освоение регионального хозрасчета представляются не только полезными, но и жизненно необходимыми.

В этой связи обращает на себя внимание отсутствие или слабые действия механизма стимулирования труда. Долгие годы даже высочайшие достижения

на производстве стыдливо прикрывались досками почета, похвальными листами, выдвижением в различные представительные органы и фактически отказом от реальной поддержки реальных результатов труда.

Именно отсутствие действенного механизма стимулирования труда явилось на деле одним из многих факторов его отчуждения от труда вообще.

Обращает на себя внимание и такое тревожное обстоятельство. Многочисленные факты бесхозяйственности и нерадивого отношения к работе, качеству продукции отмечали в 1986 г. восемь из каждых десяти рабочих, колхозников и их руководителей, в 1988 г.— уже девять из десяти, а в 1989 и 1990 гг.— без малого 100%. В том числе около половины указали на то, что сплошь и рядом сталкиваются с вопиющими фактами разбазаривания материальных ценностей. У большинства они вызывают обоснованный протест. Но в то же время сформировалось устойчивое мнение, что бесхозяйственность неистребима, что борьба за укрепление режима экономии чуть ли не бессмысленна. Отсюда потакание «несунам», оправдание незаконных путей получения дополнительных заработков, ориентация на «выгодное местечко», расцвет взяточничества, хищений государственного и общественного имущества, спекуляции и т. д.

КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ

Управление не только для народа, но и самим народом выражает сущностную характеристику общественной собственности на средства производства. Поэтому участие трудящихся в организации хозяйственной жизни — не только показатель зрелости отношений собственности, но и важнейшее условие их развития, воспитания бережливости, чувства сопричастности к делам и заботам коллектива и общества в целом.

Но в реальности мы имеем дело с засильем регламентации всей жизни, особенно производственной. Судя по имеющимся материалам, большинство трудящихся воспринимают экономическую реформу как движение «сверху», а не как возможность проявления самостоятельности и инициативы. Позиция созерцательного ожидания свойственна в равной мере рабочим, колхозникам и командирам производства, инженерно-техническим кадрам.

Проблема проблем состоит в том, что образовался своего рода вакуум власти — ею сейчас не обладают ни трудовые коллективы, ни местные Советы, ни министерства.

Попытки изменить систему управления производством, вдохнуть жизнь в формы самоуправления на предприятиях без изменения отношений собственности не дали ощутимых положительных результатов. Как и прежде, многие люди не видят смысла в проводимых собраниях. На вопрос, заданный рабочим и колхозникам, «Выполнены ли Ваши предложения, если Вы их вносили на собраниях, совещаниях и т. д.?», в 1986 г. ответили: «полностью» — 7, «частично» — 31, «не выполнили» — 28, «не знаю» — 34%, в 1989 г. ответы распределились соответственно — 3, 25, 32 и 40%. По наезженной бюрократической колее пошли советы трудовых коллективов. Они чаще всего действуют как совещательные органы. Когда советы только создавались, более половины рабочих и колхозников рассчитывали, что они будут активно влиять на решение жизненно важных вопросов. А в 1989 г. лишь 8% опрошенных считали эти органы боеспособными.

Надо сказать, что на фоне оживленной дискуссии о самоуправлении, которая

	Не знакомы	Полностью одобряют	Заявили о необход. их дораб.	Не одобряют
Закон о собственности в СССР	44	6	38	12
Основы законодательства о земле	45	9	36	10
Закон об аренде	41	9	38	12

ведется в печати и по телевидению, на фоне забастовок, во время которых стачечные комитеты берут на себя всю полноту власти, не всегда заметна пассивность значительной массы трудящихся. Но материалы социологических исследований не оставляют и тени сомнения в том, что пассивность и выжидательная позиция свойственны пока подавляющему большинству рабочих и колхозников. И опять же необходимо признать: чтобы реально управлять, надо реально владеть тем, чем можно управлять. Только изменение коренных экономических отношений, конкуренция на экономическом рынке могут пробудить у людей инициативу и ответственность, поставить их в положение управляющих.

Но столь же беспомощными выглядят, по данным опросов, различные эшелоны

государственного управления экономикой. Так, лишь около трети специалистов положительно оценили деятельность правительства страны, 24% — деятельность правительств республик и 15% — действия местных Советов. Удельный вес положительных оценок, выраженных населением, еще меньше: соответственно 21, 18 и 9 процентов.

Важнейшие законы регулирования экономической жизни, принятые в последнее время, остаются для многих неизвестными, получили полное одобрение лишь у незначительной части людей. Об этом говорят результаты их опроса (в %):

Точно так же удельный вес критических суждений преобладает над положительными в отношении к Закону СССР о подоходном налоге.

Главной причиной провалов в хозяйственной деятельности люди считают ошибки современной экономической политики: на нее указали 76% экспертов и 62% участников массового опроса населения. Далее по убывающей значимости идут такие причины, как существование мафии в управлении, торговле и т. д. (на нее указали 46% трудящихся и 42% экспертов), уравниловка в оплате труда (соответственно — 44% и 41%), монополизм ведомств (34% и 48%), превращение производства в «богадельню» для лентяев, пользующихся защитой гуманных законов и бесплатными услугами (34% и 31%), командование производством (30% и 28%), подчинение экономики идеологическим догмам (28% и 37%), отсутствие свободного предпринимательства (23% и 31%). Исследование показало также неэффективность государственных мер, направленных на предупреждение и преодоление теневой экономики. Более двух третей экспертов (67%) и три четверти опрошенного населения (75%) сомневаются в способности государства обуздать спекуляцию, преодолеть другие негативные явления подобного рода. И с этой оценкой следует согласиться, если борьба с теневой экономикой будет сводиться к ее глушению с помощью запретов и наказаний.

РИФЫ И МЕЛИ «ВЫВОДИЛОВКИ»

Отчуждение, как упоминалось выше, пронизывает отношения распределения и порождает уравниловку. Отсюда в экономическом сознании цепкие представления о том, что необходимо сдерживать рост зарплаты, ибо ее высокий уровень сродни нетрудовому доходу и чуть ли не причина инфляции. В то время как начисление заработка лишь за явку на работу и «выводиловка», тесно связанные с приписками, действительно являются серьезными источниками инфляции и разлагающе влияют на работников. По расчетам С. Головнина и А. Шохина, приписки к объемам выполненных работ на проверенных предприятиях составляют в среднем 1—2% от реальных объемов, что оценивается в 15—30 миллиардов рублей. Выплаты зарплаты на основе этих приписок достигают 2,7—5,4 миллиарда рублей [1]. Но борьба с выплатами денежного вознаграждения за фиктивно выполненную работу должна укреплять, а не ослаблять систему материального стимулирования производительной и качественной работы.

К сожалению, уравниловка в оплате труда и распределении социальных благ не потеснена, а наоборот, усилилась. Даже те люди, которые отметили улучшение оплаты труда, не связывают это с величиной своего трудового вклада. На вопрос: «Если Вы прибавите в работе, то Ваш заработок возрастет?» — ответили «да, значительно»: в 1986 г.—40% опрошенных, в 1988 г.—34%, в 1989 г.—12%, в 1990 г.—6%. Одновременно с этим люди все чаще выражают уверенность, что при ухудшении работы они получат «положенное» вознаграждение. Об этом заявили в 1986 г.—7%, в 1988 г.—9%, в 1989 г.—18%, а в 1990 г.— уже 46% опрошенных.

Именно поэтому в течение всех лет перестройки и до настоящего времени около половины трудящихся отдают далеко не все силы работе. То, что люди не видят смысла выкладываться на производстве, является наиболее мощным тормозом экономического развития. В 1990 г., как и четыре года назад, большая часть опрошенных признала, что не в полной мере отдает свои способности работе. Это проявилось в ухудшении целого ряда серьезных субъективных и объективных показателей отношения к труду. За период между опросами с половины до четверти уменьшилась доля респондентов, выразивших желание повысить свою деловую квалификацию, на треть снизилось количество участников рационализаторского движения.

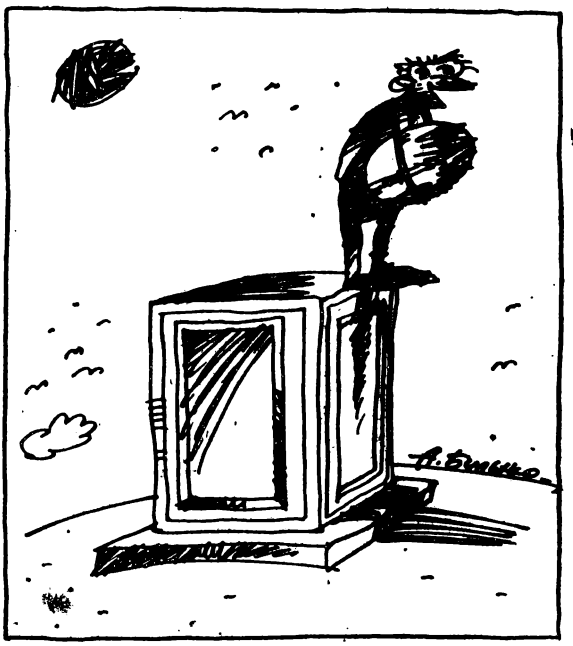
Бросается в глаза то, что молодежь, призванная стать одной из активных сил экономической реформы, пока критически относится к своей реальной роли в ее осуществлении. Среди молодых рабочих и колхозников вдвое-втрое больше, чем среди остальных работников, число тех, кто занимает пассивную позицию в решении наиболее острых производственных проблем.

---

[1] Головнин С., Шохин А. Теневая экономика: за реализм оценок.— Коммунист. 1990, № 1, с. 54.

■

Собственное дело



Янош КОРНАИ

ПУТЬ К СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

ЗАПАЛЬЧИВЫЙ ПАМФЛЕТ ПО ПОВОДУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Сначала о том, чего следует достичь в ходе операции. Успешной она окажется в том случае, если нынешнюю произвольную и с экономической точки зрения совершенно иррациональную систему цен заменить рациональной рыночной системой, в рамках которой цена несет значимую экономическую информацию. Такое изменение подразумевает несколько требований. Одни из них самоочевидны и сравнительно легко выполнимы. Другие выполнить значительно сложнее: они содержат неустранимые внутренние противоречия.

Начнем с самоочевидных. Цены в частном секторе должны быть полностью отпущены на свободу, избавлены от всякого государственного вмешательства. Само по себе это еще не гарантирует рациональности: частные предприятия множеством нитей связаны с государственными — как покупатели либо продавцы, и цены государственного сектора будут «просачиваться» и в «частную систему цен». Но все-таки на какие-то продукты цены будут формироваться относитель-

Продолжение. Начало в №№ 8—12. Первое издание этой книги было опубликовано на венгерском языке в ноябре 1989 г. в г. Будапеште издательством HVG RT. «Диалог» публикует сокращенный перевод с исправленного и дополненного издания книги, выпущенного издательством W. W. Norton, New York в мае 1990 г. На русском языке книга будет полностью опубликована в издательстве «Экономика».

но свободно, и с ними, как с точкой отсчета, можно будет соотносить цены госсектора.

Перестройка цен в самом государственном секторе — куда более крепкий орешек. Здесь тоже, за несколькими исключениями, нужна будет полная либерализация. И чем скорее, тем лучше. В долгосрочной перспективе исключение должны составить лишь те цены, которые регулируются и в обществах со вполне развитым рынком: услуги государственных органов, продукция естественных монополистов и т. п.

Но полная либерализация цен — это окончательный результат стабилизации. На пути к нему можно предложить лишь ограниченную либерализацию, зависящую от ряда факторов и условий. Первое, от чего будет зависеть весь процесс,— масштаб освобождения цен, которого достигнет экономика к началу операции. Частичный контроль над ценами, их «половинчатая либерализация» чреваты серьезным риском. И когда начнется операция, придется сообразовываться с результатами предшествовавших частичных освобождений, какими бы — хорошими или дурными — эти результаты ни были. Разумеется, обратный ход, введение новых жестких ограничений были бы крайне нежелательны.

На характер цен повлияет также уровень предложения и запасов важнейших потребительских товаров, энергетических ресурсов, сырья. Если из-за какой-нибудь ошибки правительства или просто неблагоприятного стечения обстоятельств возникнет серьезный дефицит, придется подумать, стоит ли на начальном этапе операции допускать стремительный скачок цен. На короткий переходный период цены на дефицитный товар могут быть заморожены, но сразу же за этим должны быть приняты решительные меры по ликвидации дефицита, например, путем импорта, после чего либерализация будет продолжаться. Всякий случай регулирования цен, за исключением оговоренной выше узкой сферы, должен рассматриваться как временное зло переходного периода — зло, с которым следует покончить как можно быстрее. Чем скорее мы освободим от ограничений импорт, особенно частный, тем легче будет частному сектору заполнить прорехи, оставляемые государственными предприятиями, и тем скорее удастся положить конец регулированию цен.

В начале операции государственные фирмы, непривычные к свободному ценообразованию, могут испытывать трудности при определении запрашиваемой цены на свою продукцию. Можно рекомендовать несколько простых практических принципов, ясно понимая, что они будут пригодны лишь на начальном этапе. Дальше рыночные силы сформируют новые цены, которые могут отличаться от первоначально запрашиваемых.

Для товаров, продающихся на мировом рынке, точкой отсчета может служить давно установившаяся практика сопряжения внутренних цен с ценами в капиталистических странах. Рискуя, правда, чрезмерно упростить вопрос, можно сказать, что после перевода западных цен в форинты по частному обменному курсу системы цен, т. е. соотношение цен на разные товары в Венгрии и на Западе, не будут слишком различаться. Тогда прекратится и «торговый туризм». Но, разумеется, для этого необходимо провести в жизнь все меры, о которых говорилось в предыдущем разделе: строго унифицировать косвенные налоги и таможенные тарифы, ликвидировать дотации.

Еще одной отправной точкой при определении системы цен могут служить реальные цены, сложившиеся в венгерском частном секторе на рынке продовольственных товаров, жилья, недвижимости и т. п. Они тоже могут оказаться полезным ориентиром для государственных фирм при назначении запрашиваемой цены.

Но и зарубежные цены, и цены на внутреннем частном рынке могут подсказать лишь относительный уровень цен на те или иные товары и услуги. Общий же уровень цен — это уже совсем другое дело. Он будет зависеть от множества макроэкономических факторов: доступности кредита, уровня заработной платы, макроэкономического спроса и предложения и т. п. Фирма должна будет также учитывать официальный обменный курс, реальный ссудный процент и т. п. Но и при всем том определение первоначальной запрашиваемой цены в начале операции будет в известном смысле прыжком в неизвестность.

Но в конце концов либерализация приведет к унификации цен. По крайней мере в принципе. В реальных условиях в большинстве отраслей цены обычно слегка колеблются. Но это будут естественные колебания и различия. Чего же не следует допускать ни в коем случае — так это искусственного разрушения ценовой системы в угоду какой-то сознательной политике — например, появления различающихся цен «белого», «серого» и «черного» рынков, государственной и частной системы цен и т. п.

Сколько времени уйдет на формирование такой единой системы цен, заранее сказать трудно. Не следует тешить себя иллюзиями и ждать, что, скажем, через год после начала операции у нас появится упорядоченный, организованный рынок, похожий на рынок Цюриха или Франкфурта. Но не нужно запугивать себя и других «анархией рынка». Колебания цен — естественный компонент гармонизации рынка, точно так же, как

несжиданные и случайные потери и выигрыши. Людям нужно будет научиться сдерживать накапливающуюся зависть при виде того, как другие извлекают колоссальные прибыли. Это двигатель адаптации экономики. Надежда сорвать крупный куш, даже если сбудется она лишь у немногих, заставит тысячи и даже сотни тысяч людей испытывать судьбу, рисковать и создавать настоящие деловые предприятия.

Сегодня венгерская экономика изобилует диспропорциями, но предпринимателя это не смущает, а, напротив, привлекает. Чем больше ножницы между спросом и предложением, тем больше можно заработать на восстановлении равновесия. В стране с подлинно гармоничной, сбалансированной экономикой практически невозможно извлечь доход выше средней нормы иначе, чем с помощью технических нововведений или освоения принципиально новой продукции. Но наш перевернутый мир — это поистине золотая жила для тех, кто хочет делать деньги. Только для этого нужно изменить общественную мораль, взгляды людей. Десятилетиями господствовавшее экономическое мышление воспитывало предубеждения против подлинной коммерции, категорическое неприятие «погони за прибылью», «спекуляции», извлечения выгод из имеющегося дефицита. Как будто поднять цену, когда спрос превысил предложение, не есть единственно нормальная реакция любого продавца на рынке! Оттого, что мы попросим продавца быть с нами полюбезнее и не повышать цену в условиях дефицита, дефицит не исчезнет. О чем действительно нужно позаботиться — так это о том, чтобы главным лицом на рынке стал не продавец, а покупатель.

Теперь вновь вернемся к вопросу об отмене субсидий убыточным предприятиям. Какая фирма действительно убыточна, а какая лишь кажется таковой — для нас это сегодня «тайна, покрытая мраком». В горнодобывающей промышленности ответить на этот вопрос несложно. Так, венгерские урановые шахты явно убыточны, и убедиться в этом легко: издержки производства складываются из сравнительно немногих факторов, а стоимость продукции нетрудно определить, ориентируясь на цены мирового рынка. Однако когда дело доходит до обрабатывающей промышленности, такой расчет становится практически невозможен: издержки складываются из множества затрат, на величину которых в каждом случае влияют дотации или льготное налогообложение соответствующих производств. Может статься, что многие фирмы, сегодня считающиеся убыточными, после проведения операции избавятся от этого обвинения. Но возможно и другое: при реальных ценах и равном налогообложении многие прибыльные сегодня фирмы окажутся убыточными.

УНИФИКАЦИЯ ОБМЕННОГО КУРСА И ДОСТИЖЕНИЕ КОНВЕРТИРУЕМОСТИ

В ходе операции должны быть решены три взаимосвязанные задачи: установлен единый обменный курс; достигнута конвертируемость форинта и введен свободный неограниченный обмен валюты всем гражданам и организациям через Государственный банк; либерализована вся экспортно-импортная деятельность государственных и частных предприятий.

Чтобы унифицировать обменный курс, нужно, вместо того чтобы запрещать частные валютные сделки и объявлять частный курс «незаконным», обеспечить всем гражданам возможность покупать валюту в Государственном банке не дороже и продавать не дешевле, чем на частном рынке. В этом случае обменный курс форинта неизбежно повысится по отношению к нынешнему курсу черного рынка: ведь в этот последний сегодня входит и плата за риск.

Установление государственной банковской системой обменного курса не вызовет серьезных диспропорций на валютных рынках страны лишь в том случае, если вводимый курс будет соответствовать рыночным соотношениям. Сейчас нельзя предсказать, каким именно он будет: многое зависит от успеха других составляющих стабилизации, и в частности от уровня инфляции. Но при всех условиях одним из главных ориентиров при определении этого курса должен быть нынешний курс на «сером» рынке. Если же этот рынок полностью легализуется, то установившийся в результате «белый» частный курс будет еще более точным ориентиром.

Но при всех условиях одним из компонентов операции станет девальвация форинта и шаг к его конвертируемости. Однако государственная банковская система сможет обеспечить такую конвертируемость только при соблюдении нескольких условий. Вот лишь два важнейших.

Главное — суметь сдержать спрос на твердую валюту. Здесь больше всего трудностей создаст государственный сектор. Его спрос ни в коем случае нельзя выпускать из-под контроля: без жестких ограничений он становится абсолютно ненасытен. Основным правилом там всегда было: хватай валюту, сколько сможешь, а уж форинты, чтобы расплатиться за нее, потом где-нибудь да найдутся. Сейчас все зависит от того, удастся ли поставить государственные предприятия в условия, когда им не хватает форинтов, и ввести для них реальный обменный курс. Таким образом, если по-

следовательно проводить жесткую монетарную и кредитную политику,— можно будет ввести конвертируемость форинта без серьезной угрозы для валютного баланса страны. Если провести такую политику не удастся,— не останется другого выхода, как посадить государственные предприятия на строгое рационирование валюты. Это, конечно, приведет ко многим отрицательным последствиям, но пока государственный сектор доминирует в экономике, исключить такой курс нельзя. С частными фирмами, которым сама их природа навязывает жесткие ограничения расходов, подобных проблем не возникнет.

Второе требование — наличие достаточных резервов твердой валюты.

Когда все условия и требования будут выполнены, можно будет полностью либерализовать импорт для всех желающих. Но если они останутся невыполненными, без большого риска можно будет освободить от ограничений лишь импорт частного сектора. Освобождать государственный сектор, пока его спрос не ограничен в достаточной мере экономической средой, было бы слишком рискованно.

ПОЧЕМУ ВСЕ СРАЗУ?

Некоторые из предлагавшихся до сих пор мер уже частично проводились или проводятся в жизнь: и инфляцию обещали снизить, и для ограничения расходов кое-что было сделано, и государственные доходы пытались поднять. Так называемые монетарные ограничения вводятся полным ходом, а некоторые цены уже отпущены на свободу.

Вся беда в том, что проводятся эти меры вяло, медленно и не в комплексе. А непоследовательность, двусмысленность какого-то одного «пакета» мер сводят на нет эффект всех остальных: общая сумма десяти полумер не пять полных мер, а пять полных фиаско. Результат каждой из перечисленных выше мер зависит от всех остальных. Инфляцию не остановить без сбалансированного бюджета. Бюджет не сбалансировать, не переведя налоговую систему на совершенно иные основания и не покончив с инфляцией; в условиях инфляции рост доходов всегда будет отставать от роста расходов. Прекратить субсидирование убыточных фирм нельзя до тех пор, пока не

ВПЕРВЫЕ В СССР:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ — НОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ НАУЧНАЯ СТРУКТУРА, НЕЗАВИСИМАЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРОЙ СВОБОДНА ОТ ПОРОКОВ «ОФИЦИАЛЬНОЙ» НАУКИ — БЮРОКРАТИЗМА, НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ, ОТОРВАННОСТИ ОТ ЖИЗНИ.

ЦССИ **Организует и проводит междисциплинарные исследования с целью выработки альтернативных стратегий для решения социальных проблем.**

ЦССИ **Разворачивает исследования по целой серии научных программ, среди которых:**

— стратегии научно-технического развития СССР;
— пути выхода из экономического кризиса в стране;
— перспективная концепция отечественной культуры;
— концепция социально-экономического и градостроительного развития Москвы и Московской области;
— программа «Реформы и контрреформы»;
— программа «Стратегия развития межкультурных связей».

ЦССИ **Осуществляет:**

— экспертизу проектов научно-технического и юридического характера: ведет исследования в области менеджмента и маркетинга.

Среди заказчиков Центра — Комитет конституционного надзора СССР, Министерство иностранных дел СССР, Моссовет.

С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ, ЗАКАЗАМИ, НОВЫМИ ИДЕЯМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ ПО АДРЕСУ: 101000, МОСКВА, ЦЕНТР. СВЕРЧКОВ ПЕР., Д. 8, СТР. 3. ТЕЛ.: 237-81-39; 921-05-85.

будет пересмотрена вся налоговая политика и не начнет действовать система реальных рыночных цен, равновесия, позволяющая судить, какая же фирма все-таки убыточна, а какая прибыльна. Но в условиях галопирующей инфляции реальная рыночная система цен не сформируется, а частичные ее исправления не смогут решить проблемы в целом, зато подхлестнут рост инфляции и т. п.

Иными словами, большинство мер, благотворных в рамках целостной программы, сами по себе, в отрыве от всех остальных, способны лишь увеличить расстройство экономики. Так, либерализация цен чревата серьезным ущербом, если она не будет сопровождаться ужесточением дисциплины оплаты труда. Конвертируемость форинта окажется просто губительной, если спрос на валюту со стороны государственного сектора не будет контролироваться самым строгим образом. До сих пор все меры по стабилизации проваливались одна за другой именно потому, что власти пытались провести их слишком поспешно, добиваясь каких-то частных целей, вырванных из экономического контекста.

К сказанному можно добавить еще два соображения, выходящих за пределы чистой экономики.

Первое относится к области экономической психологии. Нельзя остановить инфляцию, если не покончить с «инфляционными ожиданиями» людей. Если каждый человек, каждая организация в своих экономических планах будут исходить из расчетов на нынешние темпы инфляции, они автоматически будут воспроизводить инфляционные процессы. Нужно резко сбить эти ожидания.

Второе соображение гуманитарного характера: нельзя удалять зуб медленно, понемногу. Люди предпочитают одноразовый шок с последующим быстрым излечением, если, конечно, будут действительно уверены в перспективах выздоровления. Радикальные политические перемены должны сопровождаться одновременными и комплексными экономическими реформами. В условиях социалистической экономики макронастройка и стабилизация невозможны без глубоких системных изменений.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАХОВЫЕ ФОНДЫ

Для успешного проведения операции общество должно располагать определенными страховыми резервами. Абсолютно необходимы, в частности, четыре страховых резервных фонда.

1. Самый важный фонд — гуманитарный, т. е. предназначенный для экстренной помощи тем, кто окажется на мели. Раньше или позже к новой рыночной ситуации придется приспособиться всем. Тем, кто так и не сможет этого сделать, придется помогать через систему социального обеспечения, но не о ней сейчас речь. Я говорю о помощи чрезвычайной, которую в первые год-два стабилизации придется оказывать в широких масштабах, в том числе и тем, кто в принципе способен стоять на собственных ногах. Но нужно будет специально обусловить временный характер такой помощи. Тот, кто может сам держаться на плаву, раньше или позже должен будет поплыть.

2. Необходим будет известный страховой резерв товаров и производственных мощностей, позволяющий избежать наиболее острых дефицитов товаров первой необходимости, энергии и т. п. Первые шаги по настройке экономики могут носить конвульсивный характер. Наличие государственных страховых запасов позволит предотвратить особенно разрушительные последствия таких конвульсий.

3. Необходимы резервы конвертируемой валюты для оплаты чрезвычайных закупок за рубежом в случаях временных сбоев. Резервы такого рода необходимы и для успешных шагов по пути к конвертируемости форинта.

4. Наконец, необходимы резервные квоты кредитов сверх предварительно установленных, о которых говорилось в начале книги. Они необходимы для чрезвычайных краткосрочных кредитов фирмам, столкнувшимся в ходе стабилизации с непредвиденной нехваткой платежных средств. Эти кредиты должны предоставляться на очень жестких условиях. Если с помощью таких жестких кредитов фирма сможет пережить трудности стабилизации, она заслуживает того, чтобы побеспокоиться об ее выживании. В принципе операция должна привести к усилению «естественного отбора» фирм, и краткосрочные кредиты на жестких условиях должны стать последним шансом для тех организаций, которые считают себя достаточно сильными, чтобы бороться за выживание.

В планах стабилизации должны быть предусмотрены финансовые средства для всех четырех страховых фондов. Если к началу операции все планы будут жестко сбалансированы, а затем придется в экстренном порядке выделять дополнительные средства на программы помощи, на незапланированный импорт, краткосрочные ссуды и тем самым разрушать все балансы, стабилизация будет обречена на крах.

Перевод Л. РЕЗНИЧЕНКО

(Продолжение следует)

В НАДЕЖДЕ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ

Почта «Диалога» — это подлинное собрание социальных инициатив. Нам присылают немало различных концепций, идей, предложений. Далеко не все они равноценны по теоретическому уровню, глубине разработки, научному инструментарию: от философских эссе о смысле жизни до математических расчетов «формул счастья». Не имея возможности опубликовать даже самые выдающиеся из них, редакция сочла необходимым сообщить на страницах журнала имена авторов и суть идеи в надежде заинтересовать какие-либо организации, учреждения.

В работе **В. А. Кузьменко** «Какой же наш путь?» вопрос поставлен так: «Возможен ли действенный симбиоз свободного предпринимательства с социалистической идеей социального равенства? Возможен вполне, но при условии определенных уступок с одной и другой стороны, при условии разумного компромисса».

С точки зрения автора, необходима реализация следующих принципов:

— способы производства материальных и духовных ценностей, услуг, их реализация на рынке, формы собственности на средства производства (с участком земли, на котором они расположены) и на продукты производства не ограничиваются ничем, кроме закона о защите интересов наемных трудящихся и закона об экологии;

— доходы производства, облагаемые налогом в пользу общества, распределяются в соответствии с трудовым и прочим вкладом граждан, и та их часть, которая идет на текущее личное потребление, при необходимости ограничивается пределом, исключающим уравниловку.

А. А. Гуревич из г. Киева на основе анализа опыта оздоровления экономики Японии и стран Западной Европы после второй мировой войны предложил комплекс финансовых мероприятий по стимулированию роста производства. Цель — поставить подавляющее большинстзо населения перед введением рыночных отношений в примерно равные стартовые условия, и чтобы в дальнейшем судьба каждого человека зависела только от его предприимчивости, способностей, трудолюбия.

В подобной ей по теме работе **М. И. Гольдина** из г. Ульяновска предлагается ввести «продовольственные государственные казначейские билеты». Для этого необходимо определить стоимость продуктов, реализуемых по твердой цене в среднем в течение одного месяца, а на 90% этой суммы выпустить «продбилеты». Выдавать их на определенную сумму каждому вместе с зарплатой (пенсией, стипендией).

Э. Л. Рутенберг из г. Москвы разработал новую концепцию хозяйственного механизма на переходной период экономической реформы. В частности, им предложены модель усреднения прибыли в цене по видам продукции пропорционально экономическому эффекту у потребителя; дифференциация госзаказа; новая система налогообложения. Автор также предлагает при проведении денежной реформы производить обмен денег в зависимости от трудового стажа вкладчиков Сбербанка.

В. И. Драченко из г. Норильска прислал в редакцию научную работу «Философская культура экономического мышления». В ней, как подчеркивает автор, речь идет о той философской культуре, которая возможна на достаточно высоком уровне развития производительных сил, когда происходят глубокие структурные перемены — наблюдается тенденция к интеллектуализации физического труда и переводу умственной деятельности на промышленную основу.

Ученые из г. Алма-Аты **В. Г. Перкин, Е. Ж. Чакенов и Р. А. Баженов** в своей теоретической разработке утверждают, что альтернативой развития экономических отношений может и должно стать перераспределение основных средств производства и передача их в собственность трудовых коллективов на основе отчасти выкупа и других способов, многообразие которых зависит от конкретных условий производства.

Доцент из г. Калининграда **Л. С. Колобов** провел подробное исследование проблем оптимальной и фактической продолжительности рабочей недели в нашей стране в сравнении с рядом других государств. По мнению автора, его расчеты помогут более точно определить численность рабочих на промышленных предприятиях, а также могут быть использованы при планировании дальнейшего сокращения продолжительности рабочей недели в нашей стране.

Наш читатель **М. М. Куцев** из г. Куйбышева утверждает, что социальные структуры многообразны не менее технических и поддаются конструированию и расчету не хуже материальных. В своей работе он приходит к рекомендациям обществоведам освоить не только счетные машины, но и внедрить инженерные методы в конструирование общественных структур и процессов.

Редакция «Диалога» может ознакомить заинтересованные организации и учреждения с материалами названных авторов.

Письма из деревни

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ЛЮДИ

В ПЕРВЫХ ДВУХ ОЧЕРКАХ ПУБЛИЦИСТА Г. САЗОНОВА (ДИАЛОГ, 1990, № 11, 12) РЕЧЬ ШЛА О КРЕСТЬЯНАХ-«ЕДИНОЛИЧНИКАХ». ОДИН ИЗ НИХ — АЛЕКСЕЙ БОРИСОВ — КРЕСТЬЯНИН НЕСОСТОЯВШИЙСЯ, А ВТОРОЙ — УЖЕ И НЕ КРЕСТЬЯНИН ДАЖЕ, А ФЕРМЕР, ИЗВЕСТНЫЙ ВСЕЙ СТРАНЕ «АРХАНГЕЛЬСКИЙ МУЖИК» НИКОЛАЙ СИВКОВ. ИХ НЕЛЕГКИЕ СУДЬБЫ — ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПРОЦЕССОВ ВОЗРОЖДЕНИЯ ХОЗЯИНА НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ. ИНЫМ ПУТЕМ, НО К ТОЙ ЖЕ ЦЕЛИ ИДЕТ ГЕРОЙ ТРЕТЬЕГО ОЧЕРКА — ДИРЕКТОР СОВХОЗА «АВРОРА» НИКОЛАЙ ПОДГОРНОВ

Геннадий САЗОНОВ

ЗАКОН ВОЗРОЖДЕНИЯ

Совхоз «Аврора» Грязовецкого района известен на Вологодчине и за ее пределами не только знаменитым сеном, приготовляемым в любую погоду, знаменами и наградами, а также табличкой при входе в контору «На работу не принимаем». Известен он и руководителем Николаем Михайловичем Подгорновым, который за время сельской карьеры вывел в передовые, поднял «из лежачих» два хозяйства и получил за это... двадцать выговоров. С выяснения необычного противоречия и началась наша беседа.

— Нелепость какая-то,— говорю Николаю Михайловичу.— Поставил на ноги два совхоза, а за это — куча наказаний. Что-то не то получается.

— Противоречия не вижу,— с ходу воспротивился Подгорнов.— Нет его. Фактически дело обстоит так. Если имеешь характер и собственное мнение, пытаешься провести какую-то свою линию в главном деле жизни, то неизбежно

сталкиваешься с теми, кто привык повелевать, указывать, командовать. Приходится выбирать: либо подчиняешься безропотно, либо отстаиваешь свою позицию. Лично я по инструкции сверху жить не хочу — кроме как в болото, никуда не придешь. С самого начала, когда стал сельским руководителем, понял: не разорвав путы из всевозможных «нельзя», ничего не добьешься. Вот и последовал первый выговор...

Мало кто добровольно идет работать сельским руководителем. Из моих друзей никто не согласился бы сесть в мое кресло, даже имея специальное сельскохозяйственное образование. Нет способных, талантливых? Их полно. Беда в том, что человек, обладающий чувством собственного достоинства и имеющий собственное мнение, не хочет попадать в то пекло, где варится нынешний руководитель села. Вдумайтесь! Сорок организаций имеют законное право контролировать руководителя. Вот откуда и поток комиссий. А объяви, к примеру, что соседний совхоз «Лежский» отныне будет существовать на условиях аренды или кооператива,— и руководители, уверен, сразу найдутся. Потому что тогда не будет пут, не будет мелочной опеки. Или взять зарплату. Почему я должен получать ставку? Ее одинаково начисляют и в отстающем, и в передовом хозяйствах, Уравниловка. Учета конкретного труда нет. Думаю, оплата руководителя должна экономически зависеть от результатов хозяйствования. Если отлично трудишься, то коллектив сам вправе определить тот заработок, который ты заслужил. Нужно определить и статус руководителя, чтобы была защищенность. А то вот у нас один на личной «Волге» из Вологды проехал по озимому хлебу, оставил две колеи, разъездили, стала дорога, хотя хорошая дорога рядом. Так мы и не смогли добиться, чтобы наказали лихача. Варварская дорога по хлебу, на мой взгляд, символ сил торможения — что хочу, то и ворочу... Одним словом, произвол.

— Ну, а выход где?

— В самостоятельности, в переходе на аренду, на работу в условиях кооператива. Это, может, и не панацея от всех бед, но реальный путь. В том числе для колхозов и совхозов. Не надо и упразднять их, надо просто реорганизовать отношения внутри, изменить суть владения собственностью. Что мы сделали с землей? Страшно подумать. Меня возмущает, когда некоторые руководители заявляют: мол, земля ничего не дает. Как можно так говорить, живя на земле?

Вот недавно побывал я на родине. Грустные впечатления. Раньше там было несколько колхозов, которые потом объединили в совхоз, в деревнях держали более трех тысяч голов общественного скота, да и на личных подворьях было немало. А ныне на тех же площадях — всего восемьсот голов. Пастбища подзаросли, в лесу не пасут, на пашне сеют кормовые культуры. «Думай, земляк, думай,— напутствовал один старожил,— как вернуть назад землю, как вернуть на нее человека...»

Разве не думаю? В «Авроре» за восемь лет мы подняли урожайность с 19 до 40 центнеров! Но я не могу утверждать, что на земле порядок. У нас 64 деревни, вокруг некоторых есть подзапущенная пашня. Возвратить ее к жизни, да так, чтоб брать с нее сполна, поможет только аренда.

Мы уже начали кое-что делать. Но и сложности есть. Платят за физическую единицу продукции — центнер. Но не оговорено ее качество, себестоимость. Чиновники в центре, которые до сих пор все еще определяют — кому, за что и сколько платить,— стремятся занормировать все. Поэтому арендатор, который заинтересован в снижении затрат, сегодня попадает в худшее положение, чем тот, кто попросту растранжиривает средства. Не буду утомлять долгими разъяснениями, расчетами — уж поверьте на слово, что все так и есть. Но рано или поздно жизнь заставит пойти на кардинальные изменения. Не зря крестьянская поговорка гласит: у кого ключи от амбара — тот и хозяин. Сегодня ключи от общественного амбара в руках Минфина, Госкомцен, Госплана. Пока они их держат, движение идет не вперед, а по кругу. Разве плохими были такие формы организации труда, как коллективный и семейный подряд? Но они не пошли по причине всевозможных ограничений, в том числе и в оплате труда. Надо дать возможность человеку получать действительно то, что он заработал, а не платить за «выход на работу».

— Николай Михайлович,— продолжаю расспрашивать Подгорнова,— слышал, что совхоз ваш уже полностью на аренде.

— Да, мы заключили с РАПО договор: рабочие полностью взяли в аренду основные средства производства стоимостью 22 миллиона рублей. Отдача, бесспорно, ощутима, иначе зачем было стремиться к аренде. Уже начальный этап подготовки к аренде сказался: получили миллион 200 тысяч рублей прибыли, а год был засушливым. На свои средства усилили жилищное строительство — возводим двадцать коттеджей, досрочно сдали Дом культуры. Рентабельность производства поднялась до 61 процента. Значит, люди начали считать деньги, и в результате снижаются затраты на продукцию.

Характерно, что в посевную и уборочную мне не пришлось «власть употреблять». Да власть-то теперь, по сути, не в моих руках, она принадлежит арендному

земледельческому коллективу. У него с администрацией договор, в котором обозначены все условия. У нас создано правление арендаторов, оно обсуждает самые важные проблемы, утвержден устав арендных коллективов хозяйства. Словом, с переводом совхоза на аренду многие вопросы решены. Но далеко не все и не всегда получается так, как хотелось бы. Надо уходить из РАПО под крыло Советской власти, заключать договор с райисполкомом — именно он должен быть хозяином на территории. А в будущем мы мечтаем выкупить все средства производства у государства и станем тогда настоящими хозяевами. Путь сложный, долгий, но иного нет.

Николая Михайловича Подгорнова избрали народным депутатом в парламент России.

— У меня программа готова давно,— говорит Николай Михайлович.— Она результат анализа всей сегодняшней жизни нашего совхоза и того, что мы намечаем сделать. Два года, которые хозяйство прожило в новых условиях, когда у нас образовалось объединение арендных коллективов, подтвердили нашу правоту, оправдали надежды. Только одна, о многом говорящая цифра: за это время себестоимость продукции снизилась на 700 тысяч рублей. Улучшились качественные показатели. Прошлый, 1989 год считался плохим по погодным условиям. Но мы увеличили производство всех видов сельхозпродукции и получили около трех миллионов рублей чистой прибыли. Такова цена самостоятельности, цена хозяйского подхода к делу.

К сожалению, это не значит, что нет трудностей и проблем. Тревожит то, что не исключена возможность отката назад. Дело в том, что «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде», на мой взгляд, содержат скрытые преграды, которые как будто специально созданы для того, чтобы аренда не состоялась. Вот смотрите. Мы, коллектив совхоза, арендуем у РАПО, которое выступает в качестве собственника, все наше совхозное имущество: жилые дома, производственные помещения, дороги, технику... Все это требует ухода, ремонта, расширенного воспроизводства. За счет каких средств это осуществлялось раньше? За счет амортизационных отчислений, остававшихся у совхоза. По закону же об аренде выходит, что мы должны эти амортизационные отчисления переводить РАПО в качестве составной части арендной платы. В законе, правда, в статье 8, сказано (процитирую, вопрос больно важный): «размер амортизационных отчислений, включаемых в арендную плату, определяется в договоре аренды исходя из установленного в нем распределения обязанностей сторон по воспроизводству переданного в аренду имущества». Все бы хорошо, да «договаривающиеся стороны» очень уж неравноправны: собственник — РАПО и проситель — арендный коллектив. Вот и вышло у нас по договору с РАПО так, что мы сначала передаем ему часть своей прибыли, а потом просим, как милостыню, деньги на строительство дорог, жилья, объектов соцкультбыта.

Видимо, тот, кто готовил такой закон, далек от реальности, а тем более — от арендных отношений. И я как народный депутат России приложу все усилия, чтобы подобные законы не появлялись на свет божий, чтобы государство не обирало крестьян...

Итак, подведем некоторые итоги. Потенциальный арендатор, мужик-кооператор, руководитель крупного многоотраслевого совхоза — каждый своим путем вели поиск. Пришли они к одному знаменателю: старые производственные отношения на селе изжили себя. Крестьянин, земледелец должен быть владельцем или совладельцем земли, орудий труда, иметь гарантированную самостоятельность, свободу выбора решений, право распоряжаться плодами собственной деятельности. Только так. Не иначе. Причем все это в совокупности позволит не только наращивать запасы продовольствия, но и решать наиглавнейшую социально-нравственную проблему — возрождение традиции крестьянского хозяйствования. Почему некоторые прогрессивные публицисты и литераторы, в том числе народный депутат СССР писатель Василий Иванович Белов, ратуют за восстановление в полном объеме ленинских принципов землепользования, предлагают ввести частную собственность на землю? Неужто потому, что ретрограды? Вот уж нет. Они-то смотрят, что называется, в корень. Владение землей удесятеряет личную ответственность работника и за землю, и за все, что на ней вырастет. А в свою очередь, требует философии не поденщика, а хозяина — свободного человека. Значит, пойдет в гору и нравственность, состояние которой сегодня вызывает в обществе тревогу. Можно будет работать не только за «выход-день», не только за «выведенную десятку», а с надеждой, что передашь поле или луг сыну, внуку.

К великому огорчению, поиск Сивкова, Подгорнова, десятков других энтузиастов села, а также тех, кто помогает и сочувствует им, не имеет сегодня под собой прочной юридической и экономической основы. И это вызывает особое беспокойство. Казалось бы, ну что еще надо: в разных концах страны — на Южном Урале и в Казахстане, в Сибири и на Псковщине — есть убедительные ДОКАЗАТЕЛЬСТВА эффективности аренды крестьянских хозяйств. Но как при зарождении, так и теперь судьба их во мно-

гом зависит от ВОЛИ, ПРИХОТИ или ЖЕЛАНИЯ власть имущих, а точнее — от произвола.

Может, мы действительно торопимся, как писал об этом известный председатель колхоза на Кубани Алексей Исаевич Майстренко: «Я не против аренды, мы просто до нее еще не доросли: я имею в виду общество в целом. Существующие у нас производственные отношения с грехом пополам могут обеспечить лишь подряд, то есть полусамостоятельное ведение хозяйства» (Известия, 1989, № 223, 10 августа). Мне, конечно, трудно и не по плечу полемизировать с таким опытным, прошедшим огни, воды и медные трубы земледельцем. И все же душа протестует против полусамостоятельности. Кто же, кроме нас, будет ломать существующие производственные отношения — совершенствовать их, отсекать отчуждение и принуждение, создавать условия для возрождения работника-мастера!

«Груз» существующих отношений, их инерция и диктуют на местах такую линию, которая не только не дает какой-либо гарантии аренде, но и сковывает ее, будто колодка на шее каторжника. Довелось быть на пленумах Вологодского и Архангельского обкомов партии, где обсуждали аграрные проблемы. Замечаешь, что аренду признают, о ней говорят много и охотно. А вот когда доходит до определения ее места в системе существующих производственных отношений — тут осечка. Оказывается, аренда, кооперация, крестьянское хозяйство должны стать... надежным подспорьем колхозам и совхозам. Не о самостоятельном их существовании идет речь, а о зависимом.

Я категорически против того, чтобы вопреки здравому смыслу ломать какую-то структуру, приносящую отличный результат. Но если прилавки пусты, а человеку, желающему работать на земле, не дают ее ни в собственность, ни во владение, какой же в таком случае здравый смысл, в чем он? Недавно я познакомился еще с одним кандидатом в фермеры, который столь же безуспешно, как и Борисов, герой нашего первого очерка, пытается получить надел. Сергей Щукин даже окончил фермерские курсы в Вологде, собирался поехать еще подучиться в ФРГ у тамошних фермеров. Но вскоре понял, что его приготовления могут так и остаться «невостребованными». В пригородном совхозе, куда он обратился, ему сказали, что свободной земли нет.

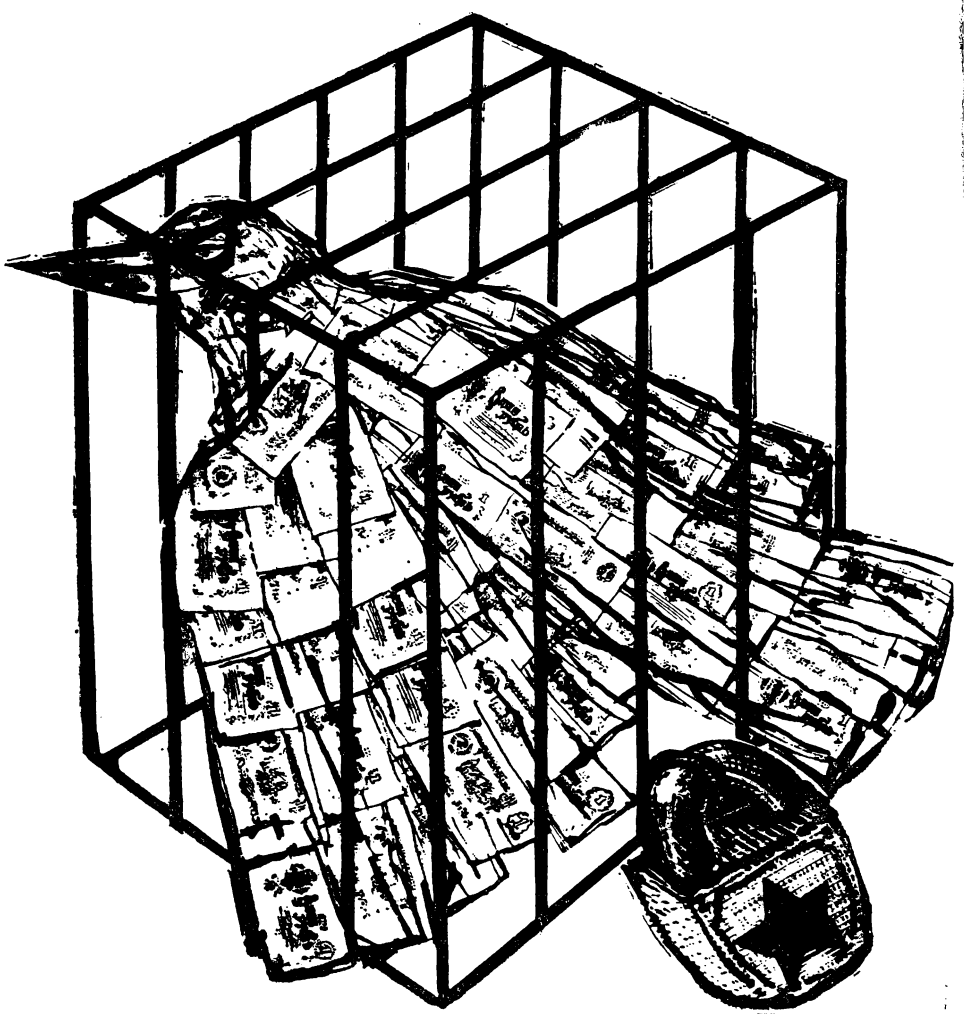
Подобный довод — очень серьезный аргумент в руках тех, кто не хочет иметь рядом с собой нормальных хозяев. Вот и получается, что законы об аренде, о собственности — сами по себе, а старые порядки, при которых крестьянин в колхозе как в кабале, продолжают себе спокойно существовать.

— Дефицит земли, допустим, существует,— рассуждал механик Сергей Щукин.— Но почему же тогда хозяйства, имея землю, не могут обойтись без постоянных десантов школьников, студентов, рабочих заводов? Пусть в таком случае хозяйства оставят у себя земли столько, сколько реально могут обрабатывать. Остальными угодьями они должны поделиться с теми, кто пока еще может и хочет трудиться на ниве. Неважно, кто он — житель села или города. И совсем не обязательно предлагать людям участки там, куда Макар телят не гонял. Если провести настоящую инвентаризацию земли, то выяснится: много ее — бесхозной, заброшенной, неучтенной, плохо обрабатываемой — не только в глубинке, но и возле городов. Жителей пригородных деревень не обязательно лишать лугов, пастбищ, сенокосов, участков лишь потому, что они работают в городе. Крестьянин по совместительству — это ведь тоже частичный выход из нашей кризисной продовольственной ситуации.

Важно понять: ни Борисов, ни Щукин, ни подобные им не хотят нанести ущерб обществу, развалить сельское хозяйство, хотя куда уж больше разваливать. Колхозы с совхозами пусть существуют, если способны вести дела безубыточно. Но это вовсе не значит, что рядом не могут быть арендные и семейные фермы, крестьянские хозяйства, кооперативы, другие формы хозяйствования. Ради бога, только бы дело шло в гору. Если кто-то боится, что колхоз и совхоз развалятся оттого, что удачливый фермер подтолкнет других выйти из такого коллективного хозяйства, то не бояться этого надо, а задуматься. Раз так, значит, это естественный процесс, и не препятствовать ему надо, а содействовать. Правление же колхоза способно по-настоящему быть полезным новым самостоятельным хозяевам. Ведь фермер, арендатор неискушен в бухгалтерии, ему бы по снабжению помочь, по сбыту продукции, организовать ремонт техники, дорог — да мало ли может на себя взять посредник, координатор! И делать это можно к взаимной выгоде, на основе договоров — никто в накладе не останется. Или легче командовать, понукать? Наверное, легче. Но уже ведь ясно, куда нас ведет эта дорожка...

Слушал я разных людей, у которых душа болит за жизнь нашу, за будущее, за детей и внуков. Каждый из них несет в себе какую-то крупицу истины. Соединить бы их так, чтобы путь вперед стал ясным и понятным... Но как это сделать? Пока уверенно могу сказать одно: земле нужен настоящий хозяин — не наполовину, четверть или треть,— хозяин в полной мере.

Архангельская область — Вологодская область.



ВРЕМЯ ДЕНЕГ

Авторы публикуемых ниже статей обсуждают одну из самых злободневных ныне тем — о денежной реформе. По этому вопросу высказываются мнения чаще всего полярные, непримиримые. Поэтому редакция «Диалога», предоставив убежденному стороннику денежной реформы В. Иохину возможность высказать свою точку зрения, публикует статью спорящего с ним противника такой реформы И. Липсица.

ЛИШНИЕ ДЕНЬГИ
КАК ОТ НИХ ИЗБАВИТЬСЯ?

Виктор ИОХИН

БУМАЖНЫЙ БУМЕРАНГ

В мае 1990 года на имя Президента Союза ССР М. С. Горбачева мною было направлено две записки. Время выбрано не случайно — ко второму заседанию Президентского совета, посвященному обсуждению проблем экономической реформы.

В первой записке я изложил свои концептуальные предложения по выводу страны из экономического кризиса. Одним из предложений было проведение денежной реформы. Подробному обоснованию ее необходимости и описанию механизма ее реализации я посвятил вторую записку, которая была написана в связи с тем, что со страниц самых разных печатных органов на нас, читателей, прямо-таки обрушился шквал статей. Авторы — чаще всего представители правительственных учреждений и подведомственных им НИИ.

Судьбу моих записок можно было бы посчитать обычной, не будь на дворе шестой год перестройки. О первой из них до сих пор ни слуху, ни духу. На вторую неожиданно получил ответ от зам. начальника сводного отдела Минфина СССР С. П. Кузичевой, которая выполняла поручение ЦК КПСС.

Оказывается, в министерстве разделяют мою обеспокоенность сложившимся финансовым положением страны. Но убеждают меня далее, что для проведения денежной реформы в настоящее время нет ни экономических, ни социально - политических предпосылок. Более того, сейчас, в период экономического кризиса, даже разговоры о проведении денежной реформы вредны. Надеюсь, читатель обратил внимание на появление этого нового слова в экономике. Мы-то и не подозревали, что чрезвычайные меры, к каковым относится и денежная реформа, принимаются на стадии экономического подъема и процветания. Это положение, очевидно, следует занести в анналы экономической мысли.

ИОХИН Виктор Яковлевич, доктор экономических наук, заведующий кафедрой Московского коммерческого института.

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВНИКОВ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ

Аргумент первый: незначительная средняя сумма вклада. Казалось бы, действительно, о чем беспокоиться, если она составляет всего-то 1500 руб. Хватило бы на проводы в последний путь... Только вот анализ счетов в Сбербанке нарушает такую идеальную картину. Так, из общего числа счетов (196 млн.) 1/3 составляют вклады, каждый из которых не превышает 300 руб., на 56% вкладов сумма не превышает 1000 руб. Всего же на вкладах, величина которых не превышает 2500 руб., лежит 111 млрд. руб. Такие вклады составляют около 81% общего количества счетов. Следовательно, на 19% счетов в банках приходится около 63% общей суммы депозитов Сбербанка. Пересчет на вкладчиков показывает, что менее 5% их общего числа владеют 160—170 млрд. руб.

Но только каждый восьмой гражданин нашей страны имеет счет в Сбербанке. Значит, на каждого вкладчика приходится в среднем пять вкладов. Ясно, что подавляющая часть населения владеет в лучшем случае одним-двумя вкладами. Следовательно, какая-то его часть обладает десятью и более вкладами. Эта часть населения — 2,3% богатых и 11,2% семей средней обеспеченности (половина из которых достигла достатка на дефиците). Остальные 86,5% советских семей можно с уверенностью отнести к категории бедных. О чем еще, как не о колоссальной концентрации денежных средств и имущества в руках очень узкого слоя населения, свидетельствуют эти данные?

И когда нас убеждают, что ежегодно выплачивается Сбербанком в виде процентов по вкладам примерно 7 млрд. руб., то мы позволим себе сделать важное уточнение: суммы эти в основном получают все те же 13,5% высокообеспеченных семей.

Наиболее состоятельными из этой узкой прослойки населения являются дельцы «теневой» экономики, представители административно - бюрократического аппарата, проходимцы от кооперации и их семейные кланы.

Если учесть, что личное имущество всего населения оценивается в 700 млрд. руб., а накопленный

капитал дельцов от экономики равняется 500 млрд. руб., то становится ясным соотношение, в котором распределяются и денежные «накопления», и движимое и недвижимое имущество между отдельными слоями нашего общества.

Следующий же довод — классический, тут и возразить нечего. А сводится он к тому, что для устранения материально-стоимостной разбалансированности и дефицита, которые порождают различные негативные явления, требуется комплекс мер политического, экономического, идеологического и юридического плана. Но оставим в стороне этот комплекс, ибо комплексностью, сложностью проблем мы научились отгораживаться от их решения, а затронем лишь экономический аспект. Разве денежная реформа — это не одно из важнейших мероприятий по установлению равновесия между товарной и денежной массой, не говоря уже о восстановлении социальной справедливости? Что же касается дефицита, то в который раз нас призывают сначала от него избавиться, а уж затем разворачивать рыночные отношения. Нам знакома эта песня, в припеве которой нас убеждают не столь быстро демонтировать командно-бюрократическую систему. Но, как свидетельствует практика, она не только не разрешила, но и с каждым десятилетием, с каждым годом усугубляла проблему дефицита, так что ее методы испытаны и показали свою нежизнеспособность.

Прежде чем перейти к анализу аргументов противников денежной реформы, дадим краткую характеристику денежному рынку в нашей стране. По состоянию на 1 января 1990 г. дефицит государственного бюджета составил 92 млрд. руб. (за 1989 г. сократился на 28 млрд. руб.), тогда как государственный внутренний долг за истекший год увеличился с 320 млрд. руб. до 400 млрд. руб. Вклады в Сбербанке превышают 320 млрд. руб. Кроме того, 51 млрд. руб. накоплен путем добровольного личного страхования и 18 млрд. руб.— в облигациях государственного 3-процентного займа. На руках у населения находится, по различным оценкам, от 80 до 500 млрд. руб. Это означает, что денежная масса превышает товарную примерно в 2—3 раза. Надо ли добавлять, что и в текущем году исправнее новой техники работают печатные станки Госзнака. Всемирно известные деятели науки, искусства, популярные артисты в данном случае не в счет: их доходы не так велики, как может показаться, они легко проверяются, а кроме того, не только общеизвестны, но и широко обсуждаемы нашей любознательной общественностью. Так что денежная реформа должна затронуть именно эту криминогенную зону.

Конечно, ее можно провести по-разному, в том числе и за счет трудовых сбережений. А это уже зависит от механизма реализации денежной реформы. На его разработку и надо направить усилия, а не повторять беспрерывно на высоком уровне, как заклинание, что проведение денежной реформы не в интересах народа.

Второй аргумент: выгоды от обмена денег призрачны, а издержки значительны. На этом настаивает А. Хандруев, директор Кредитно-финансового НИИ банков СССР. Он отмечает: «Даже допустив, что переоценке по шкале 1 : 10 будут подлежать вклады свыше 10 тыс. руб., то размеры конфискации составят около 30 млрд. руб.». Но в этом-то и проявляется порочность официального подхода к проведению денежной реформы. В ее основу должен быть положен другой принцип. От правным моментом в осуществлении денежной реформы должна стать не просто величина вклада (например, превышающая 10 000 руб.), а совокупная сумма сбережений, приходящаяся на каждого вкладчика. В противном случае могут пострадать люди, накопившие состояние благодаря своему труду.

По оценке других экономистов, сумма, которую получит госбюджет в результате денежной реформы, может составить 50 млрд. руб. (именно так определяет А. Воронов размер нетрудовых доходов во вкладах) или 150—200 млрд. руб. (такую сумму называет Н. Шмелев, учитывая ограничения на обмен наличных денег). В связи с этим следует уточнить возможные поступления в казну.

Из совокупной денежной массы, обращающейся на рынке,— 500 млрд. руб.— необходимо вычесть так называемые «горячие деньги». Примем их сумму равной 100 млрд. руб., по разным оценкам, от 60 до 150 млрд. руб. Из оставшихся 400 млрд. руб. только $^1/_3$ имеет своим источником вознаграждение за труд (это по самым оптимистичным оценкам!) Таким образом, незаконно присвоенные денежные средства составляют почти 300 млрд. руб. Кроме наличных денег, часть населения владеет незаконно присвоенным движимым и недвижимым имуществом, стоимость которого, как уже отмечалось, составляет около 500 млрд. руб. Значит, денежная реформа, проводимая одновременно с декларированием доходов, может дать сотни миллиардов единовременных поступлений. Такой принцип ее проведения гарантирует защиту сбережений, основой которых был труд.

Аргумент третий: основ-

ная опасность для денежного рынка состоит в увеличении количества «пустых» денег, т. е. денег, выплата которых не связана с ростом производства товарно-материальных ценностей. Проще говоря, приписок заработной платы.

Общий объем приписанной зарплаты в целом по стране в год составляет сейчас примерно 15 млрд. руб. Всего же с 1965 г. в результате приписок было выдано «лишней» зарплаты в сумме 270 млрд. руб. Однако эти суммы были частично «съедены» фактическим ростом цен, инфляцией, а частично в условиях постоянного дефицита товаров и услуг перешли к состоятельным слоям населения через спекуляцию и взяточничество. Так что большую часть этой 270-миллиардной суммы надо искать не у всего населения, а у все того же его узкого круга.

Общая же сумма хищений социалистической собственности, как прикрываемых приписками, так и прямых, составляет не менее 65 млрд. руб. в год и, следовательно, превышает сумму выплачиваемых трудящимся «пустых» денег более чем в 4 раза. Причем приписанная заработная плата нужна прежде всего дельцам «теневой» экономики, ибо позволяет списывать на нее ресурсы. Если учесть, что

минимальная пропорция между ними равна 1 : 2, то легко определить сумму хищения материалов, прикрываемых приписками. Она составляет 30 млрд. руб. Остальные 35 млрд. руб. приходятся на прямые хищения. Именно они, а не выплата «незаработанной» заработной платы представляют собой угрозу денежному рынку.

Аргумент четвертый: денежная реформа не затронет доходы, которые уже превращены в материальные ценности, движимое и недвижимое имущество, предметы роскоши.

Но для их выявления я и предлагаю провести в ходе денежной реформы декларирование доходов, в том числе денежных сбережений, ценных бумаг, движимого и недвижимого имущества. Введение же затем всеобщего и ежегодного декларирования доходов будет существенным препятствием для вовлечения в оборот утаенных материальных ценностей — декларации сразу же выявят их. Поэтому, если сокрытие имущества и будет иметь место, то оно не окажет заметного воздействия на состояние рынка.

В этой связи не могу не привести мнение председателя Государственной комиссии Совмина СССР по экономической реформе Л. И. Абалкина, который постоянно заявляет категоричное «нет» денежной реформе, ссылаясь на необходимость защитить сбережения трудящихся. При этом он подчеркивает: «Изъять сверхдоходы у дельцов «теневой» экономики, так сказать, у богатых, и отдать бедным — это не решение проблемы. Надо устранить причины, порождающие незаслуженный рост доходов». А. Хандруев ему вторит, утверждая, что главное не изъять деньги, а поставить заслоны на пути притока платежных средств в оборот.

Что ж, действительно, отнимать и делить — нам не привыкать. Но когда нам заявляют об этом, то говорят полуправду. Одна сторона правды — это огромные богатства, сосредоточенные в руках дельцов от экономики. Так что если правительство изыскивает средства для погашения дефицита государственного бюджета (а на это наводят размышления над предлагаемым правительством вариантом реформы цен), то, очевидно, было бы более правильно источник их искать здесь, а не пытаться решить эту проблему (в который уже раз!) за счет народа. Эта мера повысила бы и авторитет правительства, и люди, увидев, что власти наводят порядок в экономике на основе восстановления попранной социальной справедливости, без ропота взяли бы на себя часть тягот, сопряженных с выходом из экономического кризиса, в том числе и на основе правительственной ценовой реформы.

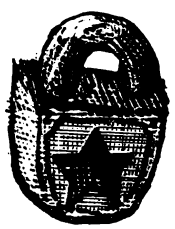
Другая сторона правды в том, что, замахнувшись на дельцов «теневой» экономики, правительство тем самым посягнуло бы на административно-бюрократический аппарат, сосредоточивший в своих руках денег и имущества на многомиллиардные суммы и в последнее время все больше сращивающийся с «теневой» экономикой, в том числе и через кооперативы.

И если правительство действительно хочет устранить причины, порождающие неоправданный рост доходов, то почему же оно не выступило в защиту государственных, общественных интересов спустя 3—4 месяца после принятия Закона о кооперации? Ведь уже тогда было очевидно, что кооперативы, получившие привилегированное положение по сравнению с другими хозяйствующими субъектами, стали тем каналом, через который государственные фонды и средства начали перекачиваться в сферу «теневых» операций.

Да потому, что административно - бюрократический аппарат, как и дельцов «теневой» экономики, устраивает такое положе-

ние дел, ибо оно позволяло и позволяет им безвозмездно присваивать средства, создаваемые трудящимися.

Тем более странно звучат сейчас призывы создать максимально льготные условия для кооперативов. Привилегированное положение кооперативов уже продемонстрировало свою роль в невиданном расхищении общественного достояния. Неужели этого мало? Значит, дело в другом. Расширение кооперативного сектора имеет глубокий экономический смысл как особый путь разгосударствления собственности. Видимо, речь идет о том, чтобы через присвоение общественного достояния отдельными лицами или группами расширить экономическую базу для частного предпринимательства в целях последующего влияния на экономику.



Переход к экономике рыночного типа может быть и другим, без обострения социально-экономической и политической напряженности, без мучительных перераспределительных процессов. Почему необходимо создавать льготы для кооперативов, когда можно пойти по другому пути? Передать небольшие, а возможно, и средние предприятия, в первую очередь с низким уровнем технического оснащения и относительно изношенными основными фондами, в полную собственность трудовых коллективов. Просто передать! Без всякого выкупа или аренды! Ведь эти средства производства созданы именно трудящимися, а плачевное положение таких предприятий — вина не их коллективов, а вышестоящих органов, забиравших прибыль, но не выделявших достаточных средств для нормального их функционирования.

Создание равных условий деятельности, равноправие всех форм собственности смогут выявить наиболее жизнестойкие и конкурентоспособные предприятия.

Когда же нам говорят об удушении кооперативного сектора в угоду темным предрассудкам толпы и безграмотной бюрократии, то позволим себе не согласиться в следующем. Во-первых, следовало бы видеть не толпу, а большинство трудящихся, ущемленное в своих правах на высокопродуктивный, добросовестный и высокооплачиваемый труд. Во-вторых, бюрократия, возможно, и безграмотна, но четко знает свой экономический интерес и использует кооперативы для собственного обогащения. А кроме того, искусственно созданные неравные условия деятельности в кооперативном и государственном секторах используются ею для столкновения трудящихся, для накала страстей, направленных против прогрессивных форм хозяйствования, для подготовки общественного мнения к возврату прежних экономических отношений.

Аргумент пятый: такую хирургическую операцию, как денежная реформа, наше и без того больное общество не выдержит, а сама перестройка и ее лидеры надолго лишатся поддержки значительной части наиболее перестроечной части населения — его «среднего класса». Таким «средним классом», самым перестроечным, очевидно, надо считать предприимчивых людей, сколотивших состояние в период господства административно-командной системы и сколачивающих его сейчас, в условиях пробуксовки экономических методов хозяйствования. Но ведь их предприимчивость базируется, как правило, на использовании брешей в действующей системе и не имеет ничего общего с принципами конкурентной экономики.

Ну и аргумент шестой: денежная реформа вызовет увеличение спроса на дешевые товары, которые и без того буквально на глазах исчезают с полок магазинов. Странно, что руководитель ВНИИ конъюнктуры и спроса А. Воронов, которому принадлежит это утверждение, ищет причину исчезновения дешевых товаров в сфере обмена, а не в сфере производства. Это во-первых. А во-вторых, при предлагаемом мною варианте денежной реформы все трудовые сбережения сохранятся. Кто накопил их благодаря своему труду, сохранит и спрос на товары длительного пользования и дорогостоящие товары. В-третьих, изъятие незаконно присвоенных средств как раз и облегчит приобретение дорогостоящих товаров людьми, обладающими действительно трудовыми доходами. В-четвертых, «обеднение» нуворишей не приведет к резкому спросу на дешевые товары. Они не пользовались ими и вряд ли станут пользоваться в дальнейшем, а если и увеличится такой спрос, то незначительно, как незначительна сама эта прослойка. Поэтому этот аргумент тоже бьет мимо цели.

Для решения крайне сложной задачи по оздоровлению товарно-денежного обращения Н. Шмелев предлагает массированную государственную «товарную инвестицию» и иммобилизацию денежных ресурсов путем привлечения их в различного рода долгосрочные активы. Это включает в себя продажу или сдачу в аренду зем-

ли, продажу государственных квартир, распродажу сверхнормативных запасов материалов, неустановленного оборудования; выпуск товарных займов, доходных государственных ценных бумаг (займов) сроком от 30 дней до 30 лет с нормой процента на уровне 7—8% годовых; аукционную продажу средств производства; временное сокращение экспорта потребительских товаров; нормализацию казенной торговли спиртным.

Что ж, мы тоже поддерживаем весь этот комплекс мероприятий как объективно необходимый важнейший элемент оздоровления рынка, но только после проведения денежной реформы. В противном случае все эти меры приведут к дальнейшему углублению социальной пропасти между имущими и бедными. Нам всем необходимо дать четкий ответ на вопрос: кто все это будет покупать и вкладывать в «это» капитал? Ответ дают со всей откровенностью противники денежной реформы. Так, П. Бунич считает, что необходимо легализовать «теневые» капиталы, вкладывая их через частную собственность в подъем экономики. Активно протестуя против роста заработной платы, повышения пенсий, стипендий и подчеркивая якобы малое давление, оказываемое крупными сбережениями и имуществом, А. Воронов призывает привлекать «зарождающийся капитал к активному и эффективному функционированию».

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ

1. Денежная реформа должна быть проведена не за счет и не в ущерб народу, а в интересах трудящихся. Поэтому надо разъяснить населению ее механизм и объявить о необходимости внести на счета в Сбербанке все имеющиеся денежные знаки. Наличных денег может быть обменено, скажем, не более чем 100—200 руб. Все остальные деньги старого образца, оставшиеся у населения на руках после проведения реформы, полностью утрачивают свою покупательную способность. Эта операция должна быть проведена в кратчайшие сроки. На это время необходимо прекратить продажу дорогостоящих товаров, а на продажу обычных товаров установить лимиты.

2. Все счета замораживаются. Владельцы вкладов в этот срок обязаны будут перевести все имеющиеся вклады на единый счет. В случае выявления в дальнейшем нескольких счетов вкладчика сбережения аннулируются. Финорганы и сбербанки выявляют совокупные сбережения, принадлежащие отдельным лицам и семьям, и на этой основе определяют круг лиц, которые обязаны представить декларацию на все денежные средства и имущество. К таким лицам могут быть отнесены те, у кого в общей сложности, независимо от количества счетов, имеется, например, более 10 000 руб. Таким образом, отправным моментом должна стать не величина отдельного вклада, а общая сумма денежных накоплений.

На этот период необходимо установить жесткий контроль над сферой обращения с тем, чтобы не допустить махинаций с нетрудовыми доходами.

3. Новая денежная единица вводится без изменения масштаба цен. Обмен старых денег на новые осуществляется 1:1. Это обеспечит спокойствие на товарном рынке и одновременно позволит существенно сократить расходы на проведение денежной реформы.

4. Вкладчики, имеющие на всех счетах больше установленной суммы, например, более 10 000 руб., обязаны предъявить декларацию об источниках денежных накоплений, движимого и недвижимого имущества, а также указать общую стоимость облигаций. Умышленные искажения при заполнении деклараций, сокрытие доходов должны повлечь передачу дела в суд, который может в качестве меры наказания наложить штраф и даже аннулировать все вклады.

Лица, добровольно сдавшие незаконно присвоенное имущество, сохраняют все гражданские права и не подлежат судебному преследованию.

5. Все вклады в Сбербанке, подтвержденные декларациями о доходах, сохраняются. Недекларированные денежные сбережения аннулируются и переходят в собственность государства.

6. Вводится ежегодное декларирование доходов всем взрослым населением страны как форма контроля за правильностью уплаты налога и указания источников доходов. Эта мера оградит рынок от вовлечения в оборот имущества, утаенного во время выборочного декларирования сбережений и имущества. Лица, уличенные в сокрытии имущества при ежегодном декларировании доходов, преследуются в соответствии с законодательством.

7. Все лица, привлеченные к проведению денежной реформы и контролю за ее реализацией и замешанные в противозаконных операциях или в попустительстве им, прив-

лекаются к уголовной ответственности.

8. Активизируется работа по переходу к «электронным деньгам», которые лишат накапливаемые сбережения анонимности. По оценкам специалистов, внедрение электронной банковской системы требует 5—10 млрд. руб. Эта сумма может быть перекрыта многократно в результате проведения денежной реформы.

ОЖИДАЕМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Общая сумма, которую государство сможет получить в результате денежной реформы, составит, по моей оценке, 250—300 млрд. руб. Она позволит не только ликвидировать дефицит государственного бюджета, но и станет источником средств для единовременного погашения если не всего, то большей части внутреннего долга (на середину 1990 г. он превысил 460 млрд. руб.). С экономической точки зрения это значит, что у правительства наконец-то существенно расширятся возможности для дополнительных инвестиций в отрасли, работающие на потребительский рынок, для финансирования социальной сферы, здравоохранения, образования, культуры, решения других жгучих проблем. Форсирование, в том числе дефицитное, государственных и других инвестиционных программ даст толчок экономической активности в других сферах деятельности, а значит, ускорит наш выход из экономического кризиса.

Проведение денежной реформы в предлагаемом варианте позволит восстановить социальную справедливость, попранную как в годы застоя, так и в годы перестройки, а значит, решит важнейшую социально - политическую задачу. Изъятие средств у коррумпированных кругов административно-бюрократической системы и различного рода дельцов от экономики — это первый и решающий шаг к восстановлению доверия народа к правительству. И дело здесь не в стремлении к «пещерному» равенству, в чем меня, видимо, спешат упрекнуть некоторые читатели, а в создании нравственно обновленной социально-психологической обстановки в нашем обществе. Обстановка, в которой будет обеспечено относительное равенство стартовых условий для участия всех слоев населения в новых, рыночных формах хозяйствования. Под равными стартовыми условиями я понимаю не уравнительность, а равенство возможностей, базирующихся на имущественных и денежных накоплениях, источником которых был труд. В этих условиях перед всеми членами нашего общества открываются относительно равные возможности добиться благополучия, но на основе инициативы, а не бездеятельности; предприимчивости,

а не бесхозяйственности; экономического риска, а не безответственности; творческого, а не бесполезного труда.

Все это, конечно, не может не вызвать расслоения общества. Но это расслоение будет основано на труде, как живом, так и овеществленном, и будет происходить одновременно с подъемом общего уровня жизни. И можно особенно не беспокоиться об этом расслоении, так как упасть ниже той бездны социальной несправедливости и нищеты большей части населения, в которую мы угодили, очевидно, просто нельзя.

А что же произойдет, если денежная реформа проведена не будет и незаконно накопленное богатство останется у его сегодняшних владельцев? Вероятнее всего, наши социалистические нувориши обратят его в средства производства, землю, квартиры, ценные бумаги, будут получать доходы на капитал и скупать на аукционах товары и валюту. Те же, кто нажил большие состояния, занимая высокие посты в административно - бюрократической системе, те, кто породил в невиданных масштабах «теневую» экономику и мафию, те, кто привел страну к жестокому экономическому кризису, наверное, отойдут от дел, начнут «отмывать» деньги и имущество и смогут перейти уже вполне легально к эксплуатации чужого труда на основе награбленных капиталов.

Меня опять могут упрекнуть в жажде отнимать и делить. Нет у меня этой жажды! Но есть стремление не заниматься социальной демагогией. И если мне говорят, что не нужна никакая другая денежная реформа, то должны сказать и то, что логически вытекает из отказа от нее проведения: надо объявить всех наших миллионеров хозяйствующими субъектами и призвать их легально пускать в оборот свои средства.

Это тоже выход, но выход по пути иного выбора. В таком случае не надо твердить о социальной справедливости на переломном этапе нашего развития, о возрождаемом социализме.

РАНО ОТПЕВАТЬ РУБЛЬ

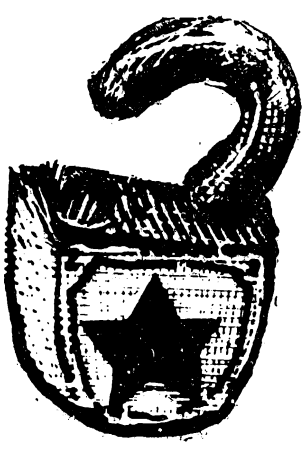
Статью В. Иохина комментирует Игорь ЛИПСИЦ, кандидат экономических наук, заведующий отделом НИИ банков СССР

НАШЛИ ТОПОР ПОД ЛАВКОЙ?

Одна из поразительно интересных особенностей мышления наших сограждан — склонность к поиску простых и быстрых решений сложнейших проблем. При этом каждый очередной утопический проект, конечно же, должен обеспечить полнейшую социальную справедливость и гарантировать невиданный расцвет в будущем. Увы, знакомый привкус утопического реформаторства я ощутил и в статье В. Иохина. Это очень огорчительно, поскольку автор совершенно справедливо озабочен той же проблемой, что волнует и меня,— разбалансированностью потребительского рынка, и я убежден в его искреннем стремлении помочь стране выйти из этой опасной ситуации. К сожалению, та система доказательств, которой В. Иохин пользуется для оправдания необходимости денежной реформы, меня не убеждает. И вот почему.

Передо мной лежат те же данные о структуре сберегательных вкладов населения, что и перед В. Иохиным, и я ясно вижу, как он искусно ими манипулирует, чтобы убедить читателей в своей правоте. Верно ли, что на 19% счетов в Сбербанке СССР приходится около 63% общей суммы сбережений? Верно. Но вот почему В. Иохин оборвал свой анализ суммой в 2500 руб.? Или он полагает, что сумма свыше двух с половиной тысяч рублей доступна только жуликам и взяточникам? Между тем если бы В. Иохин честно довел свой анализ сбережений до конца, то читатели узнали бы, что из этих 63% подавляющая часть—52,3% общей суммы сбережений приходится на вклады с суммой не свыше 10 тыс. руб.

Счетов же с остатком средств свыше 10 тыс. руб. в стране всего 2,2 млн., и на них сосредоточено лишь около 30 млрд. руб. Вкладов крупнее 50 тыс. руб. насчитывается всего 3 тысячи, а крупнее 200 тыс. руб. вкладов в СССР нет вообще.



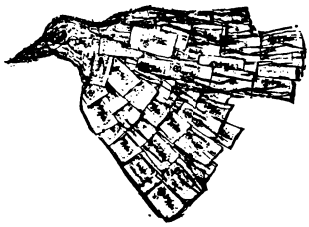
Эти цифры убедительно свидетельствуют о том, что Сбербанк СССР — «банк бедных». Особенно это становится очевидным, если учесть, что подавляющее большинство вкладов не позволяет их вкладельцам приобрести одновременно хотя бы два из наиболее дорогих предметов потребления, поскольку легковой автомобиль стоит 7—12 тыс. руб., однокомнатная квартира — 8 тыс. руб., мебельный гарнитур—3—7 тыс. руб., строительство и обустройство садового домика и участка — 5—8 тыс. руб.

На это у В. Иохина готов контраргумент — «богатые владеют несколькими вкладами». Допустим, что это так. Примем даже за отправную точку число вкладов у одного «богача» — 10. Любопытно, сколько же мы тогда насчитаем в СССР миллионеров?

Итак, за счет самых крупных вкладов (более 50 тыс. руб.) наберется в лучшем случае 200 человек с общим капиталом соответственно 200 млн. руб. Возьмем теперь вклады поменьше — с остатком вкладов от 25 до 50 тыс. руб. Таких вкладов в стране лишь 51 тыс., и сосредоточена на них сумма порядка 1,6 млрд. руб. Этого хватит лишь на 1,5 тыс. миллионеров, и то, если каждый из них не возьмет себе ни рубля сверх миллиона. Правда, при этом каждому из них придется заводить уже не по десять, а по 30—40 сберкнижек.

Еще сложнее проблема с хранением своих миллионов выглядит для тех из «теневиков», кто пользуется сберкнижками на сумму от 10 до 25 тыс. руб. Таких вкладов в стране около 2 млн., и сосредоточено на них примерно 28 млрд. руб. Этой суммы достаточно соответственно для 28 тыс. миллионеров при условии, что все они имеют по сберкнижке.

Поскольку я не допускаю, что советские миллионеры настолько глупы, что держат свои богатства на книжках с суммами менее 10 тыс. руб. (уж больно это неудобно и опасно при нестабильности нашей денежной системы), можно подводить итоги. Как ни считай, больше



30 тыс. миллионеров не набирается, если даже допустить, что ни один честный советский гражданин не может накопить за свою жизнь более 10 тыс. руб. Приняв численность «миллионерских» семей на минимальном уровне в 3 человека, мы получим 10 тыс. семей или примерно 1/7 000 от общего их числа в СССР, а их общее состояние (в части сберегательных вкладов) — 30 млрд. руб. Соответственно и за счет выплат по процентам на долю этой гипотетической группы «совмиллионеров» приходится ежегодно лишь порядка 700—750 млн. руб.

Как видите, опираясь на одни и те же цифры, мы пришли с вами совсем к другой картине, чем В. Иохин. Проще говоря, в Сбербанке СССР богатства «теневой экономики» искать бесполезно, даже если отказаться от принципа тайны вкладов и перейти к принципу «одна семья — одна сберкнижка». Тем самым предложенная В. Иохиным схема денежной реформы теряет половину аргументов «за».

Ну, а те аргументы, которые связаны с введением декларирования имущества и доходов? Обсудим и их.

По сути дела, речь идет об инвентаризации всего личного имущества советского народа, всех десятков миллионов семей, населяющих наши республики. Выдвигая свое предложение, В. Иохин опирается на систему налоговых деклараций, существующую в ряде капиталистических стран. Но реален ли перенос такой системы в наши специфические экономические, социальные и политические условия?

Позволю себе высказать глубокую уверенность, что сегодня в подавляющем большинстве союзных республик Верховные Советы не решатся предложить своим гражданам подробно отчитаться о том, чем они владеют и откуда они взяли деньги на приобретение имущества, стоимость которого превысит предлагаемую В. Иохиным границу в 10 тыс. рублей.

Кстати, с самой этой величиной связана вторая проблема, которую В. Иохин почему-то не осознает. Речь идет о том, как оценивать имущество граждан. В каких ценах это делать? Особенность нашей отечественной «теневой экономики» и связанных с ней коррумпированных групп государственных служащих состоит в том, что она руководствуется принципом «ты — мне, я — тебе по государственным розничным ценам». Зато с простых граждан за те же товары сдирают три шкуры (в Москве, например, в последнее время кухонный гарнитур можно купить лишь за пятерную цену!). Вот и возникает вопрос: как оценить новенькие «Жигули» — по госцене или по цене «черного рынка». То же относится сегодня, увы, к любому виду недвижимого имущества и домашнего инвентаря. В странах с развитой рыночной экономикой таких проблем нет, а у нас она может взорвать всю работу по декларированию доходов. Действительно, принять за основу государственные цены — сделать подарок «теневикам» и «взяточникам». Если же попытаться внедрить систему реальной рыночной оценки, то это откроет дорогу для огромного произвола и создаст условия для злоупотреблений и вымогательства в таких масштабах, которых мы еще не видали.

Отсюда лишь один шаг до третьей проблемы, которая делает сомнительной возможность денежной реформы «по Иохину». Речь идет о том, что в условиях низкой общественной морали и разгула преступности проведение инвентаризации всего имущества граждан страны обеспечит получение мафией полного банка данных о потенциальных кандидатах на ограбление или шантаж. Это неизбежно, поскольку вновь формирующаяся налоговая инспекция СССР сама с этим не справится (недаром сейчас часть ее прямых обязанностей пришлось переложить на бухгалтерии предприятий, заставив их учитывать побочные доходы своих работников). Специалистов же по оценке недвижимости граждан у нас вообще можно по пальцам сосчитать — раньше-то этот вопрос интересовал только следователей...

И последняя из «чисто технических» причин, делающих крайне сомнительной возможность реализации предложений В. Иохина. Он почему-то уверен в возможности однозначно идентифицировать принадлежность имущества какому-либо из подпольных миллионеров. Между тем опыт послевоенных денежных реформ в СССР и Германии, равно как и материалы «хлопковой аферы» убедительно свидетельствуют о том, сколь легко найти подставных лиц для хранения и юридической легализации незаконных богатств. Американская полиция, имеющая несравненно больший опыт борьбы с мафией и оснащенная не в пример нашему МВД, отмечает каждый случай захвата незаконных денег, направленных на «отмывание», как большую победу. Провести же операцию по единовременному отделению «чистых» богатств от «нечистых» в

масштабах такой страны, как СССР,— подвиг, который не под силу даже Гераклу, не говоря уж о наших милиции и судах. Все аргументы «против» предложений И. Иохина приходится приводить потому, что ученые-теоретики еще не всегда доводят свои проекты до степени практических рекомендаций, не беспокоятся о том, чтобы тщательно взвесить положительные и отрицательные последствия своих радикальных предложений.

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ «РУБИТЬ СПЛЕЧА»

Ну ладно, предложенная В. Иохиным модель денежной реформы не годится, но сама-то идея такой реформы имеет смысл или нет? Нельзя же в самом деле отрицать наличие в СССР мощной «теневой экономики», масштабы оборота которой оцениваются специалистами на уровне 15—20% валового национального продукта страны! Все так, но денежная реформа тут не поможет.

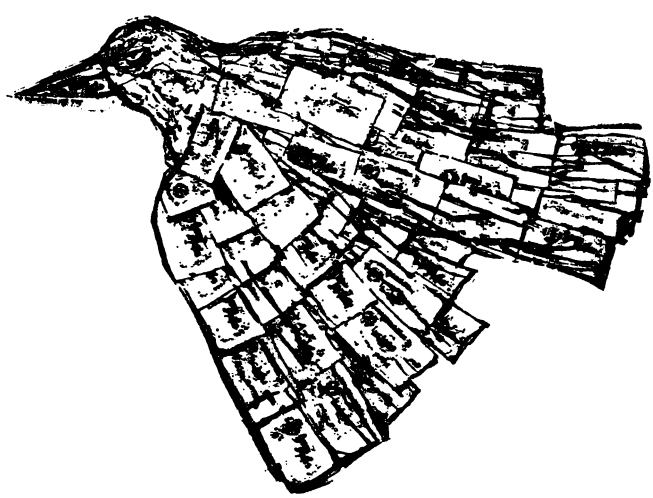
Я убежден в обратном — денежная реформа стала бы для нашей экономики не лекарством, а смертельным ядом, испить который пришлось бы вовсе не королям «теневой экономики», а тем самым простым труженикам, которые добывают свой хлеб насущный тяжким трудом и долгими стояниями в очередях. Пойти на проведение денежной реформы означало бы признать, что наше государство полностью обанкротилось, что наше национальное богатство — фикция и что мы полностью лишены умения выпутываться из экономических трудностей цивилизованными способами. Конечно, «загнанных лошадей пристреливают», но наше народное хозяйство, хотя и измучено блужданием по глухим лабиринтам административно-командной системы управления, еще вполне жизнеспособно. Рано отпевать и рубль, хотя он и потрепан в безуспешных попытках поменять его на нужный товар.

Взгляните на рубль. Да-да, на самый обычный, бумажный. И в левом нижнем его углу вы увидите надпись в рамочке: «Государственные казначейские билеты обеспечиваются всем достоянием Союза ССР...» Гарантия же покупательной способности крупных купюр — золото, драгоценные металлы и прочие активы Государственного банка СССР. Так разве у Союза ССР уже нет никакого достояния, которое могло бы поддержать репутацию рубля? Или неведомые «супермедвежатники» обчистили сейфы Госбанка СССР, а милиция скрывает это ограбление века от народа?

Так нет же — богатства СССР огромны и разнообразны: от нефти и золотого запаса до мощных предприятий, продукцию многих из которых охотно покупают за вполне конвертируемую валюту. Да и банки СССР отнюдь не опасаются разорения. А раз так, то получается, что объявлять страну банкротом нам предлагают не по объективным экономическим причинам, а потому, что у нас есть «теневая экономика», но зато нет товаров народного потребления. Дефицит неизбежен потому, что мы их производим мало. И сколько ни обменивай деньги — в натуре товаров от этого не прибавится, а скорее даже — станет меньше.

Денежная реформа того типа, которая предлагается сегодня отечественными «радикалами», если кому и выгодна, то именно дельцам «теневой экономики». Неожиданная мысль, не правда ли? Но это именно так и подтверждается, например, прекрасно изученным нашими специалистами опытом денежной реформы 1948 года в Западной Германии.

Такая реформа (и даже сами разговоры о ее возможности!) неизбежно подрывает авторитет денег как средства накопления сокровищ. Слово «сокровище» звучит экзотично и слегка насмешли-



во по отношению к нашему рублю, но это дела не меняет,— нормально функционировать могут только те деньги, которые способны служить людям как неприкосновенный запас, спасающий при жизненных невзгодах или помогающий уберечься от нищей старости! Бумажные деньги уже по самой сво-

ей природе справляются с этой ролью не слишком хорошо (и потому дельцы «теневой экономики» уберегают свои богатства от разрушительного воздействия инфляции и «взбрыков» чиновничьей фантазии тем, что вкладывают средства в драгоценности, антиквариат и конвертируемую валюту), а уж денежные реформы сводят этот авторитет и вовсе к нулю. И тогда начинается то, что уже сегодня можно увидеть по всей стране — люди лихорадочно пытаются избавиться от «подозрительных» денег, обменивая их на любые попавшиеся на пути товары. Драки в очередях у ювелирных магазинов, массовая скупка годами лежавших в магазинах ковров и даже часов — все это симптомы хорошо известной экономистам болезни под названием «бегство от денег», обостряемой недоверием к правительству,— «обещали не трогать до 10 тысяч, а завтра возьмут да и заберут все сверх 2 тысяч! Знаем мы их!».

Падение авторитета денег и «бегство» от них не только обостряют до предела дефицит товаров, но и создают режим «наибольшего благоприятствования» для всех и всяческих спекулянтов и махинаторов. В то же время самые высококвалифицированные и соответственно самые высокооплачиваемые работники теряют интерес к труду — зачем зарабатывать много, если возможность получения высококачественного товара все больше зависит от наличия талонов на такие товары или способности выстоять изнурительные очереди. А результатом такого падения интереса к труду становится дальнейшее сокращение производства товаров. Порочный круг замыкается...

Эти последствия падения авторитета денег в результате реформ денежной системы и разговоров об их необходимости достаточно очевидны для любого. Менее осознаются большинством людей последствия иного рода, пугающие как раз больше всего специалистов. Прежде всего надо сказать о том, что подрыв авторитета государственной системы сбережений окажется в современных условиях страшным ударом по денежному обращению. Поняв, что и сберкасса не обеспечивает сохранность денег, многие наши сограждане будут готовы переплачивать спекулянтам любые суммы, лишь бы воплотить свои заработки в единственно реальные ценности — качественные товары. Но сокращение притока наличных денег в сберкассы и увеличение их поступления в руки дельцов «теневой экономики» чрезвычайно затруднит

выполнение кассового плана государства, а проще говоря — станет еще сложнее вовремя находить деньги для выплаты заработной платы (ранее выданная зарплата-то обратно к государству возвращаться не будет ни через кассы магазинов, ни через окошечки сберкасс!). Уже сегодня задержки с выплатой зарплаты достигают нескольких дней, а после денежной реформы они возрастут еще больше, и, чтобы избежать волнений, государству придется еще сильнее раскручивать печатный станок, наращивая выпуск «пустых» денег и стремительно съедая даже те выгоды, которые даст (если даст!) денежная реформа.

А самое главное состоит в том, что для стабилизации потребительского рынка и облегчения финансовых тягот государства можно найти куда более эффективные и безболезненные пути. Для этого надо лишь отказаться от привычных стереотипов экономических решений и устоять перед искушением провести с помощью денежной реформы нечто вроде нового раскулачивания. Наш собственный горький опыт показал, что сколько ни дели, сколько ни отбирай у тех, кто побогаче, сколько ни размазывай кашу по тарелке — ни богаче, ни сытнее страна от этого не становится. Я уж не говорю о том, что последовать призывам сторонников денежной реформы конфискационного типа и нарушить тайну вкладов означало бы сделать шаг в направлении, прямо противоположном тому, что может привести нас к правовому государству. Стоит ли обществу приносить такую жертву только ради того, чтобы на 10—20 млрд. руб. сократить сбережения «теневиков», — большего добиться вряд ли удастся в силу указанных выше причин.

Призывы к денежной реформе конфискационного типа — симптом экономической паники «день-гобоязни», охватившей тех, кто в глубине души боится развития товарно-денежных отношений и не может себе даже представить, как решать порождаемые этими отношениями проблемы экономическими методами, а не путем создания «комитетов бедноты», «продотрядов», «рабочего контроля» и тому подобных инструментов командно-административного управления людьми. Такая реформа больше всего похожа на лечение пиявками— она, конечно, позволит «отсосать» у больного рубля часть «дурной крови» и предотвратит сиюминутный инсульт, но ни в коей

мере не устранит тех причин, которые привели рубль в такое состояние. Стабильное же излечение рубля, которому апоплексический удар грозит из-за непомерной толщины, может обеспечить лишь программа оздоровительной финансовой физкультуры, способная превратить огромные жиро-

вые складки «пустых денег» в мощную мускулатуру, позволяющую спокойно держать на плечах гигантское здание советской экономики.

С ЧЕГО НАЧАТЬ ЛЕЧЕНИЕ РУБЛЯ?

Первый принцип оздоровительной физкультуры постепенность в увеличении нагрузок. Все это полностью относится и к финансовой гимнастике для рубля. Больному, долго бессильно лежавшему в кровати, нельзя рекомендовать сразу же бег трусцой. На первых порах ему лучше даже ходить с поддержкой, например, опираясь на палочку. Такой «палочкой» для нашего рубля могла бы стать система мер по коренной реформе советской системы сбережений.

Надо сказать, что по сей день отношение в нашей стране к сбережениям населения весьма двусмысленно. С одной стороны, руководство государственных банков (впрочем, как и Минфин, заимствующий деньги у банков для затыкания дефицита в госбюджете) молится на стабильность Сберегательного банка СССР, ресурсы которого образуют базу кредитного плана. С другой стороны — хранение сбережений рассматривается некоторыми прямо-таки как благодеяние государства по отношению к вкладчикам. С вкладчиков впору чуть ли не плату за такие услуги брать, а не то, что еще и платить им проценты по вкладам.

Перестройка промыла нам глаза, и мы вдруг обнаружили, насколько же мы бесправны, причем во всем. Но если бесправие в области свободы совести, свободы слова, свободы перемещений уже осознано массой советских людей (во всяком случае, на это уже можно надеяться), то поразительное бесправие наших граждан в экономической сфере — тема, о которой еще предстоит говорить и говорить. Диапазон ограничений, наложенных на экономические права гражданина СССР, очень широк. К их числу относятся и кабальные условия расходования заработанных нами денег. Если искать ярчайший пример сверхмонополизации в социалистической экономике, то им будет как раз сберегательное дело. Даже в торговле нет такого — вы все-таки имеете возможность выбора между государственной, кооперативной и рыночной торговлей продовольственными товарами (хотя сейчас такая возможность скорее носит теоретический характер). Но если у вас остался непотраченный рубль, который вы хотите отложить на покупку шкафа, свадьбу дочери или, простите, на собственные похороны, то путь у вас только один — к окошечку Сберегательного банка. А монополист он и есть монополист, и ему нет нужды особенно напрягаться — все равно деваться-то вам некуда (едва новоиспеченные коммерческие банки добились права принимать сбережения населения, как им тут же ввели ограничения — процент по вкладам не должен быть выше, чем в Сбербанке!).

Это привело к тому, что наша система сбережений — уникальная в мировой истории банковского дела, а Сбербанк СССР пока не столько сберегает наши деньги, сколько пускает их по ветру инфляции. На чем основано такое утверждение? На том простом факте, что Сбербанк платит по вкладам процент ниже, чем реальный уровень инфляции, и тем самым нарушает основной закон сбережений в условиях падения покупательной способности денег.

Понимание истинного положения дел все шире распространяется среди клиентуры Сбербанка СССР, и потому люди стараются сначала максимально «отоварить» деньги, покупая все мало-мальски стоящее, а уж потом положить на книжку те остатки, которые с пользой потратить никак невозможно. Переломить эту пагубную для нашего денежного обращения ситуацию можно, только принципиально изменив политику процентных ставок по сберегательным вкладам, чтобы люди не боялись отдавать деньги Сбербанку СССР и знали, что их давшиеся нелегким трудом сбереже-

ния не растают завтра под ударами инфляционных волн. Сегодня настолько важно максимально отвлечь деньги с рынка в банковскую систему, что стоит, видимо, ввести да-

же некоторую прогрессию процентных ставок в зависимости от того, сколько времени лежит вклад нетронутым.

РАЗОРИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕНТ

Дойдя до этого места, работники Сбербанка СССР скорее всего только руками разведут — да как же мы можем выплачивать такие проценты, если все наши ресурсы забирают государственные спецбанки и платят нам за них всего лишь 2,77%?! Да, дело обстоит именно таким образом, и в этой системе мизерных процентных ставок по кредитным операциям кроется одна из разгадок того, как наша государственная экономика ухитряется не разориться при столь низкой эффективности своей работы. Ее спасают наши сбережения, и если государство позволяет себе загонять миллиарды рублей в гигантские каналы и «нулевой цикл» множества незавершенных строек, то возможно это только за счет раскручивания печатного станка и нашей терпимости к мизерным процентным ставкам по сбережениям. Именно Сбербанк — то самое Поле Чудес в Стране дураков, за счет которого лисы Алисы и коты Базилио из нашего управленческого аппарата покрывают свои просчеты и бесхозяйственность. С этих позиций реформа системы сбережений должна затронуть, несомненно, и второй аспект деятельности Сбербанка — использование им своих ресурсов. Сбербанк должен получить право взимать за предоставляемые им кредиты такие проценты, которые компенсировали бы его собственные выплаты по вкладам.

Если учесть, что сегодня долгосрочные кредиты у нас в стране предоставляются за плату в размере 0,85% («смехотворно низкую», по оценке нового председателя правления Госбанка СССР В. В. Геращенко), то речь идет, по сути дела, чуть ли не о десятикратном повышении платы за кредиты. Конечно, на рытье каналов таких доходов не получить. А вот на производстве высококачественных товаров народного потребления — вполне возможно. Иными словами, необходимо замкнуть круг — повысить проценты по вкладам, чтобы отвлечь деньги с опустошенного рынка, а затем вкладывать эти деньги в высокоэффективные и быстро реализуемые проекты развития производства качественных товаров для народа, на приобретение которых люди будут охотно копить деньги.

Весьма эффективная мера стабилизации рынка — создание системы беспроцентных сберегательных вкладов для тех, кто хочет купить себе жилье или остродефицитные и дорогостоящие товары (автомобили, мебель, садовые домики, меховые изделия). При этом необходимо только жестко оговорить срок, в течение которого будет получен желанный товар. Если Сбербанк решится открыть такие сберегательные вклады «под дефицит», ему необходимо сделать и следующий шаг — создать на основе привлеченных средств акционерные предприятия по производству этого самого дефицита, выкупив для этого, например, часть предприятий у сегодняшних министерств и наняв для управления ими высококвалифицированных руководителей (или организовав совместные фирмы с зарубежными партнерами).

Но захотят ли люди вложить деньги в такого рода программы, или горький опыт развития «денежно-бестоварных отношений» подорвал их доверие ко всяческого рода займам окончательно? Я рискну дать на этот вопрос положительный ответ. Ведь даже в Польше, где население измучено инфляционными бурями куда сильнее, чем мы (но где в отличие от СССР населению разрешается иметь на руках иностранную валюту, что оно и делает, обменивая обесценивающиеся злотые на доллары), такого рода мероприятие оказалось успешным. Когда я вижу нынешние гигантские очереди перед ювелирными магазинами и понимаю, что люди давятся в этих очередях не из желания варить суп в бриллиантовых серьгах, а потому что покупка таких серег кажется им надежным способом уберечь свои сбережения от ржавчины инфляции, я могу только им посочувствовать, потому что знаю — их надежды ложны. При художественном качестве наших ювелирных изделий и государственной системе скупки драгоценных металлов и изделий из них, вложение денег в драгоценности — столь же проигрышная операция, как и внесение денег на 3-процентный срочный вклад при 8-процентной ежегодной инфляции. Это признают даже сотрудники Ювелирторга. Так почему бы не создать сегодня систему государственных сертификатов, обеспечиваемых золотом и бриллиантами? Смысл этой системы очень прост. Вы покупаете золотой слиток или бриллиант определенного веса, и ваша покупка удостоверяется именным сертификатом. Сам же слиток или бриллиант хранятся в банковском сейфе и вам не выдаются. Если же вы решите превратить свой сертификат обратно в наличные деньги, государство в обязательном порядке выкупает у вас золото или бриллиант обратно по розничным ценам, действующим на этот

момент, беря с вас небольшой комиссионный процент. Такая система куда честнее, чем нынешняя, когда людей заставляют платить не только за драгоценный металл, но и за малохудожественную работу ювелирных фабрик, а выкупают эти изделия потом только по цене лома.

Продажа сертификатов, обеспечиваемых драгоценными камнями и металлами,— это не только способ «связывания» так называемых «горячих денег», но и пример того, как на нашем опустошенном рынке можно увеличить предложение товаров, не затратив ни копейки дополнительных государственных средств. И такие возможности увеличения товарного предложения (и государственных доходов, кстати!) очень велики.

ГДЕ РУБЛЬ ОБОРОТИСТЕЕ?

Я предвижу, что часть моих читателей уже кипит от раздражения, дескать, все, что здесь предлагается,— это только для подпольных миллионеров, а у простого советского человека нет денег на бриллианты в банковских сейфах и покупку квартир на аукционах. Но давайте вспомним, что 31% всех семей имеют душевой доход в месяц свыше 150 руб., что очереди на покупку автомобилей измеряются многими миллионами человек, что, по данным, приведенным Н. М. Римашевской на совещании экономистов в ЦК КПСС, примерно половина сбережений семей сегодня ориентирована на улучшение жилищных условий, и тогда роль предложенных мною выше мероприятий и перспективы их реализации предстанут перед нами совсем в ином свете.

Подобные мероприятия отвлекут с рынка деньги наиболее состоятельной части населения и тем самым облегчат условия приобретения товаров для менее зажиточных граждан. Вместе с тем государство получит в свое распоряжение крупные ресурсы, которые в обязательном порядке должны быть полностью направлены на развитие потребительского сектора экономики и производств, необходимых для его нормального функционирования. Максимально эффективное использование этих ресурсов должно быть задачей программы, для реализации которой потребуется уже более длительный срок, видимо, 3—5 лет.

Речь, по моему мнению, должна идти о крупной программе перепрофилирования предприятий тяжелой промышленности на выпуск товаров народного потребления. Направление такого перепрофилирования должно определяться на основе специальных конкурсов с крупными денежными премиями для авторов наиболее коммерчески выгодных проектов. Средства же для перепрофилирования могут собираться с помощью выпуска акций, гарантирующих их владельцам не только высокие доходы на вложенные средства, но и преимущественное право на приобретение тех товаров, которые будут выпускаться на «их» предприятиях.

Надо разобраться с убыточными предприятиями по производству товаров для населения и особенно с теми фабриками, продукция которых не пользуется спросом. Их надо продать с аукциона производственным кооперативам или превратить в акционерные (с правом акционеров назначать руководство предприятия и устанавливать ему оклады), оговорив лишь обязательность выпуска товаров народного потребления и в дальнейшем.

Рамки статьи заставляют меня остановиться, хотя мною и моими коллегами из Научно-исследовательского института банков СССР предложена еще масса иных, быстро реализуемых и высокоэффективных мер по восстановлению сбалансированности потребительского рынка и укреплению авторитета нашего рубля. Эти предложения прозвучали на встрече экономистов с М. С. Горбачевым, соответствующий документ направлен и в правительство. Такие предложения подготовлены и другими экономическими институтами.

Убежден, что предоставление свободы предпринимательства, создание рынка ценных бумаг, сокращение числа бюрократических запретов, побуждающих давать взятки для их преодоления, сильнее всего ударят по «теневикам», жирующим именно на системе экономического неравенства и дефиците. Изъятие неправедно нажитых капиталов — дело только правоохранительных органов. Сжигать же «дом денежной системы» только ради того, чтобы погубить «клопов», — дело сомнительной разумности. Нечаянно можно сгореть и самому...

Из стенограммы пресс-центра ЦК КПСС

ГЕННАДИЙ ЯНАЕВ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — БЕЗ 6-й СТАТЬИ

Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Геннадий Иванович Янаев провел свою первую пресс-конференцию для советских и зарубежных журналистов. Речь шла о различных аспектах внешнеполитической деятельности партии в современных условиях, ее ответственности за обеспечение благоприятных международных условий перестройки и обновления советского общества.

РАЗРАБАТЫВАТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ КОНКРЕТНЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

— В соответствии с конституционным механизмом выработка и осуществление внешней политики Советского государства возложены на государственные органы, а ее практическая реализация — на МИД СССР. Возникает вопрос: какова роль ЦК КПСС в выработке и формировании внешней политики на современном этапе развития нашего государства?

— Коммунистическая партия как самая мощная на сегодня политическая сила в нашей стране, естественно, не может находиться в стороне от участия в выработке внешнеполитической стратегии, путей и подходов к решению тех или иных конкретных внешнеполитических проблем. Нам представляется, что наиболее корректной формой участия Центрального Комитета партии в выработке внешней политики является глубокий и широкий анализ процессов современной международной жизни, свободный от ведомственного подхода. Мы видим свою задачу в том, чтобы разрабатывать альтернативные варианты решения тех или иных внешнеполитических проблем, равно как и представление Президенту, государственным органам нашего видения международных проблем и путей их решения. Внешняя политика как концентрированное выражение интересов всех слоев нашей многонациональной страны ныне не должна и не может осуществляться под монопольным руководством КПСС. Мы практически сейчас вступаем в период многопартийности, и не только проблемы внутренней политики, но и вопросы внешнеполитической деятельности могут быть предметом дискуссий, обсуждений, а иногда и политической борьбы различных партийных, общественных сил, существующих в нашей стране. Для того, чтобы выбрать наиболее оптимальный вариант решения, необходимо иметь различные варианты. Подходы Центрального Комитета партии могут в чем-то отличаться от подхода того или иного государственного учреждения, государственного ведомства. Это естественно.

КОНФЛИКТ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ: ГЛУБОКО НРАВСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

— Обсуждался ли в Политбюро вопрос о положении в Персидском заливе и какие выводы оно сделало? Советский Союз в течение многих лет говорил, что решение ближневосточного вопроса только в единстве арабов, а сейчас в конфликте между Ираком и Кувейтом Советский Союз присоединился к западным странам против Ирака. Где здесь логика, по Вашему мнению?

— Политбюро обсуждало эту проблему исходя из той обеспокоенности, которую она вызывает в нашей стране и в мире. Должен сказать, что та позиция, которую занял Советский Союз в отношении событий в Персидском заливе, полностью соответствует политической линии, выработанной Политбюро,

И здесь нет никаких разночтений между позицией, изложенной полномочными представителями Советского Союза в Совете Безопасности ООН, и позицией политического руководства нашей страны и партии.

— Когда совершается агрессия, ничем не спровоцированная, вооруженная агрессия, то высший нравственный долг политика, равно как и высший нравственный долг государства, состоит в том, чтобы занять именно справедливую позицию. И то, что мы заняли четкую позицию, осудив вооруженную акцию со стороны Ирака, свидетельствует о логичности и глубокой нравственной основе нашего подхода к нынешнему кризису в Персидском заливе.

— Наши арабские друзья часто обвиняют нас в том, что мы якобы уходим от поддержки арабских народов и вступили в сговор с Соединенными Штатами. Мы ни с кем в сговор не вступали. Я еще раз подтверждаю нашу неизменную позицию поддержки арабских народов в решении ближневосточного конфликта. Мы выступаем за восстановление попранных прав палестинского народа, и здесь нет никаких изменений в нашей позиции.

Сейчас же речь идет о том, что в соответствии с нашей принципиальной линией мы осудили агрессию и призвали Ирак немедленно безусловно и полностью вывести свои войска из Кувейта. Мы присоединились к международным санкциям, которые дали бы почувствовать руководству Ирака, что совершена безнравственная и нарушающая все нормы международного права акция, которая должна быть немедленно прекращена.

— Подчеркиваю: любое силовое решение проблемы может привести к непредсказуемым последствиям. Мы не хотим этих последствий и мы верим в то, что здравый смысл восторжествует, не прибегая к военной силе.

ЯПОНИЯ И СССР: РЕСУРСЫ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ НЕ ИСЧЕРПАНЫ

— Каковы перспективы советско-японских отношений и какой будет линия партии в отношении Японии и в отношении подготовки визита М. С. Горбачева в Японию?

— Уверен, что советско-японские отношения имеют очень неплохую перспективу для улучшения, причем улучшения по всем азимутам. Я считаю, что не исчерпан пока ресурс для улучшения политических отношений. Мы с удовлетворением констатируем ставшие уже регулярными встречи, рабочие консультации, которые осуществляются на уровне министров и заместителей министров иностранных дел, на уровне руководителей политических партий. Я считаю, что КПСС могла бы рассмотреть и вопрос о регулярных, нормальных политических связях с правящей Либерально-демократической партией Японии. Не исчерпан ресурс для улучшения экономических отношений с Японией. Заинтересованность японских деловых кругов в том, чтобы освоить советский рынок, не беспочвенна, и любое конкретное предложение встретит с нашей стороны поддержку, в том числе и путем создания совместных предприятий между Советским Союзом и Японией. У нас существует широкое культурное сотрудничество, гуманитарное, развиты связи в области спорта. Но скажу честно, что я, например, считаю глубоким историческим анахронизмом отсутствие мирного договора между нашими странами. Думаю, что этот анахронизм должен быть ликвидирован, преодолен. Для этого есть все возможности. И предстоящий визит Президента Советского Союза в Японию даст новый импульс развитию советско-японских отношений.

МЫ НЕ ВПРАВЕ ИГНОРИРОВАТЬ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ НАРОДОВ ФРГ И ГДР

— В интервью «Правде» Вы сказали, что членство в НАТО объединенной Германии долго продолжаться не будет. Что это означает? Не обострится ли напряженность в Европе в связи с объединением «двух Германий»?

— Да, я действительно сказал о том, что, видимо, натовская нянька недолго будет нянчить объединенную Германию. Я исходил при этом из того, что объединенная Германия — это мощная держава — 85 миллионов человек, находящаяся в самом центре Европы. И она вряд ли будет терпеть попытки корректировать ее политический курс, будь то со стороны ЕС или НАТО. Вот почему с точки зрения предсказуемости поведения нового 85-миллионного гиганта необходимо интегрировать объединенную Германию в общеевропейские структуры.

Объединение Германии имеет еще один аспект: не поспешили ли мы согласиться на объединение? Я хотел бы напомнить, что мы сразу после войны выступали за то, чтобы Германия была единой. И если бы не позиция Запада, то этот процесс мог бы осуществляться естественным путем уже в то время. К сожалению, история распорядилась по-другому. Сегодня мы считаем, что мы не вправе игнорировать волеизъявление народов ФРГ и ГДР. Мы должны уважать право народов на самоопределение и на выбор того пути, который должен принадлежать каждому народу. Мы

не поспешили с объединением Германии. Мы ничего не «продали» в связи с Германией. Мы считаем, что объединенная Германия, вовлеченная в процесс строительства общеевропейского дома, может быть гарантом мира, стабильности, предсказуемости европейской политики.

Мне кажется очень важным подчеркнуть, что на переговорах Г. Коля и М. С. Горбачева была достигнута договоренность о том, что объединенная Германия будет иметь значительно меньшую численность армии, чем сейчас имеет бундесвер. Очень важно также, что правительство ФРГ взяло на себя обязательство строго соблюдать послевоенные границы. И, наконец, достигнута договоренность о том, что на территории Германии не будет размещено ядерное, химическое и биологическое оружие. Согласитесь, эти три компонента способствуют тому, чтобы снизить существующую в Европе напряженность.

НОВАЯ ЛИНИЯ В РАБОЧЕМ И КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

— Какие первоочередные задачи стоят сейчас перед международным рабочим движением?

— К сожалению, международное рабочее движение сегодня расколото. И это мы можем очень четко проследить на международном профсоюзном движении, где, как вы знаете, существует три международных профсоюзных центра: Всемирная федерация профсоюзов, Международная конфедерация свободных профсоюзов и Всемирная конфедерация труда, так называемая христианская. Этот раскол я считаю алогичным, поскольку это наследие периода «холодной войны». И парадокс заключается в том, что программы трех международных профцентров, скажем, по проблемам разоружения, внешнего долга, экологии, по другим глобальным и конкретным вопросам или близки, или совпадают. А в то же время профсоюзы сейчас — это одна из немногих общественных сил, которые никак не могут идти на совместные или даже параллельные действия. Смотрите, встречаются президенты, Буш и Горбачев, министры обороны, начальники генеральных штабов священнослужители.

Итак, основная задача заключается в том, чтобы преодолеть наследие «холодной войны», преодолеть раскол международного рабочего движения. А преодолеть его можно только тогда, когда усилия этих международных профцентров будут направлены на решение совершенно конкретных проблем, стоящих перед обществом (глобальных, региональных, локальных, социальных, экономических и т. д.).

— Как, по Вашему мнению, существует ли сейчас международное коммунистическое движение, имеет ли оно будущее, если да, то какое?

— Вопросы, прямо скажем, непростые. Если говорить о коммунистическом движении как о чем-то оформившемся и согласовывающем четко свои позиции на каких-то уставных или внеуставных мероприятиях, совещаниях, конференциях, или направляющемся из единого центра, то в этом понимании о коммунистическом движении — я считаю, к счастью,— говорить не следует. Да, существуют коммунистические и рабочие партии. КПСС, скажем, сотрудничает с коммунистическими и другими левыми партиями в ста странах мира. Это разные по численности партии, но тем не менее такое сотрудничество осуществляется на принципах равноправия и невмешательства. И то, что у нас сегодня новый импульс получили взаимоотношения с такими компартиями, как Итальянская, Испанская, рядом других партий, является свидетельством того, что мы действительно перестали вмешиваться в их дела, строим с ними корректные политические отношения.

Когда мы говорим об обновлении КПСС, то я думаю, что это касается и обновления многих переживающих серьезные объективные и субъективные трудности компартий, ибо меняется ситуация, изменяется мир, изменяются политические приоритеты. И идеологическая зашоренность, которая была присуща некоторым партиям, дает о себе знать. Чтобы в этих условиях партии были дееспособны, чтобы они рекрутировали на поддержку своей платформы все новые и новые слои, они должны меняться как организации, должны радикально меняться формы и методы их работы. Они должны идти по пути демократизации. Я думаю, что вы меня не обвините в том, что я пытаюсь давать советы другим партиям. Нет, это просто размышления партийного работника.

— Будучи председателем ВЦСПС, Вы выступали против шокового варианта рыночных отношений. Не изменились ли Ваши взгляды по этому вопросу в последнее время?

— Нет, не изменились. Рынок — это жесткая, а на переходном этапе жестокая вещь. Нельзя допустить, чтобы переход к рыночным отношениям обернулся в конечном счете для нашего народа, особенно для малообеспеченных семей, шоком без терапии. Я являюсь одним из тех руководителей партии, которые выступают за то, чтобы партия в отношении рынка имела четкие позиции, в том числе позиции, направленные на социальную защиту людей.

15 августа 1990 г.

АФРИКА: 30 ЛЕТ СПУСТЯ

А. ВАСИЛЬЕВ,
доктор исторических наук
В. КОКОРЕВ,
кандидат исторических наук

Африканская политика СССР — под перекрестным огнем критики. Значительная, едва ли не бо́льшая, часть общественного мнения в нашей стране считает ее разбазариванием наших и без того скудных ресурсов, уверена, будто «мы кормим африканцев» и «это нужно прекратить». В Африке поговаривают о «падении» влияния Советского Союза, об «уходе СССР», с тревогой ожидая «восстановления диктата Запада». Принимая как должное первую часть этого суждения, в Париже, Лондоне, других западноевропейских столицах считают, что речь идет о демонтаже биполярного мира, основывавшегося на соперничестве «двух сверхдержав» и возвращении Африки к «естественному» союзу с Западной Европой в качестве периферии бывших метрополий. Каково же место африканской политики в иерархии внешнеполитических приоритетов нашей страны? Где лежат реалии, а где искаженное о них представление?

ОРУЖИЕ ИДЕОЛОГИИ И ДОЛГИ ПОЛИТИКИ

Казалось бы, Африка никогда не была одним из главных направлений советской внешней политики. Об этом говорят хотя бы сведения формального протокола. Первый официальный визит советского министра иностранных дел в страны континента к югу от Сахары состоялся в марте 1990 года, тридцать лет спустя после Года Африки, — Э. А. Шеварднадзе посетил Анголу, Замбию, Намибию, Мозамбик, Зимбабве, Танзанию, Нигерию. Последним до Э. А. Шеварднадзе советским государственным деятелем высокого ранга, посетившим Африку, был Н. В. Подгорный. В марте 1977 года, незадолго до своего ухода с поста Председателя Президиума Верховного Совета, он побывал в Танзании, Замбии и Мозамбике. Шестнадцатью годами ранее, в феврале 1961 года, Л. И. Брежнев в том же политическом качестве посетил Гвинею, Гану и Марокко.

Особняком среди африканских стран стоит Египет, наш региональный союзник второй половины 50-х — первой половины 70-х годов и важнейшая арабская страна. В 1957 году там побывал министр иностранных дел Д. Т. Шепилов, в 1964 году — глава партии и правительства Н. С. Хрущев, трижды — в 1966, 1970, 1973 годах — Председатель Совета Министров А. Н. Косыгин, в 1970 г. — Н. В. Подгорный, дважды с самостоятельными визитами в 1968 и 1975 годах — А. А. Громыко. Э. А. Шеварднадзе начал свое знакомство с Африкой в качестве министра иностранных дел также с посещения в 1989 году Египта.

В «остальной» Африке высокие советские представители почти не бывают. Руководители западных, особенно западноевропейских, стран посещают Африку значительно чаще, просто потому, что их политические, экономические, гуманитарные и другие интересы на этом континенте несравнимо весомее советских.

Если это так, то почему же с шестью государствами Африки — Египтом (1971), Сомали (1974), Анголой (1976), Мозамбиком (1977), Эфиопией (1978) и Конго (1981) СССР подписал договоры о дружбе и сотрудничестве? И хотя в двух случаях — Египет (1976) и Сомали (1977) — они были разорваны, за пределами Африканского континента аналогичные соглашения у нас были заключены только с Индией, Ираком, Сирией, Афганистаном, Северным и Южным Йеменом.

Несколько факторов определяют глубину и разнообразие связей СССР с избранной группой африканских государств. На первое место мы поставили бы всемирную конфронтацию между СССР и США, которая еще совсем недавно была как бы осью системы международных отношений. Исходя из философии конфронтации, противник нашего противника автоматически становился нашим другом, даже если его «антиимпериализм» ограничивался двумя десятками «р-революционных фраз» — и наоборот. Можно представить себе, в какой трудной ситуации очутился бы Советский Союз, если бы режим Сиада Барре в Сомали, связанной тогда с СССР Договором о дружбе, затеял свою авантюру не против революционной, а против проамериканской императорской Эфиопии. В 1977 году СССР выбрал революционную Эфиопию, а США стали помогать стране, где еще вчера была «социалистическая ориентация».

ОСОБЫМ ФАКТОРОМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИМ СОВЕТСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, БЫЛА МЕССИАНСКАЯ ИДЕЯ, ПОЛОЖЕННАЯ В ОСНОВУ НАШЕГО ГОСУДАРСТВА И ПЕРЕНЕСЕННАЯ ВОВНЕ

Не последнее место в конфронтационном мышлении с двух сторон занимали реальные или мнимые военно-стратегические позиции в дружественных африканских государствах на случай всемирной «горячей конфронтации», даже если обе стороны понимали самоубийственный характер войны, которая могла бы начаться между ними. На счастье, и в Москве, и в Вашингтоне отдавали себе отчет в том, что в Африке нет таких интересов двух держав, которые оправдывали бы опасную эскалацию местных конфликтов, и проявляли достаточно сдержанности в своей вовлеченности в них.

Особым фактором, определявшим советско-африканские отношения, бы-

ла мессианская идея, положенная в основу нашего государства и перенесенная вовне. Она подразумевала, что советская модель социально-политического и экономического устройства — высшее достижение человеческой цивилизации и всякое приближение к ней в других странах — это прогресс, который надо приветствовать, поощрять и поддерживать. В рамки этой мессианской идеи укладывалась мифология о «союзе» трех потоков революционного движения — социалистического содружества, рабочего движения в развитых капиталистических странах и национально-освободительного движения. Парадокс в том, что независимо от риторики и мифов поддержка Советским Союзом дела национального освобождения означала выбор правильных ориентиров и соответствовала всемирному общественному прогрессу. Именно поэтому престиж и авторитет СССР в постколониальной Африке был и пока остается неизмеримо больше, чем его реальный вклад в дело освобождения континента.

Но мессианская идея не ограничивалась задачей поддержки антиколониальной борьбы. Она подразумевала «победное шествие» идеологии и практики социализма по Африке, создание таких форм государственного устройства, которые бы подтверждали правильность и успех советской модели, служили бы делу ее дополнительной легитимизации. И когда в Африке начали появляться режимы, отвергавшие хотя бы декларативно капитализм, это встречалось на ура в Москве и накладывало отпечаток на практическую политику. Появившиеся государства называли то «национально-демократическими», то «революционно - демократическими», то «государствами социалистической ориентации». Важно отметить, что практически ни одно из них не принимало и не применяло терминологии советских обществоведов.

Тема покаяния не минула советских африканистов и арабистов. Некоторые из былых теоретиков социалистической ориентации уже посыпают голову пеплом, разрывают одежды и бичуют себя за содействие экспорту «советской модели застоя» в развивающиеся страны. Признание собственных ошибок — признак или растерянности, или мужества, но не стоит преувеличивать. Конечно же, не сочинения советских авторов предопределили выбор в пользу некоторых близких нам социально-политических структур, идеологических установок, сделанный в разное время более чем 10 странами Африки. Для них это была прежде всего форма наиболее радикального разрыва с колониальным или полуколониальным прошлым, попытка ускорить социально-экономическое развитие, покончить со статусом периферийных, зависимых стран, да заодно и получить помощь от Советского Союза. Некоторые важные моменты советской политической и социально-экономической системы — всесилие государства, однопартийная структура, мобилизационные возможности революционной диктатуры, милитаризация общества, монолитная идеология, примат плана и административно-командных методов над рынком — казались эффективными для достижения поставленных целей.

Но внешняя политика государства — это не разорванные клочки теории и практики, а нечто целое, комплексное. Поэтому идеологизация внешней политики, ее мессианская окраска не ослабили, а усилили конфронтационный подход к международным отношениям, в частности в «третьем мире», в том числе в Африке. Взгляд на крушение колониализма как на «второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма» [1] лишь подливал масла в огонь идеологической и политической конфронтации с Западом. Особенно когда мирное сосуществование трактовалось как линия «на развертывание активных действий против врагов мира» [2]. Одновременно отсутствие ясного формулирования национальных интересов — а о них до недавнего времени и говорить-то считалось неприличным — накладывало на процесс принятия ответственных внешнеполитических решений даже при субъективном стремлении к сдержанности и прагматизму чрезмерный налет приверженности к мифам.

Расплачиваться за идеологизиро-

[1] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Госполитиздат, 1961, с. 64.
[2] Там же, с 61.

ванный подход к внешней политике пришлось позднее, причем не только в Африке, где ряд дружественных нам правительств вынуждены вести антиповстанческие войны, но и в других регионах. Решение о военном вмешательстве в Афганистане формировалось в немалой степени под воздействием «успешного» опыта 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии, а также как будто бы «успешных» военно-политических акций Советского Союза и его союзников в Африке.

Сегодня, например, трудно восстановить в деталях ход событий вокруг деколонизации Анголы в 1975 году. Свою роль в развитии ангольского кризиса сыграла не только разделенность ангольского освободительного движения на три организации, оспаривавшие политическое лидерство, — МПЛА, ФНЛА, УНИТА, — но и противоречия между СССР, Китаем, США.

Во всяком случае, необходимость усиления военной помощи МПЛА возникла в 1975 году в значительной мере в результате активизации действий базировавшегося в Заире ФНЛА, получавшего значительную помощь со стороны Китая. Принимая решение об усилении помощи ФНЛА и УНИТА, США мотивировали это ростом советской помощи МПЛА. Китай вывел своих инструкторов из Заира в канун развертывания активных боевых действий в Анголе осенью 1975 года. Поддержанные американской программой помощи, направленной против МПЛА, Заир и Южная Африка начали вооруженную интервенцию против Анголы. Это вынудило МПЛА обратиться за военной помощью к Кубе. Прибытие кубинских войск обострило советско-американские отношения. Локальный конфликт в Анголе перерос в международный кризис.

Из региональных конфликтов, в которые в 80-е годы оказался вовлечен Советский Союз, три были в Африке. Степень этого вовлечения, естественно, была несопоставима с уровнем участия в событиях в Афганистане. И тем не менее десятки тысяч советских военных и гражданских специалистов рисковали своей жизнью или здоровьем в Анголе, Мозамбике, Эфиопии. Некоторые из них погибли, попали в плен к повстанцам. Уже в силу этого государство, считающее себя цивилизованным, не может говорить об отсутствии интереса к странам, в которых живут, работают, гибнут, пропадают без вести его граждане.

НЕ «ОБЪЕДАЮТ» НАС АФРИКАНЦЫ! И В ЭФИОПИЮ, И В МОЗАМБИК, И В АНГОЛУ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ ПОСТАВЛЯЕТ ЗАПАД

Нельзя закрывать глаза и на еще одно обстоятельство, которое уже давно должно было бы внушить нам тревогу, — наш вклад в милитаризацию Африки. Со второй половины 70-х годов темпы роста военных расходов в странах континента были одними из самых высоких в мире — 20% в год. Даже учитывая низкие отправные показатели, это слишком много. В 80-е годы Африка импортировала оружия более чем на 50 млрд. долларов. По данным международных организаций типа Лондонского института стратегических исследований или Стокгольмского института проблем мира, почти половину вооружений поставил Советский Союз — в 3 раза больше, чем Франция, и в 4 раза больше, чем США. Сейчас экспорт советского оружия в Африку резко уменьшился, но ведь из песни слова не выкинешь — что было, то было.

Спору нет, не советская политика породила очаги напряженности на Африканском Роге или Юге Африки. Мы оказывали помощь законным правительствам, ставшим жертвами иностранных интервенций и кампаний по дестабилизации. Но была ли реальная необходимость в столь массированных поставках современной военной техники в страны, лишь недавно освоившие винтовку? Не подпала ли наша военная помощь под обаяние столь хорошо нам известного вала? Не обернулось ли и здесь наращивание количественных показателей ухудшением политического качества?

Вспомним еще раз сомалийскую интервенцию в Эфиопии. Если бы сомалийский режим был оснащен советским оружием на уровне «оборонной достаточности», у него просто не

было бы сил для наступательной войны. А поставки советского оружия в Уганду, которые привели к войне (и поражению) режима Иди Амина против Танзании, тоже снабженной советским вооружением?

Во что нам обошлись поставки оружия в Африку, сколько мы за него получили, а сколько списали, даже в эпоху «гласности», мы до сих пор не знаем, хотя подобные данные в США регулярно публикуются. Некоторый свет на это проливают недавно опубликованные у нас данные, касающиеся внешнего долга Советскому Союзу 61 государства мира. Сумма долга — 85,8 млрд. рублей. Более половины должников — в Африке. 31 африканская страна должна нам около 14 млрд. рублей, или в пересчете по принятому курсу 23 млрд. долларов. Большая часть долга — 11,6 млрд. рублей приходится на шесть стран: Эфиопию (2,9 млрд.), Алжир (2,5), Анголу (2,03), Египет (1,7), Ливию (1,7), Мозамбик (0,8). Можно с большой долей уверенности предположить, что подавляющая часть долгов — военные и цифры примерно совпадают с теми, которые дают западные исследовательские центры. Если Алжир, Египет, Ливия за настоящие или прежние поставки оружия платили или платят, то задолженность Анголы, Мозамбика и Эфиопии — пример долга политического. Причем трудно сказать, в какой мере он отражает реальную сумму советских поставок этим странам. Ведь, помимо кредита, мы оказывали им помощь и безвозмездно. Невозможно разделить здесь военную и гражданскую составляющие. Экономическая помощь этим странам была зачастую вызвана теми же кризисными обстоятельствами, что и поставки оружия. При этом хотелось бы сказать, что наши поставки продовольствия в Африку всегда были мизерные, так что не «объедают» нас африканцы! И в Эфиопию, и в Мозамбик, и в Анголу продукты питания поставляет Запад, а вспоминать о нескольких тысячах тонн продовольствия, что мы послали для спасения умирающих, — просто недостойное занятие.

Дальнейший рост «политических долгов» может прекратить только изменение условий, их породивших. Шагом в этом направлении был бы, как сформулировал свою идею Э. А. Шеварднадзе накануне своей поездки по странам Африки, отказ от «идеологической заданности» [1].

Реальности современного мира заставляют отказаться от многих казавшихся еще вчера незыблемыми догм и стереотипов. Бессмысленность и самоубийственный характер гипотетической глобальной войны давно лишили смысла и многие стратегические мероприятия превентивного характера, в том числе поиски союзников в Африке. К чему приготовления, рассчитанные на затяжную войну, если победа недостижима в принципе? Если все страны ищут оптимальные методы обеспечения своего социально-экономического прогресса, если на первый план выдвигаются общечеловеческие проблемы, то к чему идеологическая конфронтация?

Весь характер поездки Э. А. Шеварднадзе в Африку как раз и говорит о новом подходе к африканским делам.

Присутствие советского министра иностранных дел и государственного секретаря США на торжествах по случаю провозглашения независимости Намибии подчеркнуло ту роль, которую сыграли посреднические усилия наших двух стран в переговорах между Анголой, Кубой и ЮАР о выводе кубинских войск из Анголы и южноафриканских из Намибии и ликвидации последней крупной колонии на земном шаре.

В Намибии удалось избежать повторения ангольской драмы. Страна в довольно спокойной атмосфере стала независимой, и кубинские бойцы не летят в Африку, чтобы защищать только что ставшую независимой страну, а возвращаются из Африки домой. Деколонизация оказывает позитивное влияние на процесс перемен в Южной Африке и на международную атмосферу. Недаром руководство Африканского национального конгресса во время встречи с Э. А. Шеварднадзе в Лусаке высказало пожелание, чтобы продолжались советско-американские усилия с целью обеспечить условия для решения проблем самой Южной Африки. В этом направлении действовал и сам глава советского внешнеполитическо-

[1] Известия, 1990, 17 марта.

го ведомства. Еще недавно трудно было представить встречу советского министра иностранных дел с президентом Южной Африки Фредериком де Клерком. Но она состоялась прежде всего в результате изменений, которые сегодня происходят в жизни этой страны, эволюционирующей в сторону ликвидации апартеида. Наверное, не надо забывать, что в самой Южной Африке эти изменения называют «претория-стройкой».

Но, рассуждая об уходящей в прошлое военно-политической и идеологической конфронтации, мы не должны думать, будто все в Африке приветствуют начавшийся процесс, новое мышление советского руководства. Речь идет вовсе не только о государствах, которые мы еще вчера относили к «социалистической ориентации» и где с большой тревогой восприняли события в Восточной Европе. Многим в Африке было удобно в конфронтационной обстановке просто потому, что она оборачивалась для них ощутимыми, хотя, как оказалось, временными дивидендами.

«Чем, собственно говоря, нас должна была не устраивать конфронтация? — говорил на одной из научных конференций бывший министр иностранных дел Нигерии Боладжи Акинеми. — Африка завоевала свою независимость в условиях советско-американского соперничества, в этих же условиях были построены высотная Асуанская плотина в Египте и металлургический комбинат в Аджаокуте в Нигерии, осуществлены деколонизация Анголы, Мозамбика и Зимбабве. Вне конфронтации мы просто не нужны великим державам. Они забудут о нашем существовании».

В рассуждениях видного африканского политолога есть свой резон. Политический вес африканских стран на международной арене в какой-то мере действительно возрастал или сохранялся благодаря советско-американскому соперничеству, в условиях, когда многие африканские страны просто «вымывались» из мировой экономики.

В ТИСКАХ УГЛУБЛЯЮЩЕГОСЯ КРИЗИСА

Достижения научно-технической революции уменьшают потребности хозяйства развитых стран во многих видах сырья, традиционным и зачастую незаменимым поставщиком которого была Африка. Континент из экспортера превратился в чистого импортера продовольствия. Причем если совокупный импорт зерна — порядка 40 млн. т в год всей Африки примерно равен советскому, то по доле потребления импортного продовольствия многие страны Тропической Африки намного опережают все регионы мира. Здесь за счет импорта удовлетворяется до 80% потребностей в продовольствии.

Конечно, отдельные африканские страны могут быть экспортерами продуктов тропического земледелия — от бананов до арахиса и от ананасов до кофе и какао. Но мы говорим об импорте продовольствия в целом.

Падает спрос и на такие традиционные для Африки виды минерального сырья, как железная и медная руды. Слегка оживился, но вновь рухнул рынок нефти. Общих потерь не может компенсировать растущий интерес к танталу, ниобию, бериллию, литию, алюминию, титану, ванадию, платине, висмуту, стронцию, фосфатам, по экспорту которых ряд стран Африки удерживает заметные позиции в мировой торговле. С 1960 по 1989 год доля Африки в мировом экспорте сократилась с 4,1 процента до 2,5. Если исключить из подсчета нефтеэкспортирующие страны, то падение будет еще больше.

СИТУАЦИЯ В АФРИКЕ СЕГОДНЯ НЕ ЕДИНООБРАЗНА, В ТО ВРЕМЯ КАК ЧАСТЬ СТРАН, ПРЕЖДЕ ВСЕГО В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ, ИДУТ ПО ПУТИ ВСЕ БОЛЕЕ ПОЛНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ, БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ ФАКТИЧЕСКИ ИЗ НЕЕ ВЫТАЛКИВАЮТСЯ

Борьба за источники сырья продолжается, но ее острота — в прошлом. Во-первых, материалоемкость каждой единицы валового национального продукта, как правило, уменьшается. Во-вторых, все более заметную роль начинает играть вторичное использование сырья. За счет этого во многих развитых странах уже удовлетворяют от 20 до 100% потребностей в алюминии, свинце, меди, хроме, стали. В-третьих, передовые методы геологоразведки в соче-

тании с ее расширением на новые обширные районы мира сводит на нет монопольное положение прежних «уникальных» месторождений. На первое место выдвигаются экономическая целесообразность и гарантии стабильных поставок.

Уходит в прошлое и тезис о фатальной привязанности тех или иных стран Запада к определенным сырьевым базам. Это уже сказалось на эволюции политики США по отношению к Южной Африке. Не так давно американские санкции против ЮАР в «наказание» за политику апартеида считались утопией, в частности из-за зависимости промышленности США от поставок южноафриканского хрома. Сегодня свыше 20% потребностей в хроме в США удовлетворяется за счет вторичного использования сырья, а свыше 40% — за счет разработки новых месторождений в Габоне. Серьезную конкуренцию горнорудному комплексу Южной Африки составляет бассейн Каражас в Бразилии. Здесь сосредоточены крупные месторождения железных руд, бокситов, меди, марганца, никеля, хромитов, вольфрама, олова, золота. Весьма обнадеживающие результаты дает и геологоразведка Австралии.

Нельзя, естественно, исключать ситуаций, когда в силу тех или иных причин нехватка какого-то вида сырья будет приводить к временным коллизиям, в том числе и военно-политического характера. Но война за контроль над источниками сырья столь же маловероятна, сколь и долговременный успех политики различного рода сырьевых картелей, ставящих своей целью поддержание искусственно высоких цен на него.

Но если на данный исторический момент заинтересованность мирового сообщества — и Запада, и Востока — в Африке уменьшается, то отнюдь не уменьшается, а увеличивается его ответственность за судьбы Черного континента, а в будущем и нужда в человеческих и природных ресурсах Африки. Почему?

Многие проблемы Африки приобрели глобальный характер. Одна из них — голод. Задача спасти от гибели часть рода человеческого — отнюдь не только альтруизм, чувство сострадания или гуманности. Человечество богато и сильно разнообразием рас и народов, его составляющих. Гибель части его — уменьшение или ухудшение генофонда всех, ослабление его способности справиться с вызовами XXI века. Кто знает, может быть, особые, как известные, так и еще не раскрытые, способности и таланты африканцев понадобятся человеческому роду для решения встающих перед ним задач.

Другая проблема — окружающая среда. Наступление пустынь и сокра-

щение площади тропических лесов в Африке ухудшают экологическую обстановку в целом на планете. Тропические леса Африки и бассейна Амазонки — главные «легкие» атмосферы, поставляющие в нее кислород и перерабатывающие углекислый газ. Если развитые страны — и мы в том числе — бездумно поглощают экологический капитал планеты, принадлежащий всему человечеству, то Африка его сохраняла... хотя бы в силу своей отсталости. Но именно из-за отсталости и демографического взрыва она включалась в безумную гонку уничтожения окружающей среды. Помочь Африке найти свою модель экономического развития, не уничтожающую окружающую среду, — задача отнюдь не филантропическая и для Запада, и для нас, а вполне эгоистическая.

Однако судьба человечества переплетена не только в исторической перспективе, но и в настоящее время. По оценке ООН, программа стоимостью в 4,5 млрд. долларов в год могла бы в течение 20 лет приостановить процесс опустынивания в Африке. Специальный счет для этой цели был открыт более 10 лет назад. До сегодняшнего дня он практически пуст. «Международные доноры предпочитают «выигрышные» проекты, — заметил в этой связи один из старейших американских африканистов, Сил Вайтекер. — Борьба с пустыней направлена на то, чтобы сохранить землю такой, какая она есть. Здесь нет места эффектным, зрелищным результатам, и доноры предпочитают в нее не вступать».

Иметь представление об африканской трагедии мало. Нужно понять, что их заботы в какой-то степени и наши заботы. Для этого нужно подняться над сегодняшним днем и убедиться, что экологическая угроза носит всемирный характер. Нам за неустроенностью собственного быта не особенно верится в то, что маргинализация Африки, превращение миллионов африканцев в люмпенов, порвавших с сельским хозяйством и не нашедших себя в городе, нарушение хрупкого социального равновесия континента могут стать катализатором катастроф в других регионах мира.

Уже сам по себе факт соседства высокоразвитых и процветающих стран и обширных зон, деградирующих как в социально-экономическом, так и экологическом отношении, закладывает основы непредсказуемости. Кто знает, какие режимы могут породить тотальная нищета и люмпенпролетаризация населения. Не найдя средств для развития, они могут найти их для производства химического, а через пару десятилетий и ядерного оружия. А пока что угроза мировой стабильности исходит и от терроризма — метода борьбы отчаявшихся или холодного расчета преступников, и от торговли наркотиками.

БОЛЬШОЙ БЕДОЙ ДЛЯ ВСЕГО НАШЕГО СОЮЗА ОБЕРНУЛОСЬ ЧРЕЗМЕРНОЕ ЭКСТЕНСИВНОЕ РАЗВИТИЕ ХЛОПКОВОДСТВА В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ. А НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОЛУЧАТЬ ХЛОПОК АФРИКИ?

Ситуация в Африке отнюдь не единообразна. В то время как часть стран, прежде всего в Северной Африке, а также Нигерия, Камерун, Зимбабве, Кения, Сенегал, Кот-д'Ивуар идут по пути все более полной интеграции в мировую экономику, более половины африканских государств фактически из нее выталкиваются. Они и составляют большинство наименее развитых государств мира. К ним принадлежат 29 государств Африки, вступающих в 90-е годы с более низкими доходами на душу населения, чем те, которые они имели в 1960 году.

Спад сказывается на всех сторонах их жизни, во многом сводя на нет социальные завоевания первых лет независимости. Достаточно сказать, что в Африке сегодня больше неграмотных, чем тридцать лет назад.

В этой обстановке особенно тревожно то, что большинство наименее развитых стран Африки не имеет реальных шансов вырваться из болота нищеты, голода, отсталости за счет внутренних ресурсов. У них просто нет мобилизационного механизма, и живут они за счет международной помощи.

В этой связи уместно задать вопрос, является ли Африка сферой выгодного приложения иностранного капитала, идет ли борьба за инвести-

ции в африканских странах. Однозначный ответ на эти вопросы может исказить картину. С одной стороны, частный капитал в целом из Африки уходит: инвестиции и в развитых странах Запада и — потенциально — на открывающихся рынках Восточной Европы и прибыльнее, и надежнее. Но, с другой стороны, Запад в целом заинтересован не в деградации континента, а в его развитии, в стабильности. Поэтому сюда по линии международных финансовых организаций, по двусторонним межгосударственным соглашениям направляются крупные суммы.

Доля Африки в ежегодно расходуемых мировым сообществом примерно 50 млрд. долларов на цели помощи — 30%. Если учесть, что больше половины этой суммы приходится на страны Северной Африки, прежде всего Египет и Марокко, то наименее развитые страны континента, в которых проживают около 250 млн. человек, получают в среднем около 4 млрд. долларов в год в виде помощи. В условиях сокращения прямых инвестиций в экономику африканских стран со стороны промышленно развитых государств Запада помощь уже составляет около 90% чистого притока финансовых средств в Тропическую Африку.

По сравнению с другими регионами «третьего мира» внешний долг Африки — 240 млрд. долларов — не столь уж и велик. Но, во-первых, это зачастую «проеденный» долг. Большая его часть ушла на импорт продовольствия, осуществление престижных и часто бесполезных проектов. Одна треть долга связана с военными расходами. Во-вторых, соотношение задолженности и ВНП во многих африканских странах выше, чем, например, в Латинской Америке.

Нельзя не сказать и о другом. Вклады в иностранных банках многих высокопоставленных чиновников африканских стран примерно равны сумме их внешнего долга. В Египте, например, внешний долг которого примерно 50 млрд. долларов, частные инвестиции египетских граждан за границей, по ряду оценок, около 100 млрд. долларов. Конечно, в значительной мере эти средства — сбережения или пущенные в оборот капиталы египетских эмигрантов, но миллиарды и миллиарды перевели за рубеж и коррумпированные чиновники. Предполагается, что вклады в иностранных банках заирской элиты превышают внешний долг страны.

Несмотря на высказываемые опасения, экономическая помощь странам Африки пока что существенно не сокращается, хотя и трудно поверить в новый «план Маршалла» для Африки — подобный американской помощи Западной Европе после второй мировой войны. Если не начнется всемирный процесс разоружения, на это просто ни у кого не будет средств. Но нередко для решения действительно острых проблем Африка нуждается не в столь уж и дорогостоящих программах. Отказ от взгляда на помощь как на еще одно средство политического и идеологического соперничества помог бы и мобилизации ресурсов, и более разумному их применению.

НУЖНА ЛИ НАМ АФРИКА?

В условиях нашего собственного кризиса — и экономического, и социального, и духовного — заинтересованы ли мы в Африке? Давайте поразмышляем.

Взяв Москву, Наполеон, как известно, предложил Александру I заключить договор о мире. Вторжение было вызвано, в частности, желанием прервать сношения России с Англией. И исходя из того, что Россия получала оттуда не только сукно, но и колониальные товары, Наполеон просил передать государю: «Вы хотите иметь сахар и кофе? Вы будете иметь их».

Но и сегодня, как двести лет назад, кофе и другие продукты тропического земледелия мы получаем через Лондонскую биржу. Оптимисты при этом, правда, не забывают упомянуть, что цены на кофе и какао на мировом рынке падают. Пессимисты утверждают, что эта тенденция вряд ли скажется на кармане нашего потребителя. Но ведь кофе — малая толика того, в чем мы нуждаемся.

Большой бедой для всего нашего Союза обернулось чрезмерное, экстенсивное развитие хлопководства в республиках Средней Азии. А нельзя ли получать хлопок Африки? Советский Союз оказывал техническое содействие в развитии этой отрасли хозяй-

ства в ряде стран Африки, в частности в Анголе и Мозамбике, где природные условия для хлопководства прекрасные. Однако нигде это содействие не вылилось в создание действительно крупных хозяйств, ориентированных на международный рынок. Правда, помешали войны, но не только они. Серьезно не рассматривался и вопрос о компенсации услуг и товаров из Советского Союза поставками хлопка из Африки. А начни мы ввозить хлопок из Африки, это помогло бы нам более разумно распорядиться природными богатствами среднеазиатских земель, превратить их во всесоюзный сад и огород, снять хлопковый «прессинг», резко улучшить экологическую обстановку.

Но это, увы, пожелания. Пока что наша торговля со странами Африки падает. У нас нет ни заинтересованных людей, ни соответствующих экономических механизмов, которые подталкивали бы расширение экономического сотрудничества. Падает конкурентоспособность советских товаров на мировом рынке, в том числе и на африканском. Новые виды сотрудничества — совместные предприятия, свои варианты транснациональных корпораций — мы еще не освоили.

Переломить эту тенденцию однимдвумя заявлениями или удачно проведенными переговорами нельзя. Как нельзя обеспечить и интеграцию в мировую экономику только за счет расширения отношений с развитыми странами Запада. Слишком многое переплелось уже в этом мире, пока мы экспериментировали с автаркией и меняли свой газ на западноевропейские трубы. С товарами, обладающими мировым уровнем качества, мы на западные рынки не пробиваемся — все занято. А до уровня выше мирового ох как далеко. Для прорыва в мировую экономику нужны «ниши», временно оставшееся незанятым экономическое пространство, образующееся в результате перераспределения капитала, смены технологии.

И такие «ниши» сегодня кое-где остаются в «третьем мире», в том числе в Африке. Да, частный капитал некоторых промышленно развитых стран Запада оттуда уходит. Но за последние годы резко возросли торгово-экономические отношения стран Африки с так называемыми «новыми индустриальными странами» — Бразилией, Южной Кореей, Тайванем. Они находят что продавать! Объемы их торговли уже многократно превышают советско-африканскую. Появились сообщения о подготовке мощного «экономического десанта» в Африке из Японии. По предварительным данным, японцы предполагают направить до 60 млрд. долларов на экономическую помощь Африке. Логика этого решения проста: ты можешь быть уверен в своем партнере, только когда он прочно стоит на ногах, так помоги ему встать на ноги. Одна из задач японского проникновения в Африку — создать здесь плацдарм для того, чтобы перепрыгнуть через барьер объединенного рынка Западной Европы.

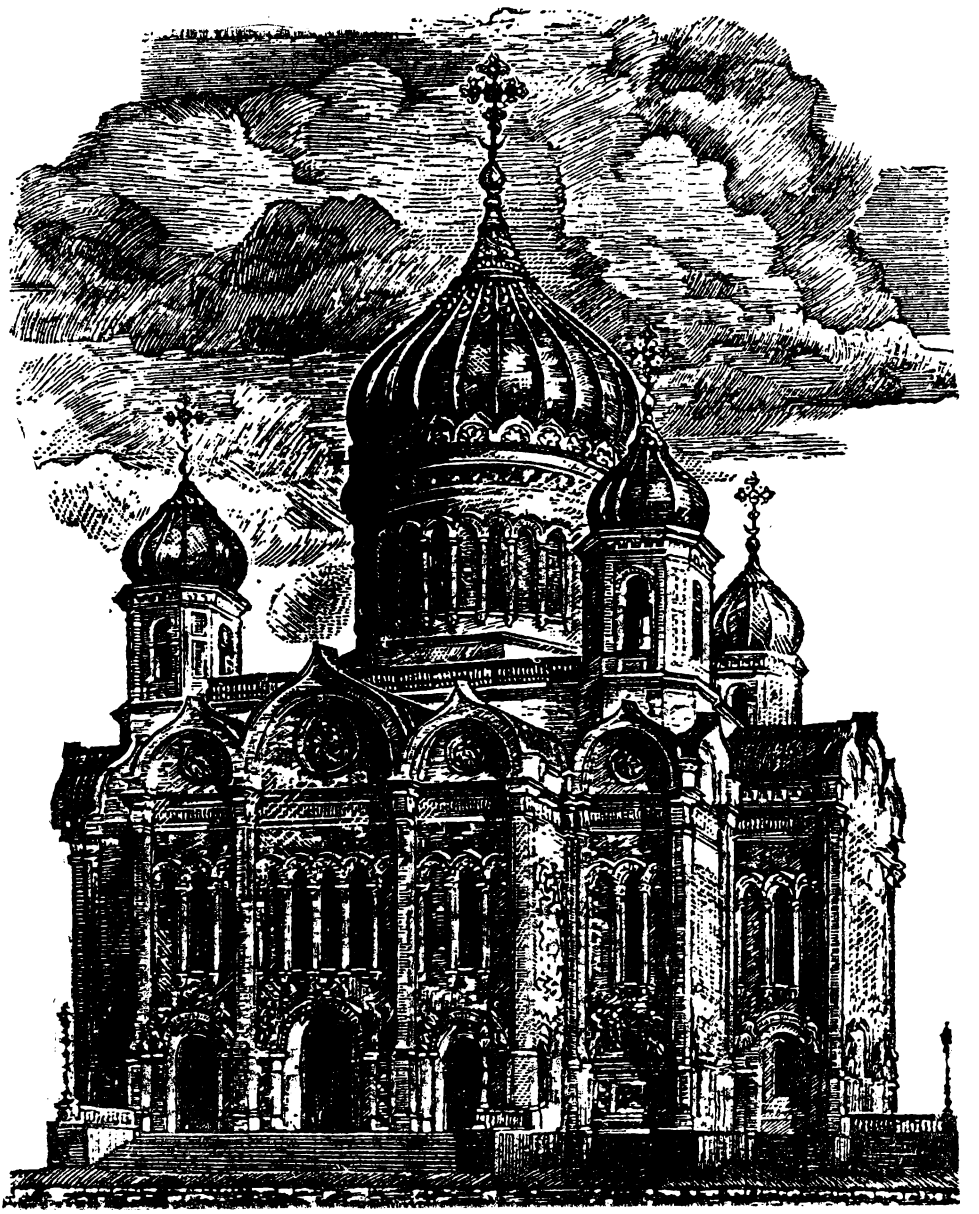
Процесс завершения западноевропейской интеграции ставит немало вопросов и в советско-африканских отношениях. Нам еще предстоит изучить, облегчает или осложняет он наши отношения со странами Африки. Может быть, перед нами откроются новые возможности. В Африке есть что взять и нам есть что ей дать.

Но если мы не поймем и своей доли ответственности за положение в Африке, то будем платить и мы сами, особенно наши дети.

Пока с высоких трибун говорят о «растущей глобальной ответственности», в лексиконе разных стран и народов все чаще мелькает слово «изоляционизм». Применительно к Советскому Союзу призыв к изоляционизму звучит по меньшей мере наивно. Со всех точек зрения мы и так одно из самых изолированных государств мира. То, что с нами происходит сегодня, — это кризис модели развития, существенной частью которой и был изоляционизм. И хотя сегодня нас прежде всего волнуют внутренние неурядицы, успех наших революционных перемен зависит и от того, сумеем ли мы найти пути нашей интеграции в мировое сообщество. Связи с Африкой, где у нас еще сохраняется капитал доброй воли и авторитета, — одна из дверей к этой интеграции. Мы нуждаемся в Африке, как и она нуждается в нас.

Какой закон нам нужен

СВОБОДУ СОВЕСТИ



В работе «круглого стола» журнала «Диалог» по обсуждению нового законопроекта «О свободе совести и религиозных организациях» приняли участие: АРХИЕПИСКОП СМОЛЕНСКИЙ и КАЛИНИНГРАДСКИЙ КИРИЛЛ (ГУНДЯЕВ) — член Священного Синода Русской Православной Церкви; Р. И. ГАЙНУТДИНОВ — главный имам Московской мечети — член президиума Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири; Ю. М. ДЕГТЯРЕВ — главный специалист Совета по делам религий при Совмине СССР; В. В. КЛОЧКОВ — доктор юридических наук, профессор; Г. И. КОМЕНДАНТ — председатель Союза евангельских христиан-баптистов СССР; Д. Р. ПОЛЛЫЕВА — кандидат юридических наук, зав. отделом Научно-исследовательского центра Института молодежи; Э. Г. ФИЛИМОНОВ — доктор философских наук, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС; И. Н. ЯБЛОКОВ — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой МГУ.

Вели «круглый стол» журналист, кандидат исторических наук В. А. АЛЕКСЕЕВ и первый заместитель председателя Совета по делам религий при Совмине СССР, кандидат философских наук М. А. ИВОЛГИН.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В. А. Алексеев: Представляется, что сама идея свободы совести является своего рода спутником или «родным дитем» всякой социальной революции. Напомню, что впервые эта идея появилась в канун нарождавшихся революционных событий во Франции. В нашей стране подходы к постановке данного вопроса стали возникать еще во время царствования Александра I, когда исподволь начала складываться революционная ситуация в России. По поручению государя императора еще несколько ранее Сперанскому было велено заняться подготовкой свода законов, чтобы в нем каким-то образом отрегулировать церковно-государственные отношения. При этом в той или иной форме обдумывалась идея свободы совести.

Следующий этап эволюции этой идеи связан с периодом подготовки крестьянской реформы 1861 года. И снова этот вопрос не был разрешен, хотя более основательные его проработки, главным образом с точки зрения нового определения роли церкви в обществе, осуществлялись. В 1905 году опять-таки во время крупных социальных потрясений в очередной раз возникает вопрос о необходимости четкого правового регулирования церковно-государственных отношений, закрепления принципа свободы совести. Однако после отката революционной волны консервативно - реакционными силами была вновь удушена попытка реализации права свободы совести. Но уже ненадолго.

Сразу с победой февральской революции 20 марта 1917 года Временное правительство делает первый шаг к тому, чтобы этот вопрос как можно быстрее разрешить. Был принят закон об отмене конфессиональных и национальных ограничений. А сам закон «О свободе совести» был принят спустя несколько месяцев — 14 июля 1917 года.

В нем совершенно не были учтены права если не атеистов, то свободомыслящих или неверующих. В основном тот закон регулировал лишь новые отношения церкви и государства и закреплял их. Мне кажется, поэтому он и не удовлетворил радикально настроенные политические силы и слои населения. Эта неудовлетворенность с победой большевиков, более всех недовольных этим законом, обусловила необходимость принятия нового документа о свободе совести, который был обнародован в январе 1918 года и вскоре получил название Декрета об отделении церкви от государства. Но, к сожалению, в силу политических позиций его авторов и он не был свободен от крайностей: в нем слишком заметен был крен в сторону подавления права свобод духовенства, верующих, религиозных организаций. Так, последним было отказано в правах юридического лица, владеть собственностью, вести религиозное обучение детей и т. д.

Ю. М. Дегтярев: Мы, мне кажется, еще до сих пор не разобрались во всей сути декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Тогда было однозначно решено «отделять» церковь. Но какую? Все? Какая была связь между старообрядческой церковью и государством, или, допустим, между протестантскими церквами и государством? Не было этой связи и отделять было нечего. Стало быть, речь шла о том, чтобы отделить только Русскую Православную Церковь как государственную. Но все положения декрета стали использоваться во взаимоотношениях и с другими религиозными организациями. Хотя, честно говоря, не столько декрет определял возможность существования в тех условиях религиозных организаций, сколько инструкция от августа 1918 года, но то был правовой документ очень низкого уровня. Не закон, а всего лишь ведомственная инструкция.

В. В. Клочков: Насчет того, что отделять было нечего, я принципиально не могу согласиться. И протестантскую, и старообрядческую церкви, и любые другие надо было отделять от государства. Потому что, скажем, те же мусульманские объединения верующих были в

России довольно основательно «вплетены» в ткань государственной практики, пользуясь нормами шариата в повседневной жизни. Материальную помощь к тому же государство оказывало не только Русской Православной Церкви, а также и другим конфессиям.

В. А. Алексеев: Но Юрий Михайлович, думаю, был прав, когда говорил о низком качестве юридических документов, особенно инструкции, опубликованной в августе 1918 года. И она не могла быть иной. Ведь разработка ее диктовалась сугубо политическими мотивами, а не правовыми юридическими соображениями. Но, пожалуй, главной причиной невысокого качества этого документа явилось то, что сотрудники ни Наркомюста, ни Совнаркома не привлекли к этому делу представителей религиозных организаций, хотя те настойчиво просили об этом. Скажем, еще в марте 1918 года целая депутация от РПЦ во главе с профессором Московской Духовной академии М. Д. Кузнецовым напросилась на прием к В. Д. Бонч-Бруевичу, выразив пожелание участвовать в выработке законодательства о культах, так как декрет СНК от 23 января 1918 года не устраивал религиозные организации по ряду аспектов. С подобными просьбами в СНК обращались представители и других церквей. И им было обещано, что их привлекут к работе по подготовке инструкции по применению декрета СНК от 23 января 1918 года. Однако обещания оказались невыполненными, а права и пожелания религиозных организаций, по сути, были проигнорированы.

М. А. Иволгин: И все-таки законодательные акты 1918 года о культах были в целом прогрессивными. Они четко определили отделенность церкви от государства и школы от церкви. С другой стороны, создали возможность для свободного вероисповедания, хотя и ставили религиозные организации в несколько ущемленное в юридическом отношении положение. Но мы-то знаем, чем это было обусловлено. К сожалению, последующая практика деформировала этот декрет, и новое законодательство 1929 года имело жестко определенные классово-направленные цели: к полному и скорому «упразднению религии».

Ю. М. Дегтярев: На историческую обстановку, в условиях которой принимались первые правовые акты о свободе совести, новом положении церкви в значительной степени повлияла антибольшевистская позиция Русской Православной Церкви, да и не ее одной. Именно поэтому декрет сразу после обнародования стал называться законом об отделении церкви от государства и школы от церкви. Совершенно очевидна его направленность: слом враждебного новой власти института. Отсюда и определение религиозных организаций как частных обществ граждан, и отрицание церковно-иерархической структуры, и лишение церкви права юридического лица, что с точки зрения права вообще-то непонятно. Религиозным обществам не разрешалось иметь имущество. Но какое добровольное объединение граждан не может иметь имущества? Добровольные пожертвования, взносы и прочее — все это ведь есть накапливание имущества! Это было явное нарушение гражданских прав верующих.

Чем это определялось? Мне кажется, главным образом тем, что партийный аппарат, взяв на себя функции государственной власти, подменил государственно-церковные отношения партийным подходом к религии: известное ленинское положение, что религия не есть частное дело коммуниста, стало, по существу, государственным отношением к церкви. Центральные власти, может быть, это не сильно выпячивали, а на местах такой подход проявлялся в отказе от регистрации религиозных общин, волевом закрытии молитвенных зданий и т. д. Идея о реализации принципа свободы совести, конечно, в этих условиях долго не могла осуществиться.

В. В. Клочков: Да. Когда в середине 60-х годов вновь возродилась идея о создании Закона о свободе совести и было принято решение начать готовить проект этого документа, поручив возглавить эту работу Совету по делам религий при Совмине СССР, то последний пустил эти намерения «под откос». Совету как административному органу в системе бюрократической иерархии власти это было не нужно. Кстати, как и Совмину СССР, Президиуму Верховного Совета и другим. Но идея о законе жила все эти годы. К большому сожалению, в середине 70-х годов была вновь упущена возможность принять прогрессивное законодательство о свободе совести. Союзные и республиканские законодательства о религиозных объединениях, принятые в 1975—1976 годах, лишь ограничились текстуальной заменой устаревших терминов. Естественно, не смогли быть качественно изменены и отношения между церковью и государством. Тут политика, а не гражданское право, играла решающую роль.

Архиепископ Кирилл: Хотел бы тоже совершить исторический экскурс в проблему. Не нужно рассматривать ленинский декрет как некий оторванный от исторического процесса фрагмент, какое-то «осенение» вождя и т. д. Если сравнить чисто фразеологически этот документ с соответствующими декретами французской революции, то увидим, как они

похожи. История и нашей революции, и французской показывает, что революционные силы в обоих случаях в церкви видели своего врага. Почему? Ведь церковь во время французской революции, как и в первые месяцы после Октября, непосредственного участия в какой-либо открытой конфронтации с властями не принимала и принять не могла в силу своих традиций, структуры, определенной консервативности. Церковь не является мобильным организмом, который способен немедленно реагировать на какие-то социально-политические катаклизмы. Я согласен, что движущей силой конфликта было идеологическое противостояние. Церковь воспринималась партией большевиков как опасный идеологический противник. Поэтому декрет от 23 января 1918 года был направлен на то, чтобы подорвать положение церкви в обществе, оторвать от нее народ, разрушить сложившиеся структуры. Правда, в этом я вижу и одну положительную ценность. Она заключается в важности самой идеи отделения церкви от государства.

ЗАЧЕМ ОТДЕЛЯТЬ ЦЕРКОВЬ ОТ ГОСУДАРСТВА?

Архиепископ Кирилл: Принцип отделения церкви от государства является необходимым условием религиозной свободы. Ведь когда религия связана с государством, то в этом случае существует определенное ограничение свободы людей. Скажем, как это произошло, когда связали атеизм с государственной политикой, со всеми структурой и системой власти, с идеологией. Получилось, что практически атеизм превратился в государственную религию. И когда сейчас сокрушают его, а наши атеистические «коллеги» сетуют по этому поводу, то я обычно говорю им: «Не надо сетовать, вы переживаете сейчас то, что мы переживали сразу после революции. На нас был направлен удар новой власти как на государственную церковь, и все плохое, что было связано с прошлым, связывали с нами. Теперь все, что было плохого в революционные и последующие годы, связывают с вами, потому что вы были «государственными жрецами». Словом, сама жизнь показала, как важен принцип отделения церкви от государства, действительно обеспечивающий свободу совести.

В. А. Алексеев: Но в последнее время новые лица, избранные в Советы, в ряде мест начали подвергать этот принцип сомнению. Скажем, в недавно принятой I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете России говорится о необходимости едва ли не объединения усилий религиозных организаций и государства по ряду вопросов...

М. А. Иволгин: Да, в этой Декларации есть пункт, которым провозглашаются равные правовые возможности религиозным организациям, как и политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям участвовать в управлении государственными делами. Между тем, как известно, действующей Конституцией религиозным организациям не поручается выполнение государственных функций, они не являются субъектами законодательной инициативы. У церквей иное предназначение. И работа представителей церкви в Советах народных депутатов различных уровней — это участие в разработке и принятии законов не церковью, а избранниками народа, которым граждане СССР доверили государственную власть.

Д. Р. Поллыева: А почему государство не должно сотрудничать с церковью, учитывать мнения отдельных религиозных организаций? Это происходит, на мой взгляд, потому, что наше законодательство не уравнивает в правах религиозные организации с общественными. Но это неверно. Ведь мы сегодня заявляем, что строим гражданское общество, в котором суверен является человек. И это правильно. Но следующий этап суверенитета — это суверенитет групп, объединений, организаций граждан. Почему же мы отказываем в суверенитете религиозным общинам? В противном случае не может быть построена вся система самоуправления, в которой и религиозным организациям должно быть отведено место. Это тот самый давний вопрос о том, что религиозным организациям долгое время не было места в политической системе общества. Мы его сегодня опять старательно обходим. Зачем в Законе о свободе совести дополнительно выстраивать еще какую-то систему гарантий, которая на самом деле этим не является, а выглядит скорее сводом деклараций? Не пришло ли время посмотреть на принцип отделения церкви от государства иначе, чем прежде?

М. А. Иволгин: Не кажется ли, что, развивая далее вашу логику, мы должны отказаться от принципа отделенности церкви от государства?

Д. Р. Поллыева: Нет. Отделение церкви от государства — это не есть недопущение религиозных организаций в политическую жизнь. Раз закон допускает возможность выполнения религиозными организациями миротворческих и экуменических функций, позволяет заниматься благотворительностью, то почему они не могут участвовать в общественно-политической жизни? Они должны иметь право на это.

М. А. Иволгин: Не сле-

дует смешивать то, что относится к участию в деятельности общественных организаций, и то, что принадлежит субъекту законодательной инициативы, определяет властные функции. К уже сказанному мною в части характеристики принципа отделенности церкви от государства добавлю, что им определяется также, во-первых, взаимное невмешательство церкви и государства в дела друг друга, во-вторых, функционирование церкви как самофинансируемого, самоокупаемого, самоуправляемого частного объединения, союза граждан.

Г. И. Комендант: Мы — протестанты — желаем жить в правовом обществе, где законодательно закреплено отделение церкви от государства. И не надо ничего дополнительно регламентировать. Поэтому считаю, что Закон о свободе совести и религиозных организациях в какой-то мере будет все-таки переходным актом на пути к обретению нового положения церкви. Надо обратиться к опыту тех стран, которые уже довольно давно законодательно определили положение церкви на основе гражданских кодексов, не регламентируя дополнительно жизнь религиозных организаций другими правовыми актами типа нашего Закона о свободе совести. А коль скоро будет такой общесоюзный закон, то должен быть и государственный орган по вопросам свободы совести, который бы действовал в целях последовательного и неуклонного осуществления политики, обусловленной принципом отделения церкви от государства и школы от церкви, обеспечения конституционных гарантий свободы совести.

Архиепископ Кирилл: Согласен, что рано или поздно наше общество придет к тому положению церкви, о котором говорил уважаемый Григорий Иванович. Но при этом, я думаю, что на данном этапе нашего общественного развития мы еще не готовы прийти к такому состоянию. Поэтому пока нужны какие-то дополнительные конкретные законодательные акты, которые регулировали бы процесс реализации принципов свободы совести. Ведь на местах еще не везде изжито негативное отношение к религиозным организациям, и мы на практике сталкиваемся с примерами активного неприятия иными чиновниками самого факта нашего существования. Нужен ясный закон, чтобы таким чиновникам, указав пальцем в текст, заявить: «Видишь, что написано в законе? Вот поступай в соответствии с ним!» Пожалуй, это, может быть, единственный аргумент в пользу существования этого закона. Но он недолговечен. Согласен, что в будущем общество с развитыми правовыми отношениями вполне обойдется без этого закона.

И. Н. Яблоков: При определенных недостатках новое законодательство о свободе совести — все-таки, безусловно, плод серьезной, большой работы и шаг вперед. Документ долго составлялся и в известной мере является консенсусом разных точек зрения. Я думаю, что это вполне нормально и естественно. Хотя, конечно, и само название, и структура этого документа все-таки свидетельствуют о том, что он в большей мере о религиозных организациях, чем о свободе совести: статус и возможности функционирования религиозных организаций расписаны в нем довольно тщательно и подробно, просматривается направление к реализации гражданином свободы совести, а вот механизм осуществления прав личности на нерелигиозную свободу совести четко не сформулирован. Хотел бы обратить внимание и на содержащееся в документе новое понимание религиозной потребности. По-моему, очень правильно, что она не сводится к потребности вероисповедания. Действительно, ведь религиозная потребность — это не только состояние нужды индивида, но и движение к развертыванию воспроизводства религиозного сознания, широкому функционированию религиозных организаций. По-моему, все это наиболее полно соответствует новому концептуальному пониманию религиозной потребности.

КТО ЗАЩИТИТ АТЕИСТА?

Э. Г. Филимонов: Новое понимание этих проблем, на мой взгляд, предполагает не простое сотрудничество общественно-политических сил, но и объединение усилий в деле защиты свободы совести от всякого рода тоталитаризма, экстремизма. И в этой связи хотел бы отметить, что сейчас, как мне кажется, мы сталкиваемся с очередной крайностью. Усилиями средств массовой информации, отдельных представителей художественной, научной интеллигенции активно навязывается общественности мысль, что все социально-нравственные пороки происходят, мол, исключительно лишь от атеистического воспитания. Я понимаю, что это реакция на тот вульгарный атеизм, который у нас долгие годы господствовал. Но научное религиоведение здесь ни при чем, это «заслуга» пропаганды, которая абсолютизировала атеистическое воспитание, наломала тут немало дров, запутав общественное сознание многими догмами и стереотипами. Это была крайность, как и то, когда сегодня вдруг стали усиленно насаждать симпатии к религии, убеждать в необходимости верить в Бога. Посмотрите теперь один из традиционных вопросов, скажем, «Литературной газеты»: «Верите

ли вы в Бога?» И все стараются ответить, что они верят в Бога, хотя многие из них понимают нелепость этого. Мне особенно неприятно видеть такие перемены в позиции тех, кто раньше выступал как проповедник воинствующего безбожия. К чему все это говорю? Я боюсь этой крайности, потому что о свободе совести говорить не приходится, когда люди скрывают свои убеждения в угоду сиюминутным общественным настроениям. Я понимаю атеизм, свободомыслие как гуманистическую традицию, не чуждую общечеловеческим ценностям, как, кстати, и религия. И тут я согласен с архиепископом Кириллом, что мы все вместе вправе требовать, чтобы закон одинаково защищал разные духовные установки людей.

Архиепископ Кирилл: Нельзя не согласиться с Эдуардом Геннадьевичем. Мы много пострадали от государственного атеизма и знаем, что такое быть гражданами «второго сорта», страдать за свои убеждения, и не хотели бы, чтобы в нашем государстве кто-то бы еще притеснялся за свои взгляды. Но хочу особо подчеркнуть, что отсутствие упоминания об атеизме в этом законе есть, по моему мнению, не попытка как-то дискредитировать атеизм, а скорее, опять создать для него режим наибольшего благоприятствования. Ведь посмотрите, закон регламентирует только то, что касается религиозной деятельности, но ничего не говорит об атеистической практике. Что из этого следует? А то, что есть твердое желание все оставить по-старому, скажем, в области воспитания детей, преподавание атеизма в школе. Почему нельзя преподавать религию в школе? Ни один закон не должен запрещать этого. Мы не претендуем на то, чтобы уроки Закона Божьего, религии были бы частью общеобразовательной программы, чтобы они стояли в сетке часов, чтобы посещение этих уроков было обязательным. Но мы считаем, что необходимо предоставить церкви полную возможность знакомить в школах тех ребят с основами веры, которые этого желают, или этого хотят их родители. Вот меня, например, сейчас для проведения уроков Закона Божьего приглашают очень многие школы, и как закон меня может лишить права пойти туда, если этого хотят директор, учащиеся, родители? Как закон мне может запретить выразить то, что они хотят от меня услышать? Поэтому мы утверждаем, что факультативное преподавание религии в школе не идет вразрез с принципом отделения церкви от школы.

Или возьмем вопрос, который касается изучения естественных предметов в школах. Ведь это факт, что существует множество прекрасных ученых-естественников, которые считают себя верующими людьми. Мировоззрение не только то, что опирается на науку. Это гораздо больше. Совесть, скажем, тоже является частью мировоззрения. Но она не наука. Поэтому не может быть строго научного мировоззрения. И нам кажется довольно странным, когда говорят о научном мировоззрении, то всегда подразумевают атеистическое мировоззрение. Это методологическая ошибка. Каждый вправе делать те выводы, которые соответствуют его совести.

Дайте каждому человеку сделать свой мировоззренческий вывод, который он считает для себя единственно правильным. Не надо идеологизировать школу. В противном случае мы будем по-прежнему воспитывать схоластиков и догматиков, которые уже бог знает, что натворили с нашим Отечеством.

Я взываю к совести атеистов. Вы сейчас говорите, что пошатнулся ваш авторитет. Да, это есть. Но ваш атеизм был идеологией, которая поддерживала систему массового духовного угнетения. Вы будете нести за это моральную ответственность, хотя я знаю много прекрасных людей-атеистов и в дружеских отношениях с ними. Сейчас происходит закономерная реакция людей на былое тотальное господство, и нужно ее разумно принять, сделать верные выводы. Однако при этом я не согласен, что сейчас происходит «разгром» атеистов. Нет этого. Я вот по своему положению одной ногой нахожусь в столице, другой — в глубинке смоленской и вижу — нет этого разгрома. До сих пор школьный учитель в районе боится пойти в церковь. Попробуйте, будь вы главным инженером завода, на Рождество попросить отгул у директора или на Пасху в церковь сходить и посмотрите, чем это для вас кончится.

М. А. Иволгин: К сожалению, такие факты еще могут встречаться. Я допускаю это. Но эта нетерпимость изживает себя. Ответственные работники, мне кажется, все более понимают, что всегда должны исходить из принципа: государству нет никакого дела до религии.

Однако кое-кто из критиков прошлого в отечественной истории так увлекся, что не видит позитивных перемен в настоящем, в ходе осуществляемой перестройки, обновления государственно-церковных отношений. Между тем именно в наше время открыт широкий диапазон для сотрудничества церкви с государством, общественными организациями в решении жизненно необходимых вопросов. Уместно напомнить слова В. И. Ленина о том, что лучше нам объединить усилия в строительстве рая на земле, чем ожесточенно спорить по поводу того, а есть ли

он на небе. То есть я хочу призвать к поиску основы для взаимопонимания, а не конфликта. В том числе и по вопросу об образовании, обучении детей. Давайте порассуждаем: светское образование в общем-то базируется на материалистическом миропонимании. Может быть, нам все-таки следует и впредь придерживаться того, что физика, скажем,— это наука, которая основывается на молекулярно-атомной теории, а химия существует по своим законам и т. д. Не преувеличиваем ли мы так называемые «идеологические» аспекты образования. Надо ли требовать сделать выбор от ребенка, не приведет ли это к раздвоению сознания с самого начала, и не воспитаем ли мы у него двуличие, или, что еще хуже, не вырастим ли человека вообще без целостного мировоззрения?

Д. Р. Поллыева: Я тоже думаю, что уважаемый архиепископ Кирилл несколько преувеличивает минусы системы современного образования. Мы, если даже и захотим, не сможем воспитать в школе целостное атеистическое мировоззрение учеников. Нет специалистов, программ. Скажем, мы сегодня не можем даже в вузе читать курс о политических учениях, а без этого как уяснить трагическую историю XX века? Те же сложности и с другими мировоззренческими предметами. Что касается введения религиозного обучения, пусть даже и в виде факультативных занятий, тут не следует спешить. Надо все основательно продумать. Скажем, могла бы я отдать своего 9-летнего ребенка в группу обучения религии факультативным образом? Сразу и не ответишь. Но я никогда не допустила бы, чтобы этот вопрос решили без меня. У нас раньше был принцип, который почему-то выпал из этого законопроекта, когда определялось, что обучение детей религии частным образом возможно только по желанию их родителей, даже разрешения бабушек и дедушек формально было недостаточно. Сегодня же мы полностью исключили подобный принцип из нового закона, и вряд ли это можно приветствовать.

В. А. Алексеев: Сама постановка вопроса, кто кого и как должен воспитывать, на мой взгляд, непродуктивна. Скажите, а кто как не церковь тотально воспитывала тех людей, которые ее же и пытались ликвидировать после революции? Поэтому вернее, видимо, исходить из посылки, что человек сам себя воспитывает при воздействии обстоятельств, среды и характера деятельности. То есть тут очень важна роль социальных факторов, которым, как ни парадоксально, социализм не уделял должного внимания. Больше того, мы долго спорили: закрыт ли социализм для религии? А церковь в это время продолжала удовлетворять нисколько не уменьшающиеся потребности людей в религиозной вере. Так что, получается, социализм и религия не антиподы.

М. А. Иволгин: Социализм не закрыт для религии. Хотя прямо скажем, что история нашего государства дает основание для иного вывода. Но тут вина не социализма, не учения его основоположников, а их вульгаризаторов или прямых отступников от идеалов и принципов социализма. Уроки извлечены. Совет по делам религий при Совете Министров СССР разработал и с участием местных органов власти, а также своих структурных образований осуществляет современную концепцию государственно-церковных отношений в условиях происходящей перестройки, демократизации, гласности. Здесь важнейшим направлением являются обеспечение права на свободу совести граждан, гарантированного конституциями СССР и союзных республик, создание верующим гражданам нормальных условий для отправления религиозных потребностей, консолидация общества.

И. Н. Яблоков: Давайте прежде ответим: что есть социализм? Если это идеологизированное общество, то будет один ответ, если это общество социальной справедливости, гармонии разных интересов, то тогда ответ будет совершенно другим.

Религия же была и будет соответствовать развитию определенных отношений в нашем обществе: экономических, социальных, политических, духовных. И хотя религия и религиозные организации, как я понимаю, восполняют те аспекты жизнедеятельности общества, которые не реализуются в других сферах жизни, тем не менее я рассматриваю их как способ и средство духовного освоения мира. Это нонсенс, когда статья 5 законопроекта о свободе совести называется: «Отделение церкви (религии и религиозных организаций) от государства». Я думаю, религию от государства вообще в принципе отделить невозможно. Статья должна быть названа: «Отделение церкви от государства». Институт от института можно отделить, и то условно.

При этом я думаю, что под таким отделением следует понимать невыполнение религиозными организациями функций государства. Следует исключить создание предпосылок для развития клерикализма в нашей стране. В противном случае это было бы шагом назад в историческом процессе.

В этой связи полагаю, что все-таки современное цивилизованное государство должно придерживаться принципа светскости образования. Этот принцип в той или иной форме реализуется и в США, и во Франции, и в

Италии, и в Англии, и в ряде других стран.

Р. И. Гайнутдинов: А я согласен с мнением владыки Кирилла по вопросу о необходимости введения факультативных занятий по обучению детей религии. Но нельзя не согласиться и с уважаемым профессором Э. Г. Филимоновым, что при одностороннем увлечении прессы религией не случится ли в дальнейшем такое, когда какие-нибудь ученые, писатели через несколько лет скажут: «Я был атеистом в душе, а приходилось прикидываться верующим». До тех пор, пока в школе будут учить одному, а дома другому, мы будем продолжать воспитывать двуличных людей. Может быть, поэтому стоит на каком-то законодательном уровне определить возможность свободы выбора обучения — светского или религиозного (факультативного) — родителями своих детей в школах. А возможности для этого найти можно. Наше Духовное управление мусульман, в частности, внесло письменно такое предложение в правительственные органы страны.

ЕСТЬ ЛИ У НАС КЛЕРИКАЛЫ?

В. А. Алексеев: На немедленном введении в школах религиозного воспитания детей ныне настаивают и бурно нарождающиеся разнообразные религиозно - общественные движения. Скажем, вот недавно промелькнуло сообщение, что в Астрахани состоялся учредительный съезд исламской партии. Как относятся к ним, их требованиям официально действующие церковные и религиозные организации?

Р. И. Гайнутдинов: Действительно, среди определенных слоев мусульман есть намерения создать исламскую партию возрождения. Но сразу же хочу подчеркнуть, что эту партию хотят создать те, кто полностью не принимает зарегистрированных в установленном порядке власти священнослужителей, не признают официально действующие религиозные организации. Они обвиняют верующих и священнослужителей этих общин в сотрудничестве с государственными органами власти, добиваясь создания самостоятельного мусульманского государства на территории Средней Азии и Северного Кавказа. Вот эти силы и пытались недавно провести учредительный съезд своей партии в городе Астрахани. У меня было с некоторыми сторонниками этой партии несколько бесед, встреч. Они хотят, чтобы мы не вставали на регистрацию в государственных органах, перешли в эту партию и т. д. Таким образом, ставят немало условий, которые неприемлемы для нас. Мы наконец-то получили возможность свободно развиваться, после 42-летнего перерыва, провели в Уфе свой съезд мусульман европейской части СССР и Сибири, на котором определили пути дальнейшего развития мусульманских общин в современных условиях.

Архиепископ Кирилл: Да, партии такого рода в стране появились. В России, скажем, уже есть христианско-демократическая партия. Синод РПЦ по этому вопросу 3 апреля сего года сделал очень важное, на мой взгляд, заявление, которое можно по своему значению сравнить с декларацией 1927 года патриарха Сергия. Это есть официальная позиция церкви по поводу той общественно - политической ситуации в стране, которую мы сейчас переживаем. В заявлении отмеча-

ется, что у церкви существует традиционный подход к вопросам политической борьбы: РПЦ никогда себя не отождествляла ни с одной политической партией или политической программой. Одна из важнейших задач церкви заключается в том, чтобы свидетельствовать правду, быть голосом божественного откровения, искать моменты истины в обществе. Отстаивая право на свой пророческий голос, церковь должна нерушимо находиться на принципах отделения от государства. При этом мы можем оценивать состояние политического развития, общественных движений с нравственной точки зрения, но в качестве критериев для этой оценки должны использовать исключительно наше вероучение.

Что касается христианско-демократической или любой другой партии, в название которой вводятся какие-то конфессиональные или религиозные определения, как бы они ни назывались, это в первую очередь политические организации, они преследуют конкретные политические цели, которые не могут быть целями церкви. Более того, Синод смоделировал ситуацию, когда после выборов в республиканских парламентах, местных Советах может быть не один, не два, не десять, а очень много представителей церкви. В этом случае, хотят они того или нет, священнослужители-депутаты вынуждены будут образовывать блоки, а блоки — это уже выражение партийных интересов.

Синод постановил, чтобы архиереи, перед тем как включаться в предвыборную борьбу, должны были получить у него согласие, а священнослужители — согласие своего правящего архиерея. Но, как известно, целый ряд клириков Русской Православной Церкви выдвинули свои кандидатуры вопреки этому постановлению. Синод к тому же очень сильно критиковался целым рядом радикально настроенных священнослужителей. Они приписывали Синоду нечестные намерения, что он хотел якобы кому-то помешать пройти в депутаты. На самом деле ни против кого лично это решение не было направлено, оно было принято только для того, чтобы регулировать этот процесс и предотвратить создание клерикальной партии. Мы против этого.

В. В. Клочков: Да, мне известна позиция РПЦ по этому вопросу. Но у некоторых приверженцев других религий есть иные взгляды. Так, в Российское правительство несколько месяцев назад обратилась депутация из Дагестана, где в одном районе было создано исламское объединение, которое преследует цель широкого распространения шариата. Возник вопрос: как регистрировать это объединение? Как общество или партию? В новом законопроекте о свободе совести в статье 8, на мой взгляд, содержится ответ на этот вопрос: если новое общество не преследует целей удовлетворения религиозных потребностей, а занимается чисто политической деятельностью, хотя и имеет религиозное название, то и регистрироваться оно должно не как религиозное объединение. Пусть его деятельность, устав разрешают власти, пользуясь другим законодательством.

Э. Г. Филимонов: Рассуждая о судьбе нового законодательства о свободе совести, мы ведем речь исключительно лишь о правах верующих, религиозных организаций. Но ведь от этого закона немало должны приобрести и атеисты. Прежде всего они должны быть освобождены от обязанности быть выразителями официальной государственной идеологии. Полагаю, в перспективе должны измениться и взаимоотношения КПСС с религиозными организациями. Как? Тут, видимо, шире надо поставить вопрос. Уверен, что на основе общечеловеческих ценностей будет налажен диалог. К тому же уже сейчас внутри КПСС есть некоторые течения, готовые допустить нахождение верующих в КПСС, т. е. вернуться к тому, как это было до 1918 года.

Г. И. Комендант: Я хотел бы добавить, что, стремясь к диалогу, КПСС должна исключить из своего кодекса антирелигиозную борьбу, которая обязательно вменяется каждому коммунисту. В противном случае вряд ли могут появиться партнерские отношения с религиозными организациями. И потом, все-таки концепция КПСС идеализирует человека. Почему в стране сегодня многие беды? Потому что КПСС поставила человека как идеал, а Библия говорит, что все люди грешны. А когда человек знает, что он грешен и ему нужно совершенствоваться, то это одно, а когда он сразу считает себя идеальным, то это другое. Поэтому на пути к диалогу с партией коммунистов должны быть пересмотрены многие прежние установки. Изменить свое отношение к атеизму должно и государство.

Архиепископ Кирилл: В том виде, в котором существует Совет по делам религий, он совершенно не нужен ни государству, ни религиозным организациям. Совет будет нужен только в том случае, если это будет действительно представительный и полномочный орган государства. Для представителей церкви, каковыми являются епископы в своей епархии, было бы предпочтительнее иметь дело непосредственно с таким органом. Следовательно, необходимо продумать его новый статус.

Наши публикации

Вместо предисловия

Впервые имя доктора экономических наук, профессора, сотрудника Института США и Канады АН СССР Николая ШМЕЛЕВА стало известно широкому читателю в 1987 году. Тогда в № 3 журнала «Знамя» многие с интересом прочли повесть «Пашков дом», рассказывающую о «поколении хрущевской оттепели», его нравственных истоках, его в чем-то не состоявшейся судьбе. То была весна второго года перестройки. А летом читатели, получившие июньскую книжку «Нового мира», были потрясены безжалостной статьей Н. Шмелева «Авансы и долги». Все беды наших застойных лет, все корни нашей нынешней обидно-горькой бедности автор вскрыл доказательно и страстно, быть может, первым сказав обществу: «Так жить нельзя!». Единожды поверив в перестройку, Николай Шмелев затем отстаивал ее основополагающие принципы и в академических кругах, и в более широких аудиториях, и с высокой трибуны съездов народных депутатов СССР. Казалось бы, его устремления, помыслы связаны отныне с сугубо сегодняшними реалиями. И вдруг... исторический роман об эпохе Ивана Грозного — «Сильвестр». Почему?

— Может быть, потому, что для нас всех сейчас очень важно понять: кто мы и откуда мы есть? Что в нашей трагической истории случайно, а что тянется из тьмы веков? Нынешний период реформации, как известно, отнюдь не первый в истории России. Можно сказать, что первая попытка глубинных общественных реформ была предпринята Иваном Грозным. Точнее, его ближайшими советниками, которые окружали царя все годы его молодости. А царствование Ивана IV можно вполне точно разделить как бы на две половины. Первая, когда у него все получалось и страна уверенно двигалась вперед. И вторая, когда он же довел страну до катастрофы. О втором периоде царствования Ивана, ставшего «Грозным», в нашей литературе написаны многие тома. А вот о первом периоде — реформаторском — нам известно очень мало.

— Но почему главный герой романа все же не Иван Грозный, а Сильвестр, протопоп Благовещенского собора в Кремле?

— Для меня этот наставник царской юности интересен по двум причинам. Его политическое кредо можно сформулировать очень кратко: милосердие — самая выгодная политика из всех возможных во все времена. И, во-вторых, потому что Сильвестр был редактор и автор замечательной книги, подлинного учебника человеческой порядочности — «Домостроя». Книги, которую неизвестно почему вот уже лет 150 принято бранить в Государстве Российском.

Предлагаем читателям «Диалога» отрывок из нового исторического романа Николая Шмелева «Сильвестр». Полностью роман будет опубликован в журнале «Знамя» в начале следующего года.

Николай ШМЕЛЕВ

ДОМОСТРОЙ

Кто бы, наверное, подивились люди московские, только что бежавшие в ужасе от гнева того простоволосого, расхристанного попа, когда увидели бы его недолгое время спустя мирно вкушающим вечернюю трапезу среди своих домашних, во главе стола, в собственной, добротно срубленной избе, чудом уцелевшей от огня в глухом переулке, близ Зачатьевского монастыря, у самой Москвы-реки...

И этот чистенький, румяный, благостный старичок с голубыми глазами и душистой, расчесанной надвое бородой — это и есть тот грозный пророк, что одним лишь мановением перста своего остановил утратившую всякий рассудок толпу?!

Где торчащие дыбом седые патлы его? Где взгляд безумный? Где голос его хриплый, страшный, от одного звука которого повалилась на колени там, на царевом дворе, взбунтовавшаяся московская чернь?

Тихо сидит себе старичок за столом, черпает расписной ложкой из дымящейся чашки, улыбается, поглядывает из-под густых, уже тронутых сединой бровей на дебелую попадью, и на красавицу невестку, и на сына-молодца, ссутулившего над столом могучие свои плечи, и на слуг своих добрых, сидящих на нижнем конце стола.

Тихо, неспешно журчит его покойная речь, и столь же тихо, не торопясь, отвечают ему его домашние. Мерцает малая лампадка перед киотом, потрескивает свеча на поставце, оплывая воском, неслышно скользят и ломаются тени по стенам от двух молчаливых помощниц поварихи, подающих к столу. Все чинно, степенно, благородно... Он? Нет, не может быть, чтобы это был он.

Но это был именно он, протопоп Благовещенского собора Сильвестр, спаситель царя и царевой родни, человек, не убоявшийся мятежной толпы московской и один на один остановивший ее. А теперь установились на Москве покой и тишина и кончились волнения, и опять он был у себя, в кругу ближних своих, вдали от шума жизни, от буйных человеческих страстей.

Любил поп дом свой, любил домочадцев своих! Любил он хозяйство свое обширное, и порядок в дому, и достаток в многочисленных амбарах и клетях на подворье, и скотину всякую, и работы, и ремесло домашние, и сад свой цветущий, яблоневый, и лица вокруг себя приветливые, довольные жизнью, и песни девичьи, и смех безмятежный, и почет от соседей своих, чтивших его за мудрость не только в делах Божественных, но и земных.

А не любил поп пуще всего безделья, и лжи, и всяческого небрежения и непорядка в жизни. А еще не любил он дурости людской, непонимания выгоды своей ни здесь, на грешной земле, ни там, в жизни вечной. Зачем кровь? Зачем резня, обман, воровство, когда никому они не дают ничего, кроме всеконечного убытка по всем статьям? Ибо, по вековым законам мира, за каждым таким богопротивным делом идет неминуемая и скорая расплата, и даже не там, за пределами земными, а еще и здесь, в жизни нашей быстротекущей... Соблазнил жену ближнего — сын твой возлюбленный ни с того ни с сего вдруг сгорел в одночасье в лихорадке. Ограбил вчера соседа, отнял у него имение — завтра сам нежданно-негаданно получил в спину себе нож разбойничий либо стрелу татарскую. Над нищим, над убогим надсмеялся, в подаянии ему отказал — так что ж ты тогда в затылке-то чешешь: отчего бы это, дескать, амбар твой сгорел либо скотина у тебя на дворе пала?

И нет никаких исключений из этого Закона жизни ни для кого — ни для простых смертных, ни для царей. Как ни вертись человек, как ни исхитряйся, как ни пытайся обвести судьбу свою вкруг пальца, а ни одно твое неправедное дело не останется без ответа. И воистину ты, и только ты, и есть кузнец своего счастья! Все в мире поровну, все взвешено на весах Судии того Недремлющего: от доброго дела прибыток, а от худого убыток, и в этом и есть вся наша жизнь. И если качнутся вдруг Его весы не в ту вроде бы сторону, не по заслугам твоим,— не обольщайся, человече! Оглянуться не успеешь, как все опять встанет на свои места: праведному — по правде его, а неправедному — по неправде его. И Закон этот незыблем, как сама земная твердь, только людям в суете их по жизни все недосуг это понять.

«Мне отмщение, и аз воздам...» Воздаст! Непременно воздаст Господь — и рабу, и господину его, и последнему пастуху, и самому прегордому царю. Вот только как, где и когда воздаст — этого никому из смертных не дано знать. И мера воздаяния у Него своя, и о ней нам тоже ничего не дано знать. Кто из нас решится сказать: минута тяжкого страдания не равна жизни целой в довольстве и избытке?

Давно живет поп Сильвестр на свете. И знает поп, что, к сожалению, бесполезно взывать к человеческому милосердию, и к доброте, и к жалости, и к самоотречению во имя всеобщего блага здесь, на земле, либо спасения Там, в жизни вечной. Слаб человек, и глухо сердце его, и душа его пока еще дремлет. И не нуждается человек, замученный и задавленный житейской заботой, ни в Божественной истине, ни в заветах Христовых, ибо не по силам они пока ему. Стучись, не стучись в это каменное сердце — что толку? И не винит поп за то никого. То не вина людей, то их беда. И пройдут, наверное, долгие века, прежде чем люди начнут понимать язык сердца и лишь по умилению одному отстанут от безумств и злодеяний своих.

Но если глухо сердце их, если нет в нем жалости и сострадания к ближнему, то хоть выгоду-то свою должен понимать человек? Простую, понятную, ощутимую, поддающуюся счету на пальцах — выгоду себе, дому своему, семье? Трудись, веди себя достойно, щади ближнего своего, не делай ему ничего, чего не желаешь себе,— и благо ти будет, и будешь ты угоден Богу, и наполнятся до краев закрома и житницы твои. Чего, казалось бы, проще? Ан нет! Не тут-то было. Дурость человеческая пределов не знает — ни внизу, ни наверху, и родилась она не

с нами, и умрет она, конечно же, тоже не при нас.

Но разве это причина для совестливого человека, чтобы впадать в отчаяние, чтобы махнуть на все рукой и отстраниться от всего? Дескать, катись оно все, как катится! Не с нас все началось, не нами оно и кончится. А все усилия добрых царей, все слова вдохновенных пророков и проповедников — то лишь глас вопиющего в пустыне, где нет ни зверя, ни птицы, ни человека, кто бы ответил ему. Нет, православные, не так устроена жизнь! Коли бы так, то не надо и жить тогда никому на земле. Послал Бог на землю человека, чтобы трудиться на ней и украшать ее, и должен всякий человек — что наверху, что внизу — подчиниться воле Его, и трудиться, и украшать свою жизнь, и жизнь близких своих, и жизнь всего православного народа христианского. А все, что мешает тому, устранять и выметать отовсюду вон...

Должен! Одно это слово заключает в себе всю Истину. Человек должен! И этот долг и есть его жизнь.

Немало жил поп Сильвестр на свете. Многое понял он, до многого дошел и сердцем, и разумом своим. Но от дней своих младенческих и до самых до седых волос двух вещей не мог он никак понять вокруг себя. Почему повсюду такая грязь, почему такое убожество, и бестолковщина, и непорядок в домах и хозяйствах и у черных людей, и у больших? Почему люди не хотят жить как люди? А другое — почему они все так ненавидят друг друга, почему они тратят столько сил на вражду между собой? Когда кругом такое множество еще не сделанных дел — непостроенных домов, невспаханных земель, непосаженных садов, когда рядом с ними столько еще горя, и боли, и нужды, и слез?

Всю жизнь думал над этим поп, и не раз он убеждался, что и грязь, и нищета вокруг, и всеобщая вражда — это все одно и то же, это одна и та же болезнь, и лечить ее надо одними и теми же средствами. Какими? А все теми же! Других и не выдумал никто: выгодой, милосердием, кротостью, щедростью, уступчивостью, снисхождением к страстям и заблуждениям людским. И еще — словом сердечным, обращенным к тому доброму, что лежит на дне в душе каждого человека. Именно этому и учил поп всю свою жизнь. И в Новгороде Великом учил, еще в юные годы свои. И здесь, на Москве.

Ах, какой дом, какое хозяйство крепкое было у батюшки его покойного в славном городе Новгороде! Какие хоромы дивные, какие амбары, какие лавки богатые — и на Торговой, и на Софийской стороне! Какой порядок и благолепие царили всегда в доме родительском, как любили покойного батюшку и жена, и дети, и работники его! И как счастливо жил он с соседями своими, помогая им, чем мог, и сам принимая от них помощь посильную, когда была в том нужда.

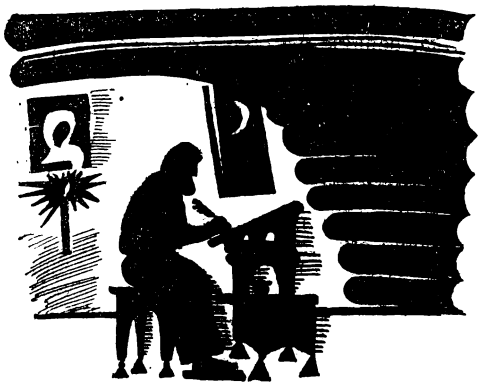
А как весело шла торговля его! Как радушно встречал он всех, кто бы ни зашел к нему! И как ценили торговые люди его слово, и каким кредитом пользовался он у них — и у своих, новгородских купцов, и у московских, и у ливонских, и у ганзейских гостей...

Один только он, Сильвестр, младший сын в семье, пошел по иной, не по торговой дороге, и, почитай, еще безусым был рукоположен архиепископом новгородским, наставником и благодетелем его Макарием в сан священнический. Но и то было по воле батюшкиной, по его согласию, ибо заметил родитель покойный в нем с ранних лет тягу к учению книжному, к размышлениям возвышенным...

Многим, конечно, обязан он, Сильвестр, книгам духовным, и многое он перенял от ученых наставников своих. Но, может быть, еще большим обязан он ему, батюшке своему покойному: трудам его усердным, жизни его справедливой, подражания достойной, и душевной, и телесной чистоте его, и смекалке его житейской, и слову его участливому, и деснице его щедрой, нескудеющей, всегда протянутой к человеку с добром.

Закончилась трапеза. Прибрали со стола домашние, расстелили на нем чистую скатерть, обмахнули полынным венчиком под лавками и по вощеным половицам, зажгли еще свечи, зажгли большую, веницейского синего стекла лампаду перед киотом, вынесли вперед аналой под шитым серебром покровом и тихо встали, кто где привык, дожидаясь в молчании, пока хозяин дому сему не завершит свои приготовления к вечерней молитве: «Всякое ныне житейское отложим попечение...» Строго соблюдали и сам поп, и домочадцы его святой обычай христианский: каждый день начинался в Сильвестровом доме с молитвы, и каждый день ею же и кончался. Ибо, как учил поп, «всякий день вечером мужу с женою, и с детьми, и с домочадцами, кто знает грамоту,— отпеть вечерню, повечерицу, полунощницу в тишине, и со вниманием, со смирением, и с молитвою, и с поклонами петь внятно и согласно, а после службы отнюдь не пить и не есть».

И каждый вечер оглашался дом его пением стройным и многогласным, как только еще начинали тогда петь на Москве, лишь недавно позаимствовавшей древний песенный распев новгородский. И так же истово, так же торжественно служил поп Богу у себя, в кругу своих домашних, как служил он в Кремле, в соборе Благовещения, при многом стечении народном. И так же клали домочадцы его земные поклоны, и так же



никто из них, ни стар, ни млад, не могли и подумать, чтобы присесть во время службы хоть на малое мгновение. Ибо вера истинная, православная, крепка прежде всего страданием и сокрушением человеческим, а какое же страдание, какое же сокрушение духа твоего суетного, мятежного, может быть, коли не стоишь ты, «ветхий человек», на ногах своих, а сидишь?

А отпев последний псалом и благословив и жену, и детей, и домочадцев своих на сон грядущий, удалялся обычно поп в маленькую, тесную, словно монастырская келья, комнатеночку об одно окно, примыкавшую к большой горнице. Там ожидало его дело великое, подвиг всей жизни его многотрудной — его «Домострой».

В комнатушке этой на потемневшей от времени столешнице лежали стопкой листы пергамента, слева исписанные, а справа чистые, и стояла свеча, и стояла склянка с чернилами и рядом другая склянка с воткнутым в нее гусиным пером. Еще по углам комнатушки возвышались два больших кованых сундука, в которых хранилось множество книжных свитков, древних и новых, списанных и здесь, и в иных землях,— то была домашняя библиотека Сильвестра, известная многим на Москве. И тут же вдоль стены стоял узенький топчан с наброшенным на него овчинным тулупом. Под этим тулупом поп, утомившись от ночных трудов, нередко и засыпал, не в силах добраться до своей постели там, в верхних покоях, куда к тому же надо было еще взбираться по крутой, скрипучей лестнице, пугая тем скрипом своих домашних. А поп этого не любил.

Много ночей просидел в той тесной комнатеночке Сильвестр! Много книг и духовных, и мирских прочитал он в тишине. И много истин высоких познал он, открыв их в писаниях святых отцов церкви и древних философов, греческих и римских, славных в веках великой мудростью своей. Но чем больше он читал, тем больше тревожила и волновала его одна мысль.

Велика была вера отцов церкви! И, спору нет, глубоко постигли они и сердцем, и разумом своим Откровение Божие, Слово Господа нашего Иисуса Христа. И высок был дух знаменитых философов древности, и знали они высший порядок мира и скрытые от людей законы Небесных сфер. Но знали ли они человека — того, к кому были направлены все вдохновенные слова и все грозные увещевания их? Знали ли они жизнь его тяжкую, непосильную, и заботы его земные, и несчастия, и болезни, и слабость его, и вечный страх? И не слишком ли многого хотели они все от него, от простого смертного, призывая его забыть о «злобе дневи сего» и уповать лишь на жизнь вечную, там, в садах Эдемовых — и Блаженный Августин, и Иоанн Златоуст, и Иоанн Дамаскин, и Аристотель, и все другие великие умы, пытавшиеся объяснить человеку мир и его, человека, место в нем?

Нет, похоже, что не с того конца подступались они все к жизни и к человеку, к отчаянию и надеждам его. Божественное у них было само по себе, а земное само по себе. И между тем и другим проложили они пропасть, которую не в силах преодолеть человек, вечно погруженный в заботы о хлебе насущном, о жене, о детях своих малых, о хозяйстве — о том, как бы прожить, не погибнуть ему в волнах моря житейского, среди бушующих стихий, что, как щепку, швыряют его из стороны в сторону всю его жизнь. Но пропасть эта — заблуждение! И корень того заблуждения, несомненно, в гордыне, высокоумии, в забвении человека и тяжкой доли его. Нет никакой пропасти между тем миром и этим, и порядок в мире один — и для того мира, и для сего, и оторвать эти миры друг от друга нельзя, ибо едины они, как един сам Бог.

А раз так, то и путь к человеку, к сердцу и разуму его лежит через жизнь его земную, ибо порядок мира начинается для него здесь, с первым вздохом его на земле. Нет-нет! Ни в едином слове не спорил Сильвестр с отцами церкви, с великими и мудрыми предшественниками своими. Истинно, истинно писание их: Божественное выше земного — то вечность, а то миг. Но миг этот, нельзя забывать — вся жизнь человеческая от рождения его и до смерти, от колыбели и до гробовой доски.

И если всю красоту Божественного, всю радость жизни вечной уже давно объяснили человеку святые отцы церкви и многие иные властители человеческих дум, то земным устроением они, по гордыне своей, пренебрегли. А должно знать всякому человеку, что красота и стройность всего сущего во Вселенной — это не только Закон Неба, но и Закон земли. Но если на Небе Закон сей блю-

дут силы горние, Божественные, то на земле некому его блюсти, кроме как самим людям. И потому должно пастырю духовному учить свою паству, учить всякого человека от младости его и до седых волос этому Закону, ибо беззаконие, беспорядок, настроение людское — мать всех страданий и несчастий на земле.

А имя тому порядку, на коем зиждется жизнь,— «Домострой». Ибо строит всяк человек жизнь свою, дом свой сам, своими руками, но в согласии с Законом, сообщенным ему святой апостольской церковью и наставниками его духовными, кому в заботу душу его нетленную вручил Господь.

А «Домострой» тот написал он, смиренный протопоп Благовещенского собора Сильвестр! Вернее, почти уже написал... И будет жить тот «Домострой», пока жив на земле человек, пока стоять будет во славе своей святая наша церковь, а стоять ей века, до самого Второго Пришествия в мир Господа нашего Исуса Христа! И станет тот «Домострой» звездою путеводною для всех, кто истинно радеет о душе своей и о доме своем, о жизни своей загробной и о жизни земной, среди себе подобных. Ибо не только Божественному, вечному учит сия книга, но и простому житейскому обиходу, жизни праведной и справедливой, и удаче в доме своем и в делах своих, и тишине, и порядку, и счастию семейному, и дружелюбию к соседям своим. И не к насилию, не к побоям и рабству взывает сия книга, а учит людей словом добрым, увещевательным, как детей, «чтобы были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом дому, и всегда в порядке».

И отдаю вам, живущим по-христиански, писание это на память и вразумление вам и детям вашим! Перво-наперво, чтите, чада мои, Господа нашего Иисуса Христа, и Святую Троицу, и Пречистую, и святых угодников и мучеников во Имя Господне, и церковь Божию чтите, и наставников духовных своих. И творите молитву усердную по все дни, и гоните от себя помыслы греховные прочь, и блюдите душу свою и тело свое в чистоте и опрятности — и благо вам будет и здесь, и в жизни вечной.

А еще должно всякому человеку, и жене, и детям, и домочадцам его всегда и во всем помнить самое наиважнейшее, на чем стоит и будет стоять весь порядок жизни христианской. «Не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты, а наипаче всего не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради Бога: и поношение, и укоризну, если поделом поносят и укоряют, с любовью принимать и подобного безрассудства впредь избегать, а в ответ не мстить».

И не будь никому лиходеем, человек! Вглядись в беду людскую, и скорбь, и нужду ближних и дальних твоих, и, насколько можешь, им помогай. И работников своих, и странников, и нищих убогих корми и содержи, как самого себя, ибо то Богу в честь, а тебе во спасение. И остерегись, чтобы отнюдь не входило бы в дом твой ничего из насилия, ни из грабежа, ни из взятки, ни из ростовщичества, ни из доноса либо клеветы, ни из неправедного суда: «если от этого Бог сохранит, будет тот дом благословен отныне и вовек».

И блюди, человек, порядок в доме твоем, и в делах, и в хозяйстве, и в имуществе своем, и живи по средствам, без зависти, соизмеряя приход свой и расход, и гони алчность из дома твоего прочь, но и выгоду свою не забывай, ибо труд человеческий, и бережливость, и смекалка в делах угодны Богу, ими же крепка есть всякая земля. Из грязи родится только грязь, а из беспорядка — только беспорядок, и смута, и вражда, и злоба человеческая, и кровь.

И не думай, человек, что кадушка попусту сгнивших огурцов у тебя в чулане — то пустяк! Нет, то тяжкое зло, великий грех, и этот грех на тебе, и только на тебе. И покосившаяся крыша, и грязь в доме твоем и на дворе, и разруха в твоем хозяйстве, и просроченные долги, и худая скотина у тебя в хлеву, и пьяная, нечесаная жена, и дети, отбившиеся от рук, и скудные разумом, впавшие в детство престарелые родители твои, лишенные заботы и ухода, и ссоры с соседями, и брань, и разврат, и безделье работников твоих — все грех, все на тебе, человек, и за все будешь ты держать ответ перед Богом! И не будет тебе счастья и удачи ни в чем, ибо счастье и удача — дело рук человеческих, и не можешь, не смеешь ты гневаться и роптать на судьбу свою горькую, коли сам себе ты всю жизнь был враг.

И помни, человек: милосердием, а не злобой держится жизнь твоя и жизнь близких твоих — и в малых делах, и в больших. Спору нет, совсем без силы в жизни не обойтись, и коли не слушают слова твоего кроткого, отеческого — нет в том греха, чтобы иной раз и силу употребить. И детей своих держи в строгости, и домочадцев, и работников своих, но и здесь знай меру, и здесь не давай волю слепому гневу и ярости своей. «И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ничем железным либо деревянным не бить». А наказав по вине сына своего либо раба ле-

нивого — приласкай его потом и пожалей, ибо тогда вина его будет еще горше для него, а обида в сердце его вскорости сама собою утихнет и пройдет.

И слова эти не только к людям, не только к пастве моей, жаждущей опоры в жизни своей земной и надежды в жизни вечной, но и к тебе, сын мой возлюбленный Анфим! Добрый вышел из тебя человек, здравый и разумом, и телом своим, и послушный, и верный, и богобоязненный, и не в чем мне, отцу твоему, пока упрекнуть тебя. Но длинна, длинна дорога жизни! И многие еще соблазны ожидают тебя на ней. Быть ли тебе в государевой службе, или пойдешь ты по торговой части, или потянет тебя к земле, хлеб растить и стада пасти — везде, сын мой, живи по Закону Божьему и человеческому, и помни всегда, и в радости, и в нужде: как ты к людям, так и они к тебе.

Первое: никого, чадо мое, не презирай и живи так, как прожили век свой отец твой и мать. Никто не вышел из дома нашего голоден или печален, и всякому человеку мы, как могли, нужное все давали Бога ради, и страждущего утешали, и печального словом вылечивали, и ссужали каждого, чем могли. И видел ты сам, чадо мое возлюбленное, как были мы с ней «всеми почитаемы и всеми любимы, всякому в нужде угодил я и делом, и служением, и покорством, а не гордыней, и порочащим словом не осуждал никого, не насмехался, не укорял, не бранился ни с кем, а пришла от кого обида — мы Бога ради терпели и винили себя, и потому становились враги друзьями».

А другое, Анфим,— помогай где можешь и как можешь освободиться человеку от рабства, от оков тех и цепей, коими сковали его либо люди, либо злые татарове, либо случай, либо воля сильных мира сего. Помни: «из темниц больных и пленных, и должников из рабства, и во всякой нужде людей по силе своей выкупал я, и голодных, как мог кормил, и рабов своих всех освободил я и наделил их, а иных и из рабства выкупил и на свободу пустил, и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут... Многих ничтожных сирот, и рабов, и убогих, мужского полу и женского, и в Новгороде, и здесь, в Москве, вскормил и вспоил я до зрелости, обучил, кто чему достоен, многих и грамоте, и писать, и петь, которых иконному письму, а которых и книжному искусству, тех серебряному делу и прочим всем многим ремеслам, а кого разной торговлей научил заниматься. А мать твоя воспитала в добром наставлении многих девиц и вдов, ничтожных и убогих, обучила рукоделию и разному домашнему обиходу и, наделив приданым, выдала замуж, а мужчин поженили у добрых людей,— и все те, дал Бог, свободны, живут состоятельно, многие в священническом и дьяконском чине, и в дьяках, и в подъячих, и во всех чинах: кто во что уродился и в чем кому благоволил Бог быть,— те занимаются различными ремеслами, а многие торгуют в лавках, многие и в купечестве в различных землях ведут торговлю».

А еще, Анфим, во всех делах не скупись, не ленись ладить с людьми и плати за все наперед добром. Не сомневайся: окупится твоя доброта сторицею, и будет тебе всегда и во всем прибыток — и в торговых делах, и во всех иных. Никому и ни в чем, Анфим, не лги, не обманывай, и слова своего никогда не отменяй, и долги свои всегда отдавай в срок. Гостей приезжих всегда встречай хлебом-солью, а с соседями своими храни мир и дружество, и в помощи, и в хлебе, и в займе не отказывай им никогда. А сам пойдешь куда в гости, подарки вези — недорогие, но всегда: подарки дело обоюдное, а дружба навек. Сам знаешь, чадо мое, как мы жили: слава Богу, обошлось в жизни «без клеветы, и без судебного пристава, и без всякой кручины; все, что было, улажено хлебом, да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью, да терпением своим».

Но... Скажет, конечно, иной пустой, легкомысленный человек, прочтя строки сии смиренные: «Что ж ты, отче Сильвестр? На Небо через корысть людскую попасть хочешь? И других за собой зовешь? Плутуешь, святой отец! За добро свое от других воздаяние ждешь, да еще с прибытком... А где ж чистота души твоей бессмертной, кротость младенческая, вера твоя безоглядная и бескорыстная в Господа нашего Исуса Христа? Все расчет да расчет... Нет уж, коли ты истинный пастырь стаду своему, так ты и сам облачись в ризы светлые, без единого пятнышка, и нас одень во все чистое, чтобы и грязи не было нигде. Вот тогда и пойдем за тобой...»

Скажет, скажет так иной недалекий человек! Непременно скажет. Скажет — и будет прав... Плутует поп Сильвестр!

И знает сам, что плутует. Но не от корысти, не от змеиной хитрости то его плутовство, а от отчаяния его бездонного, от невозможности найти прямую, без петляний, дорогу к сердцу человеческому. Да и как сохранить ризы светлые в их нетронутой чистоте посреди моря житейского? В миру ведь живем, православные! А как в нем без грязи обойтись?

Послушайте лучше, люди московские, притчу древнюю, многосмысленную, от святых отцов к нам пришедшую. Может, хоть она вас просветит, коли уж своим умом вам до правды не дойти.

Призвал как-то Господь святого Николая и святого Касьяна пред очи Свои светлые, Божественные, и назначил им точный срок. Припозднились святые угодники, торопятся, солнце уже садится, а им еще идти да идти. И вдруг видят они: валяется у дороги, в грязи, опрокинувшаяся телега с поклажей и волнуется, суетится возле нее какой-то мужичонка самый что ни на есть завалящий. Лошадь-то он выпряг, а телегу обратно на дорогу выпихнуть не может — сил нет.

— Давай, подсобим,— говорит святой Николай святому Касьяну.— Жалко мужика. Одному ему с телегой не совладать.

— Что ты, брат! — отвечает ему святой Касьян.— Ты забыл, к Кому мы идем? И ты в чистых ризах, и я. Попачкаемся, Господа нашего прогневим.

Да не послушался его святой Николай. Поплевал на руки, влез в самую грязь и вытащил-таки телегу того горемыки обратно на дорогу. Ну, понятно, перемазался весь с головы до ног, да делать нечего, каков есть — таков и есть, надо дальше поспешать.

И вот приходят они к Господу. Видит Господь: стоит перед ним святой Николай грязный, оборванный, прячет от него глаза, стыдится себя, а рядом с ним святой Касьян в белых ризах, и ни пятнышка на них, и лицо его светится светом праздничным, восторженным, и взор его полон любви.

И подивился тогда Господь виду их столь несхожему. И спрашивает Николая: что, дескать, произошло?

— Да так, мол, и так, Господи,— отвечает Ему святой Николай.

— Ну, а ты, Касьян? — спрашивает Господь.

— Да так, мол, и так, Господи,— отвечает и он Ему.

И сказал им тогда Господь: «Что ж, и ты прав, отче Николай, и ты прав, отче Касьян. Но правда ваша разная. И за твою правду, Николай, люди будут праздновать имя твое дважды в год. А твое, Касьян — только в четыре года раз».

Вот так оно и повелось с тех пор: дважды в году, по весне и зимой, чествует народ христианский имя святого угодника Николая, а имя святого Касьяна — только раз в четыре года, 29 февраля. Как говорится, имеющий уши да слышит! А больше к притче той и добавить нечего: в ней, православные, вся наша жизнь.

...Догорает свеча на столе. Усталость клонит долу голову Сильвестра, смежаются глаза его. И не помнит поп уже ни кровавых пожарищ московских, ни мятежной толпы на царевом дворе, ни забот своих домашних, неотступных — сладко спит он, уронив свою многодумную голову на руки и улыбаясь самому себе во сне. И тихие, нездешние голоса вновь начинают звучать в его ушах, и душа его уплывает в иные миры, где нет ни печалей, ни скорбей, а есть только добро и свет. А вместе с ним безмятежным, праведным сном спят и жена, и дети, и домочадцы его, очистив перед сном душу и совесть свою молитвой кроткой и бесхитростной к Богу.

Но, видно, не судьба была в ту ночь Сильвестру хоть ненадолго да забыть о мире сем суетном и беспокойном. Еще стояла глухая темь на дворе, еще и светать не начинало, как кто-то тихо, крадучись, постучал кнутовищем в его слюдяное окошечко, освещенное изнутри дрожащим светом свечи. Вздрогнул Сильвестр, вскинул голову, озираясь по сторонам и не понимая, где он и что с ним. А поняв, столь же тихо стукнул в ответ по слюде — мол, иду, и пошел открывать.

Темно, беззвездно было на дворе, и месяц лишь угадывался сквозь дымную пелену, уже несколько дней висевшую над сгоревшей дотла Москвой. Набухшие сном, стариковские глаза Сильвестра не сразу и различили в темноте какого-то закутанного в черное с ног до головы человека, прислонившегося к резному столбику крыльца.

— Кто ты? — спросил Сильвестр.

— Стольник царский Алексей Федоров Адашев. От государя к тебе, святой отец.

— Что приказал с тобой государь, сын мой?

— Приказано тебе великим государем, отче Сильвестр, сей же час пожаловать к нему к ранней заутрене. А после нее хочет он, государь, иметь с тобой беседу тайную с глазу на глаз о его, государя великого, великих и тайных делах. И еще приказано мне, отче, от сего дня блюсти тебя, как зеницу ока, и без присмотра моего, либо людей моих тебя не оставлять ни на шаг. Потому что ты теперь ему, государю великому, и всему дому его царствующему самый близкий человек, и должно тебе государю служить, а нам тебя всячески оберегать и от врагов твоих, от умысла их коварного сохранять.

— Кто ты, чадо мое? Откуда ты возник? И почему я раньше тебя не знал?.. Дивно мне: ты же еще совсем молодой

человек! А доверие к тебе государево — то доверие не к юноше, а к человеку из первых в синклите его.

— На то воля государева, святой отец. Не мне о том судить... А рода мы, Адашевы, старинного, из костромских дворян, а батюшка мой в окольничих был еще у благоверной государыни нашей Елены Васильевны, а я у него старший сын и в службе царской почитай что с младенческих лет. И с батюшкой моим в посольстве российском в Царьград к турецкому султану ходил, и многие муки там претерпел, и живой вернулся, и с тех пор вот состою неотлучно при дворе. А велено мне теперь государем великим ведать его, государя великого, Челобитную избу, что приказал он вчера поставить без всякой волокиты и промедления в Кремле, возле Чудова монастыря. И приказал мне государь великий в той избе сидеть и челобитные от всего народа русского принимать, и по разуму и по достоинству моему управу и ответ по ним давать. А буде случатся какие из них выше разума и достоинства моего, то велено мне тебе, богомольцу нашему, их нести и советоваться с тобой, как для пользы и тишины в государстве Российском с ними быть. А что и нам с тобой вдвоем будет не под силу, то велено докладывать государю и ближней Думе его, и как они присудят, так по их указу и поступать...

Негромкой была речь царского посланца — негромкой и печальной. И не было на бледном лице его никаких признаков восторга от неслыханной удачи, нежданно-негаданно свалившейся на него по прихоти царя. Нет, не о суете житейской, не о славе и богатствах, ожидавших его, думал сей юноша дивный, а о том испытании великом, о долге тяжком, что возложил на него Господь.

Сильвестр жадно вглядывался в суровые черты юноши, в его лицо, окаймленное кудрявой бородкой, в черные зрачки глаз, поблескивавшие в предутренней полутьме. И чем дольше он смотрел, чем дольше слушал этого юношу, тем теплее становилось у него на сердце. Велик Господь! И есть еще на земле надежда! Есть еще в мире сем буйном и беззаконном люди, кому не безразличны страдания, и слезы человеческие, и разруха жизни, и заботы, и горе, и вечное стремление к правде малых сих, беспомощных перед лицом Божественных стихий.

— Так, значит, быть нам с тобой, сын мой, отныне и присно заодно?

— Я слуга твой, святой отец. Ты голова, я руки твои. И оба мы — слуги государевы... Сегодня надежда его на тебя да на меня. А завтра... А завтра, отче, видно будет, как там все пойдет. Молод еще государь и переменчив в нраве своем... Но судьба дала нам с тобой, отче Сильвестр, случай что-то сделать для пользы Отечества, для всего народа христианского. Так неужели упустим его? Коли упустим, не простит нам того Господь...

— Истинно, истинно говоришь, раб Божий Алексей! Нельзя нам упускать ничего. Ни тебе, ни мне... Слишком тесным кольцом окружили звери алчные державного отрока, слишком плотно обложили они со всех сторон древний трон российский. Не мы — так они... Нет, ничего нам с тобой упускать нельзя! Слышу глас Господень в сердце своем: вставай, Сильвестр! Довольно лежать на печи — час твой пришел...

— Так поспешай, святой отец. Кони ждут. Успеем до переправы, пока рассветет... Одно только хочу спросить у тебя, отче Сильвестр. И не гневайся на сомнения мои. Чую — долго еще быть нам с тобою вместе...

— Спрашивай, Алексей Федорович. Сумею — отвечу.

— Ты и вправду... Ты и вправду слышал глас Божий с Небес, отче Сильвестр? Истинно было вчера знамение тебе? Или то было самим тобою придумано, чтобы остановить мятежную толпу? А заодно припугнуть и царя?

— Не знаю... Не знаю я, сын мой, что и сказать тебе... Не знаю я, Алексей, что это было. И было ли это и вправду Свыше или лишь в сердце моем... Одно я знаю: не своей волею прибежал я на царский двор, не своей волею выскочил я тогда на царево крыльцо с распятием в руках... Сам, я, Алексей, тихий человек, книжный человек. И мне ли по жизни моей соваться в такие дела? Да вот, поди ты: вскинула меня какая-то неведомая сила, понесла, а как так случилось, откуда что взялось — и сам не знаю ничего. Хочешь верь, Алексей, хочешь не верь. А больше мне и нечего тебе сказать...

— Верю, отче. Верю! И как я могу не верить тебе, когда лишь от единого слова твоего утих мятеж московский? И когда лишь по слову твоему в одну

ночь царь стал иным? Не могло то статься без воли Божьей. Ты ведь тоже всего лишь человек, отче Сильвестр. А человек не может творить чудеса, коли не пошлет ему на то силы Своей Господь... Благослови! Благослови, отче Сильвестр. Благослови сына своего духовного на помощь и службу тебе в великих деяниях твоих...

Нехотя, пробиваясь сквозь мглистую тьму и гарь, вставал над Москвой рассвет. Дымились остатки пожарищ, чернели во дворах обгорелые печные трубы, и смутно, как в тяжком сне, торчали по сторонам остовы сожженных деревьев, а сквозь скрюченные, без листвы, ветви их бледно просвечивало вверху небо. На улицах и площадях не было видно ни души: измученный свалившейся на него бедой город еще спал. Лишь изредка издалека доносился заунывный собачий вой, оплакивавший чью-то несчастную судьбу, да где-то за обуглившимся тыном вдруг хрипло, словно спросонок, начинал голосить чудом уцелевший от огня петух, предвещая утро.

Странное, наверное, зрелище представляли со стороны эти два всадника, пробиравшиеся сквозь дебри спаленных огнем московских улиц к Девичьему полю, где еще с ночи ждала их лодка с гребцами, высланная царем. Юноша-то, видно, родился в седле и в нем же, надо думать, и умрет. Но этот коренастый, плотный старик священник, мешком сидевший на своей кобылке, даже не доставая короткими ногами до стремян? Нет, по всему видать, не его это было дело скакать куда-то, сломя голову, на лошадях, да еще в такую рань. Сидеть бы ему, старцу почтенному, у себя дома за каким-нибудь древним свитком, под тихо оплывающей свечой, или лежать себе на печи, под боком у попадьи, мирно доглядывая свои предутренние сны...

И куда тебя несет, старик?! Вернись! Вернись, пока не поздно. Не лезь ты в эти дела, не для тебя они. «Богу богово, а кесарю — кесарево...» Знай Бога своего, паси своих овец, утешай и укрепляй душу человеческую в безмерном одиночестве ее — и этого хватит тебе до гробовой доски. Что знаешь ты, неуемный, ты, самонадеянный старик, о власти, о тайных пружинах мира сего, о возвышении и гибели народов, век за веком, волна за волною, бредущих куда-то, не ведая ни цели своей, ни пути?

Остановись, отче Сильвестр! Вернись домой, вернись к своей попадье, к детям своим, к «Домострою», что лежит, еще не конченный, у тебя на столе... Нет — поздно! Первый луч солнца уже скользнул у них за спиной, и впереди заблистала Москва-река, а на ней, у самой кромки тумана, лодка с гребцами, уткнувшаяся носом в песок, и кто-то из гребцов уже машет рукой, заметив двух всадников, поспешающих к ним...

Поздно! Что ж, сам ты выбрал, старик, свою судьбу. Никто тебя не заставлял. Ну, а коли так, не обессудь.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Да, пресса первой поддержала перестройку, открыто билась с ее явными и законспирировавшимися недоброжелателями, отстаивала идеи демократии, правового государства, широкого развития рыночных отношений. И вот мы сами оказались на этой новой территории, имя которой рынок (точнее, его подобие), прибыли, огляделись, отдышались и испытали неуют: ан не все тут так просто, складно, удобно, комфортно, как по наивности предполагали.

Рыночные отношения — штука жесткая, и всякий, кто в это дело впрягся, по сути, участвует в отборочном забеге, «квалификации», как говорят спортивные комментаторы, причем по системе олимпийской: проигравший выбывает. Хотим мы того или нет, но нынешний год для средств массовой информации — это та же квалификация.

Об условиях, о новом своде правил читатель, по всей видимости, наслышан. Вот как они выглядят применительно к «Диалогу»: цены на бумагу, типографские услуги, услуги «Союзпечати» по распространению выросли примерно в 2—2.5 раза.

Дорожает все, информация — тоже. В результате: отныне номер журнала стоит 50 КОПЕЕК, годовая подписка — 9 РУБЛЕЙ. Учитывая напряженную финансовую ситуацию, это — деньги, и, наверное, в семейном бюджете нелишние. Воля ваша, платить или нет. У нас, журналистов, редакторов «Диалога», иной воли, иного выбора, кроме как делать журнал лучше, нет. Одного журналистского усердия тут, конечно, мало, нужны средства, в первую очередь на развитие, улучшение материальной базы. Годовая прибыль журнала составляет более 1 миллиона 733 тысяч рублей. Эти деньги поступают нашему издателю. Сейчас мы ищем возможности использовать хотя бы часть своей собственной прибыли для острых нужд журнала, в первую очередь для улучшения оформления. И еще: не обойтись нам без вашей поддержки, вашего участия, вашей критики, читатель. Эту поддержку мы чувствуем, надеемся, что она укрепится. И «Диалог» успешно пройдет «квалификацию».

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ. «Ожидание».

25 коп.

П46-2

Индекс 70699

ДИАЛОГ

В последних номерах 1990 года и в 1991 году в журнале «ДИАЛОГ»

Статьи и дискуссии о будущем марксизма, о демократическом и гуманном социализме, о выдающихся русских и мировых философах и мыслителях. На страницах журнала выступят члены-корреспонденты АН СССР С. Алексеев, В. Степин, профессора А. Гулыга, А. Зотов, Б. Ерасов.

Дискуссии в Клубе политологов, статьи о проблемах обновления КПСС, анализы и прогнозы политической борьбы в различных регионах страны, материалы исследований новых партий и общественно-политических движений, с которыми выступят известные политологи, философы, правоведы Г. Шахназаров, Ю. Красин, Е. Амбарцумов, И. Клямкин, А. Мигранян.

Интервью с лидерами и общественными деятелями стран «новой Европы», очерки-портреты политических лидеров страны и мира.

Беседы в Кремле и в «Доме на Краснопресненской набережной».

Публикации о рыночной экономике, банках, биржах, кредитно-финансовой политике, об азах коммерции, о том, как выжить в условиях рынка, о «мире деловых людей». Лекции в школе маркетинга и менеджмента. Статьи и диалоги А. Аганбегяна, А. Аузана, М. Бочарова, А. Бузгалина, И. Липсица, Г. Лисичкина, А. Матлина, Б. Мильнера, Б. Пинскера, Р. Хасбулатова.

Малоизвестные страницы отечественной и зарубежной истории. Работы П. Струве, Л. Шестова, А. Чаянова. «Год на Родине» — воспоминания жены Г. В. Плеханова.

Ответы известных историков, философов, политологов на вопросы школьных и вузовских программ по обществоведению.

О природе человеческой души, проблемах нравственности и духовности в современном мире—публикации, эссе и проза ученых и писателей Анатолия Безуглова, Бориса Васильева, Юрия Давыдова, Леонида Жуховицкого, Анатолия Кима, Виктора Конецкого, Виктора Лихоносова, Валентина Распутина, Юрия Чередниченко, Николая Шмелева.

ISSN 0236-0942. Диалог. 1990. № 13. 1—112.